

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Осадчая Г. И.</i> Вступительное слово приглашенного редактора «К 10-летию Евразийского экономического союза (ЕАЭС)»	260
<i>Осадчая Г. И., Юдина Т. Н., Кочербаева А. А.</i> Ценностное ядро консолидации народов России и Кыргызстана: социологическая оценка	265
<i>Погосян Г. А.</i> Проблемы и перспективы евразийской интеграции в контексте общественных настроений Армении.....	286
<i>Леденева В. Ю., Назаров Р. Р.</i> Социологический анализ адаптации узбекских мигрантов на московском рынке труда в условиях интеграции с ЕАЭС.....	300
<i>Ростовская Т. К., Натсак О. Д., Еламанова А. С.</i> Структурные особенности и социальные проблемы неполных семей в России и Республике Казахстан ...	317
<i>Киреев Е. Ю., Рахимова М. А., Новикова В. С.</i> Молодые мигранты из Узбекистана в Московском регионе в перспективе расширения ЕАЭС	332
<i>Волкова О. А., Вартанова М. Л., Бобкова Е. М., Рославцева М. В.</i> Система показателей демографической безопасности Евразийского экономического союза: социологический подход.....	348

Осадчая Г. И., Юдина Т. Н., Волкова О. А., Киреев Е. Ю. III Международная летняя школа «Евразийские общества в фокусе молодых социологов» Института демографических исследований ФНИСЦ РАН..... 366

Учредитель: Санкт-Петербургский государственный университет
На журнал «Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология»
можно подписаться по каталогу «Пресса России».
Подписной индекс 80829

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-73022
от 06 июня 2018 г. (Роскомнадзор)

Главный редактор В. И. Дудина, д-р социол. наук, проф.
Редактор А. М. Никитина
Корректор Т. И. Селиванова
Компьютерная верстка Е. М. Воронковой

Дата выхода в свет 03.04.2025. Формат 70×100¹/₁₆.
Усл. печ. л. 9,4. Уч.-изд. л. 8,9. Тираж — 40 экз. Заказ № . Цена свободная.
Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9.
Адрес Издательства СПбГУ: 199004, Санкт-Петербург, В. О., 6-я линия, д. 11.
Тел./факс 328-44-22

Типография Издательства СПбГУ. 199034, С.-Петербург, Менделеевская л., д. 5.
Позиция редакции может не совпадать с позицией авторов.

CONTENTS

<i>Osadchaya G. I.[†]</i> Introductory remarks by the invited editor. “On the tenth anniversary of the Eurasian Economic Union (EAEU)”	260
<i>Osadchaya G. I.[†], Yudina T. N., Kocherbaeva A. A.</i> The value core of the consolidation of the peoples of Russia and Kyrgyzstan: A sociological assessment	265
<i>Poghosyan G. A.</i> Problems and prospects of Eurasian economic integration in the context of public attitudes in Armenia.....	286
<i>Ledeneva V. Yu., Nazarov R. R.</i> Potential effects of integration of Uzbekistan and EAEU: Sociological dimension of state regulation of labor migration	300
<i>Rostovskaya T. K., Natsak O. D., Elamanova A. S.</i> Structural features and social problems of single-parent families in Russia and the Republic of Kazakhstan: Comparative analysis.....	317
<i>Kireev E. Yu., Rakhimova M. A., Novikova V. S.</i> Young immigrants from Uzbekistan in the Moscow region in the EAEU expansion perspective	332
<i>Volkova O. A., Vartanova M. L., Bobkova E. M., Roslavytseva M. V.</i> The system of indicators of demographic security of the Eurasian Economic Union: A sociological approach.....	348

SCIENTIFIC EVENTS

<i>Osadchaya G. I.[†], Yudina T. N., Volkova O. A., Kireev E. Yu.</i> The 3 rd International Summer School “Eurasian Societies in the focus of Young Sociologists” of the Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences	366
--	-----

Вступительное слово приглашенного редактора «К 10-летию Евразийского экономического союза (ЕАЭС)»

Уважаемые читатели!

Перед вами специальный выпуск журнала «Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология», посвященный 10-летию Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Сегодня Союз объединяет Республику Армению, Республику Беларусь, Республику Казахстан, Кыргызскую Республику и Российскую Федерацию (в качестве членов)¹ и Республику Молдову, Республику Узбекистан и Республику Кубу (в качестве наблюдателей)². Это динамично развивающаяся международная организация региональной экономической интеграции, обеспечивающая разнопрофильную и взаимодополняющую экономическую систему внутреннего рынка ЕАЭС на основе принципа обеспечения четырех свобод (формирование единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов)³, а также взаимодействие с другими странами и глобальными объединениями.

Благоприятными факторами для евразийской интеграции в пределах Малой Евразии выступают, как показывают наши исследования, схожие мировоззренческие и жизненные позиции, ценности, отлаженные модели производства и прочее.

Идеология создания ЕАЭС восходит к классическим идеям и установкам евразийства конца XIX в. — 1920-х гг. и неоевразийства, сформировавшегося в 1990-е — начале 2000-х гг.⁴

Неоевразийство, впитав в себя идеи евразийства классического, обнаружило новый, прежде скрытый потенциал, новые стороны, стало глобальным, революционным, цивилизационным концептом, новой мировоззренческой платформой взаимопонимания и сотрудничества для широкого конгломерата различных сил, государств, народов, культур и конфессий, отказывающихся от евроатлантической модели глобализации. Главные его идеи: полицентризм и мультилинейность

¹ Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014; ред. от 24.03.2022; с изм. и доп., вступ. в силу с 03.04.2023) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 31.05.2024).

² В 2018 г. статус наблюдателя при Союзе получила Республика Молдова, а в 2020 г. — Республика Куба и Республика Узбекистан.

³ Договор о Евразийском экономическом союзе // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 31.05.2024).

⁴ Осадчая Г. И. Евразийский экономический союз: потенциал развития, формат сотрудничества. М.: Экон-Информ, 2021. С. 17–45.

социально-исторического процесса, представления о параллельном сосуществовании и росте различных цивилизаций, каждая из которых имеет свою логику развития, свою культурную доминанту, собственные ценности, цели и приоритеты; значимость развития национальных культур, уникальность и неповторимость каждой нации и народа, роль в жизни народа собственной высшей национальной идеи и самостоятельного, не подражательного развития как единственно перспективного для Евразии способа развития, опирающегося на национально-культурные традиции, нормы, ценности и опыт многовекового сотворчества народов; объективная предрасположенность евразийских народов постсоветского пространства к различным формам интеграции, детерминированная сочетанием социально-культурных кодов.

Отметим, что создание ЕАЭС началось в условиях весьма неблагоприятной внешнеэкономической конъюнктуры. 2014 г. стал годом нефтяного шока и рецессии в России и Казахстане, негативно отразившихся и на экономике других стран ЕАЭС. Против России в этот период планомерно вводились санкции и расширялся список государств, присоединившихся к ним. На этом фоне и при падении мировых цен на нефть в РФ произошла девальвация российского рубля, что повлекло изменение всех макроэкономических показателей.

Да и 2020-е гг. оказались непростыми. Продолжающийся глобальный кризис, пандемия COVID-19, акции протеста в Беларуси в связи с объявлением итогов президентских выборов, вооруженный конфликт в Нагорном Карабахе, массовые акции гражданского неповиновения и протесты в Ереване, третья революция в Кыргызстане, акции протеста против предварительных результатов выборов в парламент, протесты в Казахстане в январе 2022 г. после резкого повышения цен на сжиженный газ, произошедшего в связи с переходом на рыночный механизм ценообразования, обострили проблемы взаимного доверия и ответственности.

Однако экономики государств — членов ЕАЭС справились с глобальными внешними и внутренними вызовами. Функционирование в рамках Союза позволило минимизировать негативные явления в экономике, а по некоторым показателям сохранить положительную динамику. В дальнейшем увеличение макроэкономических показателей продемонстрировало жизнеспособность нового интеграционного объединения. К концу первого десятилетия своего существования Евразийский союз подошел со значимыми количественными показателями: совокупный ВВП стран Союза вырос с 1,6 до 2,5 трлн долларов США, товарооборот с третьими странами увеличился на 60 % — с 579 до 923 млрд долларов США. В два раза вырос объем взаимной торговли. В первую очередь благодаря отсутствию таможенного контроля на внутренних границах и преференциальному доступу кратно выросли объемы взаимной торговли. Следует подчеркнуть, что выгоды экономического развития получают все страны-члены⁵. Темпы роста ВВП государств «пятерки»

⁵ Об основных социально-экономических показателях Евразийского экономического союза. Январь — декабрь 2023 г. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_stat/union_stat/publications/analytical_reviews/monthly_review.php (дата обращения: 26.06.2024); Путин: ЕАЭС показал свою эффективность перед лицом новых вызовов. URL: <https://zen.ru/a/Zjugfj50uRljy60o> (дата обращения: 26.06.2024); Мишустин рассказал, кто получает выгоду от участия в ЕАЭС. URL: <https://ria.ru/20240531/mishustin-1949583427.html> (дата обращения: 26.06.2024).

выше, чем в странах СНГ, которые не задействованы в углубленном интеграционном формате.

Интеграционные процессы сложны, длительны, многогранны и неоднородны. По мнению экспертов, сформировавшаяся за годы функционирования Союза модель евразийской интеграции как инструмент политики национальных государств Евразии, эффективного решения современных проблем, сохранения мира, достижения безопасности, роста благосостояния народов стран-членов, еще не в полной мере соответствует задачам модернизации экономик, повышения уровня и качества жизни населения стран-членов. Идет постоянная настройка механизмов достижения поставленных целей на уровне как каждой страны-члена, так и Союза в целом.

Поэтому сегодня как никогда для реализации единственно правильного сценария интеграционных процессов в ЕАЭС, подразумевающего формирование консолидированного субъекта геоэкономических и геополитических отношений, а также реализацию эффективной модели регионального международного сотрудничества, важны конкретизация целеполагания ЕАЭС, определение на основе научного анализа способов достижения необходимых показателей ключевых направлений, разработка конкретных механизмов и мероприятий, учитывающих неэкономические факторы и включающих в интеграционные процессы человеческое измерение, оценки реального уровня интеграции Союза и выявление факторов, препятствующих ее осуществлению.

Осмысление функционирования ЕАЭС требует кооперации социологов и представителей смежных областей для изучения таких сложных социальных явлений, как демографическая безопасность Евразийского экономического союза, современное состояние и проблемы рынка труда в странах-членах, трудовая мобильность и проблемы занятости молодежи, тенденции и проблемы прекаризации занятости, миграционные процессы на евразийском пространстве, формирование общего финансового рынка, цифрового пространства ЕАЭС, единого социально-гуманитарного и образовательного пространства на территории Союза, результативность продвижения идей евразийской интеграции и т. п.

Повышению качества аналитики по проблемам евразийской интеграции способствует проведение межстрановых сравнительных исследований на основе разработанного единого инструментария. Результаты таких научных работ, реализованных учеными стран-членов и наблюдателей — членами Научного совета «Социально-политические проблемы формирования Евразийского экономического союза (ЕАЭС)» при Отделении общественных наук РАН, представлены в данном выпуске. Такие исследования повышают достоверность результатов, обеспечивают доступ к актуальным и релевантным сведениям каждой из стран, позволяют комплексно взглянуть на изучаемую проблему, приближают исследовательскую проблематику к потребностям реальной практики.

Так, в статье Г. И. Осадчей, Т. Н. Юдиной, А. А. Кочербаевой «Ценностное ядро консолидации народов России и Кыргызстана: социологическая оценка» продемонстрировано, что дальнейшее углубление интеграции детерминировано усилением единства ценностных устремлений народов по стратегически важным вопросам социально-политического и экономического развития Союза, обеспечения его внутренней и международной безопасности. Дана оценка актуальных систем ценностей индивидов, ценностного профиля различных групп, отражения понимания

ими сущности, целей общества и средств их достижения, соответствия обеспечению сплочения обществ, возможностей формирования на этой основе ценностного консенсуса как источника общественной жизненной траектории консолидации, потенциала народов России и Кыргызстана в этом аспекте.

Предложено по мере развития интеграционных процессов сформулировать и закрепить нормы и ценности Союза в документах ЕАЭС, ориентируясь на сохранение коллективных идентичностей, связанных с традиционными формами локальных цивилизаций, на развитие ради повышения благосостояния народов, справедливости, обеспечения прав человека, коллективной безопасности.

Статья Е. Ю. Киреева, М. А. Рахимовой, В. В. Новиковой «Молодые мигранты из Узбекистана в московском регионе в перспективе расширения ЕАЭС» посвящена анализу межпоколенческих различий внутри молодежной группы мигрантов из Узбекистана, которые осуществляют свою трудовую деятельность в Москве и Московской области, а также оценке характеристик интеграционных процессов в формате ЕАЭС со стороны узбекских мигрантов. Выявлены выраженные межпоколенческие различия внутри молодежной группы мигрантов из Узбекистана в контексте причин миграции, сферы приложения профессиональных усилий, ценностей и идентичности, досуговых практик, оценки миграционной политики. Авторы делают вывод об общем одобрении молодыми мигрантами из Узбекистана интеграции их страны в пространство ЕАЭС и о связанных с этим ожиданиях улучшения их жизни.

Авторский коллектив в лице Т. К. Ростовской, О. Д. Натсак и А. С. Еламановой раскрыл структурные особенности и социально-экономические проблемы неполных семей в России и Республике Казахстан, проанализировал масштабы распространенности неполных семей, численную динамику, а также их структуру, состав, размер, число детей. Сделаны выводы о том, что и в России, и в Казахстане между переписями выросла доля материнских и отцовских неполных семей. Подчеркивается необходимость более комплексного подхода к проблемам неполных семей в интересах обеспечения демографического благополучия и повышения качества человеческого капитала России и Казахстана.

Статья Г. А. Погосяна посвящена обсуждению проблем и перспектив евразийской интеграции в новых условиях многополярного миропорядка. Здесь дан анализ трансформации интереса армянской общественности к интеграционным процессам в Евразии. Предложено расширить возможности народной дипломатии и социальной коммуникации между различными слоями гражданского общества, создать новые площадки для активного гуманитарного сотрудничества в процессах евразийской интеграции, подумать о развитии и внедрении в ближайшем будущем совместных проектов среди молодежи стран Союза, особенно в сфере гуманитарных наук и образования, развить проактивную стратегию интеграции взамен реактивной, сформировать свою суверенную модель эффективного социально-экономического и политического развития в условиях многополюсного миропорядка.

В статье В. Ю. Леденевой и Р. Р. Назарова даны социологический анализ адаптации узбекских мигрантов на московском рынке труда в условиях интеграции с ЕАЭС, количественные и качественные характеристики трудовой миграции из Узбекистана, степени социокультурной адаптации, стратегий поведения трудовых мигрантов, выявлены ключевые факторы разработки устойчивых стратегий

социокультурной интеграции узбекских мигрантов на евразийском пространстве. Сделан вывод, что более глубокая социально-экономическая интеграция Узбекистана с ЕАЭС может стать значимым драйвером экономического и социокультурного сотрудничества. Разработаны рекомендации для государственных и общественных институтов, направленные на создание поддерживающей среды для узбекских мигрантов с учетом национальных интересов России.

О. А. Волкова, М. Л. Вартанова, Е. М. Бобкова и М. В. Рославцева в своей статье «Система показателей демографической безопасности Евразийского экономического союза: социологический подход» провели анализ статистических данных ЕАЭС за 2014–2023 гг. по демографическим характеристикам населения, предложили систему индикативных показателей демографической безопасности ЕАЭС.

В выпуске также представлена информация о прошедшей в июне 2024 г. III Международной летней школе «Евразийские общества в фокусе молодых социологов» Института демографических исследований ФНИСЦ РАН и Научного совета «Социально-политические и демографические проблемы формирования Евразийского экономического союза (ЕАЭС)» при Отделении общественных наук РАН, посвященной 10-летию Евразийского экономического союза.

От лица редакционной коллегии благодарим авторов за представленные статьи, от лица авторов — выражаем надежду на дальнейшее сотрудничество с редакцией и уверенность в том, что журнал продолжит публикацию интересных и важных для науки и общества материалов научных исследований в области интеграционных процессов в Евразии.

С уважением,

*Осадчая Галина Ивановна,
д-р социол. наук, проф., руководитель отдела
исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС,
Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН,
председатель Научного совета
«Социально-политические проблемы формирования
Евразийского экономического союза (ЕАЭС)»
при Отделении общественных наук РАН*

Ценностное ядро консолидации народов России и Кыргызстана: социологическая оценка

Г. И. Осадчая¹, Т. Н. Юдина¹, А. А. Кочербаева²

¹ Институт демографических исследований

Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,

Российская Федерация, 119333, Москва, ул. Фотиевой, 6

² Кыргызско-Российский славянский университет им. Б. Н. Ельцина,

Республика Кыргызстан, 720000, Бишкек, ул. Киевская, 44

Для цитирования: Осадчая Г. И., Юдина Т. Н., Кочербаева А. А. Ценностное ядро консолидации народов России и Кыргызстана: социологическая оценка // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2024. Т. 17. Вып. 3. С. 265–285. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2024.301>

Россия и Кыргызстан после распада Советского союза последовательно ведут совместную работу по интеграционному сближению стран малой Евразии. Они эффективно взаимодействуют в составе Содружества Независимых Государств, Организации Договора о коллективной безопасности, Евразийского экономического союза. Дальнейшее углубление интеграции детерминировано усилением единства ценностных устремлений народов по стратегически важным вопросам социально-политического и экономического развития Союза, обеспечения его внутренней и международной безопасности. С учетом подвижного характера ценностей человека в период нестабильности и радикальных перемен, пережитых странами в последние 35 лет, реализации коллективным Западом либерально-демократических социально-гуманитарных программ практически во всех постсоветских республиках и особенно в Кыргызстане, формируется потребность в осмыслении личностных ценностей россиян и кыргызстанцев. В исследовании поставлена цель на основе анализа результатов социологического исследования личностных ценностей населения Москвы и Бишкека как лидеров оценочно-ценностного отношения к социальной реальности современных России и Кыргызстана выявить иерархию ценностей, обосновать ценностное ядро консолидации народов этих стран в условиях новых рисков и вызовов. Методическая стратегия исследования включает работу с документами и количественный опрос постоянного населения Москвы и Бишкека. В статье представлена теоретическая рамка измерения ценностей народов России и Кыргызстана с опорой на работы российских и зарубежных ученых, дана оценка актуальных систем ценностей индивидов, ценностного профиля различных групп, отражения понимания ими сущности, целей общества и средств их достижения, их соответствия задачам обеспечения сплочения обществ, возможностей формирования на этой основе ценностного консенсуса как источника общественной жизненной траектории консолидации потенциала ценностных ориентиров россиян и кыргызстанцев в этом аспекте обоснованы ценностные основы сплочения народов России и Кыргызстана.

Ключевые слова: личностные ценности, ценностное ядро, консолидация, Евразийский экономический союз.

Введение

Общественное согласие на основе общих ценностей народов России и Кыргызстана — залог успеха интеграционных процессов. Однако сегодня существует противоречие между необходимостью осмысления личностных ценностей индивидов, иерархий ценностей, различных социально-демографических, социально-профессиональных, этнических, религиозных групп российского и кыргызского обществ и отсутствием эмпирической информации, позволяющей выявить на данном этапе общественного развития сходство и различие их ценностных систем для обоснования ценностного ядра консолидации народов.

Анализ современной научной литературы показал, что в последнее десятилетие ценностные аспекты процесса консолидации населения и его перспективы в социологической теории исследованы недостаточно. Это негативно сказывается на разработке и реализации интеграционной политики ЕАЭС. Исследовательских работ, обосновывающих базовое ценностное ядро консолидации народов России и Кыргызстана, нет.

Объектом исследования выступают ценности человека как индивидуальное отношение к культурным историческим нормам страны, обобщенным целям и средствам их достижения. На уровне отдельно взятых индивидов измерение их ценностей показывает отношение к социальным институтам, социальным процессам, нормам взаимодействия и консолидации общества.

Предмет исследования — анализ политических, культурных, религиозных, социальных, экономических ценностей индивидов и идей, иерархии ценностей, которые могут быть общими для различных групп населения в России и Кыргызстане, способствовать или препятствовать их консолидации. В предмет исследования включены факторы, которые могут служить основой для общественной солидарности и единства в России.

Цель работы — на основе анализа результатов социологического исследования личностных ценностей населения Москвы и Бишкека как лидеров оценочно-ценностного отношения к социальной реальности современных России и Кыргызстана выявить иерархию ценностей и обосновать ценностное ядро консолидации народов этих стран в условиях новых рисков и вызовов.

В статье с опорой на работы российских и зарубежных ученых представлена теоретическая рамка измерения ценностей народов России и Кыргызстана, дана оценка актуальных систем ценностей индивидов, ценностного профиля различных групп, отражающих понимание ими сущности, целей общества и средств их достижения, их соответствия обеспечению консолидации обществ, возможностей формирования на этой основе ценностного консенсуса как источника консолидирующего потенциала ценностных ориентиров россиян и кыргызстанцев.

Обзор научной литературы

Исследования ценностной проблематики в социально-гуманитарных науках являются актуальной задачей, так как система ценностей отражает конкретно-историческое состояние общества, его потенциал и перспективы развития. Многогранность сущности ценностей и разнообразные подходы к их классификации зависят от специфики той или иной отрасли научного знания.

В социологическом знании ценность рассматривается как элемент социальной системы, общественного сознания и культуры. Социологи часто оценивают распространенность ценностей в массовом сознании и влияние тех или иных ценностей на поведение людей. В научной социологической литературе существуют различные квалификационные подходы к изучению ценностей [1; 2]. Вопросам рассмотрения сущности понятия «ценность», процессов трансформации ценностей, их классификации и измерению уделено большое внимание со стороны как российских, так и зарубежных исследователей [3–18]. Кыргызские исследователи уделяют большое внимание изучению ценностей [19–24].

В последнее время актуальность ценностной проблематики и ее роль в процессах консолидации населения становятся все более очевидной. Появились работы отечественных ученых, в которых освещаются вопросы взаимосвязи между ценностями и процессами консолидации.

Под консолидацией обычно рассматривают «укрепление, объединение социума, сплочение отдельных групп, организаций для достижения общей цели на основе внутренних регуляторов (моральных, историко-культурных ценностей)» [25, с. 549]. Изучаются различные аспекты и виды консолидации [26; 27].

Характеристика консолидирующего потенциала ценностных ориентиров россиян дана И. М. Кузнецовым [28]. Д. В. Хрипкова делает вывод о необходимости поиска источников в виде ценностных оснований солидаризации и консолидации в целях преодоления дефицита солидаристских ценностей в современном обществе [29].

В. А. Воронов на эмпирическом уровне выявил специфику влияния ценностных оснований на процессы консолидации в условиях повышенного риска в связи с проведением специальной военной операции [30]. Проблемам ценностных оснований консолидации городского сообщества в приграничных регионах России посвящены работы В. П. Бабинцева, Г. А. Ельниковой и соавторов [31].

В отечественной науке продолжается поиск подходов к анализу консолидационных процессов на постсоветском пространстве, в том числе на пространстве ЕАЭС. Так, В. И. Пантин анализирует значение евразийской идеологии для современной экономической интеграции, причины ее слабого использования в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС), возможности и перспективы адаптации евразийства для целей экономического развития и интеграции [32]. Аксиологический аспект анализа действующих концептуально-стратегических документов стран ЕАЭС, раскрывающих концепт ценностей, проведен О. В. и И. В. Бахловыми [33]. В поле зрения исследователей вошли и проблемы обоснования консолидации отдельных стран, в том числе России и Кыргызстана [34].

Анализ современного состояния исследований по данной проблеме показывает, что ученые до сих пор не проводили комплексную эмпирическую оценку ценностных оснований консолидации народов России и Кыргызстана.

Методология и методика исследования

В данной статье ценностное ядро консолидации народов России и Кыргызстана анализируется в контексте междисциплинарного подхода. Взаимосвязь между ценностями и процессами консолидации рассматривается в рамках представлений Т. Парсонса (Т. Parsons), который отмечал, что именно «ценности объединяют

и разделяют людей, способствуя возникновению социальных классов, слоев, этнических групп, наций и народов. Система ценностей образует “коллективный портрет” любой общности» [35, с. 201].

Ценности трактуются как предельно широкие явления, значимые в жизнедеятельности общества, социальных групп и индивидов: здоровье, свобода, равноправие, достоинство, справедливость и т. п. Мы разделяем точку зрения С. Л. Рубинштейна, что ценность может выполнять функцию ориентира поведения только тогда, когда становится личной ценностью, значимой для человека [36].

Для решения задач нашего исследования интерес представляют идеи культурных изменений, связанных с ценностями постмодерна, которые позволяют определить тенденции в разворачивании современных политических трансформаций [37], «основу социальной консолидации составляет устойчивая артикулированная совокупность понятийных и принятых людьми личных, общественных, государственных и цивилизационных целей, идеалов, ценностей, интересов, которые содействуют каждому человеку в выстраивании взаимоотношений с другими людьми, группами и социальными институтами» [25], возможности сообществ консолидироваться на основе как просоциальных, так и деструктивных ценностно-смысловых комплексов и специфики «консолидационных» ценностей просоциального характера, заключающейся в их гуманитарной и гуманистической направленности [38].

Полагаем, что на системный сдвиг ценностей поколений оказывают влияние экономические, политические и социокультурные преобразования в каждой стране. Особенности современных ценностей обществ и личности связаны также с процессами, происходящим в ЕАЭС и мире, формирующимися под влиянием СМИ и других медиа.

Ценности личности респондентов измеряются в исследовании как субъективный образ представлений о вариантах ценностных систем, обеспечивающих консолидацию всех сегментов евразийских обществ ради реализации задач, стоящих перед Россией, Кыргызстаном и ЕАЭС.

В ходе исследования мы сравниваем современное состояние систем ценностей москвичей и бишкекцев на основании выделения двух типов, дополняющих друг друга: интеграционных ценностей (одобрение/неодобрение деятельности Евразийского экономического союза, оценка глубины и направлений расширения сфер интеграции, оценка основ и ценностных установок объединения стран в Евразийский экономический союз, согласие/несогласие с основными идеями, определяющими суть евразийской парадигмы) и социокультурных (толерантность, открытость, межкультурные контакты, ценности социальных ожиданий, жизненные перспективы, материальное благополучие, ценности деторождения, создания семьи), открывающих возможности самореализации и саморазвития для человека и успешной интеграции народов стран — членов ЕАЭС.

Мы исходим из того, что консолидация народов может иметь позитивный, негативный или смешанный негативно-позитивный характер, на что указывал В. А. Ядов [39]. При обосновании ценностного ядра консолидации народов мы ориентированы на выделение и обоснование позитивных интеграционных и социокультурных ценностей.

Методическая стратегия исследования включает анализ документов по проблемам евразийской интеграции и количественный опрос постоянного населения Москвы и Бишкека, позволяющий получить информацию о субъективных мнениях и оценках, о ценностях, определяющих поступки людей в настоящем и будущем. По квотной выборке опрошено 547 респондентов в Москве в декабре 2023 г. и 414 респондентов в Бишкеке в декабре 2023 — январе 2024 г. Учитывая, что такая выборка соответствует социальной структуре горожан, повторяя свойства и особенности генеральной совокупности, среди респондентов-москвичей опрошено в возрасте 18–34 лет 24,5 %, бишкекцев — 49,4 %, а в возрасте старше 60 — 29,4 и 12,8 % соответственно. Жизненный опыт сказывается на результатах опроса и учитывается авторами при интерпретации ответов. В качестве признаков отбора использованы: гражданство России, Кыргызстана, проживание на территории Москвы и Бишкека. Ошибка выборки составляет ± 3 %. Следует отметить ограничения интерпретации результатов, изложенных в статье, обусловленных особенностями выборки населения Москвы и Бишкека.

В статье мы используем компаративную методику, основанную на сравнении и сопоставлении ценностей, которая позволила нам выявить особенности, присущие москвичам и бишкекцам в выборе тех или иных представлений о значимом и должном.

Мы исходим из предположения о совпадении доминирующих в обществах России и Кыргызстана и разделяемых большинством людей интеграционных и социокультурных ценностей, что способствует консолидации народов в интересах строительства нового интеграционного объединения в силу экономической взаимосвязанности стран, а также склонности народов Евразии к интеграции.

Результаты исследования

Консолидация народов России и Кыргызстана в интересах строительства нового интеграционного объединения предполагает совпадение доминирующих в обществах и разделяемых людьми интеграционных и социокультурных ценностей, позволяющих решать задачи стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции¹. Ценности обеспечивают согласование общественных и личных интересов, служат консолидации народов, межнациональному согласию граждан государств — членов ЕАЭС, гармонизации отношений между представителями различных этнических групп и этнических общностей, позволяют преодолеть разногласия, противоречия, которые неизбежно возникают в процессе

¹ Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года // Евразийская экономическая комиссия: [сайт]. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/departement/dep_razv_integr/strategicheskie-napravleniya-razvitiya.php; Главы государств ЕАЭС подписали Декларацию о дальнейшем развитии экономических процессов «Евразийский экономический путь» // Евразийская экономическая комиссия: [сайт]. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/glavy-gosudarstv-eaes-podpisali-deklaratsiyu-o-dalneyshem-razvitii-ekonomicheskikh-protsessov-evrazi/>; Декларация о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках Евразийского экономического союза до 2030 года и на период до 2045 года «Евразийский экономический путь» // Дипломатическая академия МВД России: [сайт]. URL: <https://www.dipacademy.ru/press/deklaraciya-o-dalnejshem-razvitii-ekonomicheskikh-processov-v-ramkah-evrazijskogo-ekonomicheskogo-soyuza-do-2030-goda-i-na-period-do-2045-goda-evrazijskij-ekonomicheskij-put/> (дата обращения ко всем источникам: 12.06.2024).

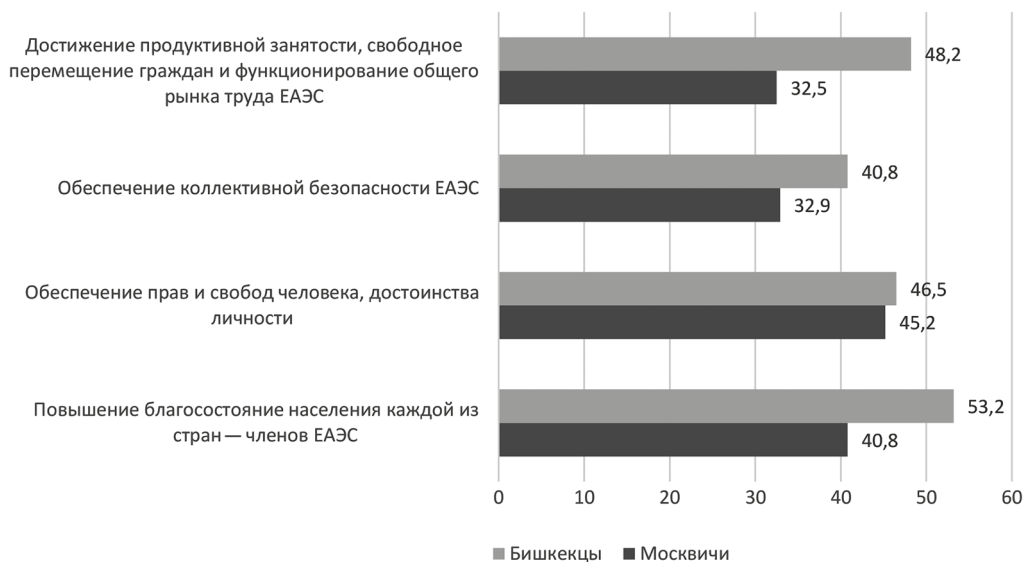

Рис. 1. Оценки респондентами ценностей интеграции в странах — членах ЕАЭС (множественный вопрос, не более 3 ответов, в % от опрошенных)

интеграции. Они лежат в основе объединения или разделения людей, являются системообразующими для взаимодействия народов. Именно ценности важны для обеспечения согласия, взаимопонимания и сотрудничества народов России и Кыргызстана.

Ценности интеграции в оценках респондентов. Наши многолетние наблюдения показывают, что базовые ценности интеграции респондентов в России и Кыргызстане в полной мере соответствует целям и задачам создания Евразийского экономического союза² (рис. 1).

Единодушное мнение высказано опрошенными о соблюдении такой ценности, как обеспечение прав и свобод человека, достоинства личности. Некоторые различия значимости достижения продуктивной занятости, свободного перемещения граждан и функционирования общего рынка труда ЕАЭС обусловлены потребностью жителей Кыргызстана в трудовой миграции на общем рынке труда ЕАЭС [40], а повышение благосостояния населения каждой из стран — членов ЕАЭС, обеспечения коллективной безопасности ЕАЭС — особенностями социально-экономической ситуации в изучаемых странах и настроениями, разделяемыми людьми. Так, чувство гордости за свою страну и удовлетворенности, уверенности за будущее испытывают 57,8 % москвичей и 33,8 % бишкекцев; беспокойства, тревоги — 17,7 и 27,4 %; безнадежности, подавленности и злости, раздражения — 5,3 и 16,6 % соответственно. Москвичи более оптимистично оценивают перспективы России в ближайшие 5 лет.

² Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014; ред. от 05.08.2021) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 12.06.2024).

Позитивная консолидация опрошенных москвичей и бишкекцев характеризуется долей одобряющих деятельность ЕАЭС и поддержкой различных направлений углубления интеграции. Наиболее поддерживаемой и москвичами, и бишкекцами является экономическая интеграция, результаты которой более очевидны для тех и других. Очевидно, у наших опрошенных существует понимание того, что наличие единого рынка труда и товаров государств — членов ЕАЭС в условиях внешнего давления приобретает ряд специфических преимуществ, связанных с интенсивностью взаимной торговли при наличии внешнего барьера по отношению к третьим странам, а также повышением конкурентоспособности национальных экономик на мировой арене [41].

Бишкекцы чаще (7 из 10), нежели москвичи (6 из 10), одобряют деятельность Евразийского союза. Более высокий уровень одобрения процессов евразийской интеграции у бишкекцев оказался среди женщин, в группах опрошенных со средне-специальным и высшим образованием, в возрастных группах 30–35 лет, 40–44 года и старше 60 лет, имеющих профессиональный статус: руководитель, квалифицированный наемный работник, предприниматель, самозанятый, оценивающих свой уровень доходности так: «Мне хватает денег на покупку крупной бытовой техники, но я не могу купить новую машину», «Моих заработков хватает на все, за исключением покупки таких дорогих вещей, как дача или квартира». Среди москвичей устойчивых тенденций в оценке интеграции по социально-демографическим и доходным группам не просматривается. Думается, это частично связано с тем, что, по самооценкам 62,2 % бишкекцев, деятельность ЕАЭС привела к позитивным изменениям в их жизни, что выше по сравнению с москвичами на 20 п. п. (42,2 %). Они или их близкие и знакомые почувствовали преференции, связанные со свободой перемещения, предоставленные с созданием Союза. По данным наших предыдущих исследований, «работа в России позволила мигрантам из Кыргызстана не только сохранить отрасль профессиональной работы в стране исхода, статус, но и порой повысить его» [42, с. 100].

8 из 10 респондентов из обеих стран поддерживают углубление интеграционных процессов в социогуманитарной сфере. Углубление интеграции в военной сфере на 15 % реже поддерживается москвичами.

Несмотря на то что в Декларации о дальнейшем развитии ЕАЭС до 2030 г. и на период до 2045 г., подписанных главами государств ЕАЭС на заседании Высшего Евразийского экономического совета 25 декабря 2023 г.³, ставятся только экономические задачи, на уровне Высшего Евразийского экономического совета обсуждается вопрос «о добавлении к четырем известным свободам — передвижению товаров и услуг, финансов и человеческого капитала в рамках ЕАЭС, пятой — свободы знаний, которая реализовывалась бы на основе общих принципов и стандартов образования, здравоохранения и государственного управления, способствовала формированию и развитию общего культурного пространства и общей евразий-

³ Документы, подписанные по итогам заседания Высшего Евразийского экономического совета. Декларация о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках Евразийского экономического союза до 2030 года и на период до 2045 года «Евразийский экономический путь» // Президент России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/6075> (дата обращения: 12.06.2024).

Рис. 2. Поддержка респондентами различных аспектов пятой свободы в ЕАЭС — свободы знаний (один вариант ответа по направлению, в % от опрошенных)

ской идеологии»⁴. По данным нашего исследования, подавляющее большинство опрошенных такую перспективу поддерживает. Причем более активно — бишкекцы. У москвичей исключение составляет реализация общих принципов государственного управления и создание общеевразийской идеологии, за которую проголосовало 55,1 и 51,6 % соответственно, то есть на 25–28 п.п. меньше по сравнению с другими аспектами (рис. 2).

Основой интеграционных процессов на постсоветском пространстве респонденты считают прежде всего экономическую взаимосвязанность регионов и стран, единое географическое пространство; единые ценности и моральные нормы. Бишкекцы чаще акцентировали внимание на необходимости обеспечения безопасности каждой страны, а москвичи — на общей исторической судьбе (рис. 3).

⁴ Заседание Высшего Евразийского экономического совета: основные заявления // Спутник. Молдова. 2023. 25.05. URL: <https://md.sputniknews.ru/20230525/zasedanie-vysshego-evraziyskogo-ekonomicheskogo-soveta-osnovnye-zayavleniya-57079592.html>; Путин предложил добавить пятую свободу в рамках ЕАЭС // РИА Новости. 2023. 25.05. URL: <https://ria.ru/20230525/putin-1874126763.html>; В ЕАЭС хотят внедрить еще одну свободу — знаний, напомнили в ЕЭК // Спутник. Кыргызстан. 2023. 26.11. URL: <https://ru.sputnik.kg/20231129/eaehs-znaniya-svoboda-peredvizhenie-1080852405.html> (дата обращения ко всем источникам: 12.06.2024).

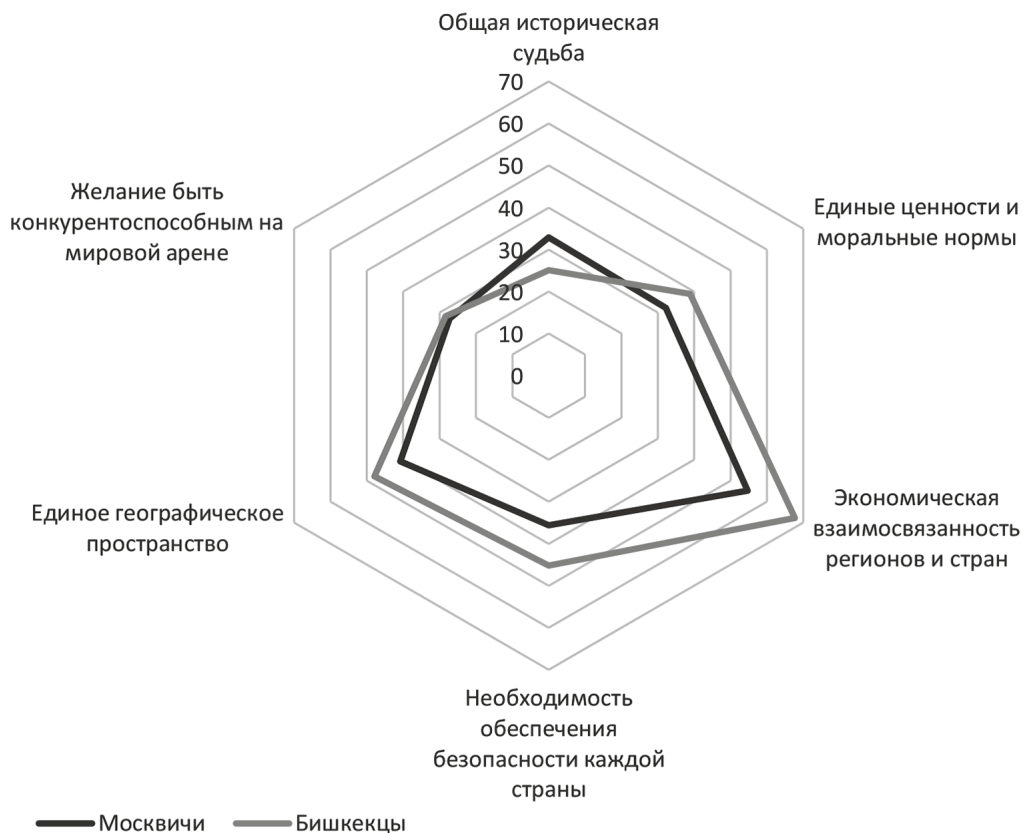

Рис. 3. Основы интеграционных процессов на постсоветском пространстве в оценках респондентов (в % от опрошенных)

Следует отметить, что большинство респондентов разделяют мнение евразийцев о склонности народов Евразии к интеграции. Подавляющее большинство опрошенных согласились с мнением, что существует объективная предрасположенность народов на территории Евразии к различным формам интеграции, национальная терпимость присуща народам на территории Евразии, для россиян и кыргызстанцев характерна веротерпимость к различным конфессиям: христианам, мусульманам, иудаистам, буддистам и т.д. (рис. 4).

В ходе опроса респонденты ранжировали причины, препятствующие развитию Союза. Москвичи на первое место поставили такой фактор, как «низкая информированность граждан о деятельности Союза», а бишкекцы — «национальные и государственные элиты, преследующие свои интересы».

И это соответствует результатам их ответа на вопрос «Знаете ли Вы о том, что ваша страна входит в состав Евразийского экономического союза (ЕАЭС)?». Доля кыргызстанцев, утвердительно ответивших на этот вопрос, на 20 п. п. выше по сравнению с россиянами. Существуют некоторые разногласия у опрошенных в представлениях о необходимой ориентации стран на интеграционные объединения Европы и Азии (рис. 5).

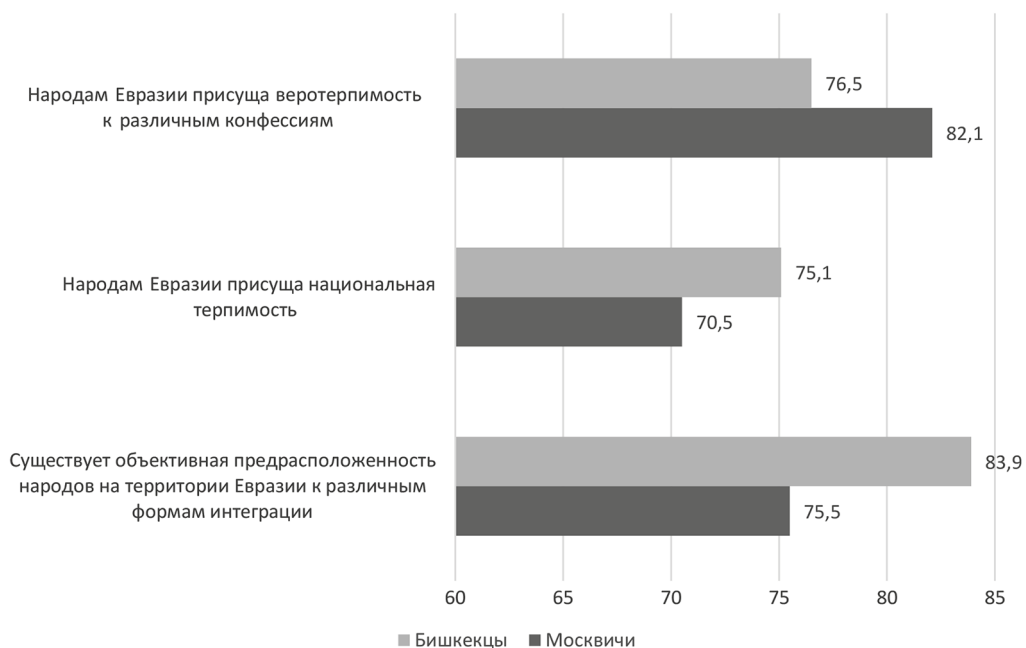

Рис. 4. Мнение респондентов о предрасположенности интеграции народов Евразии (в % от опрошенных)

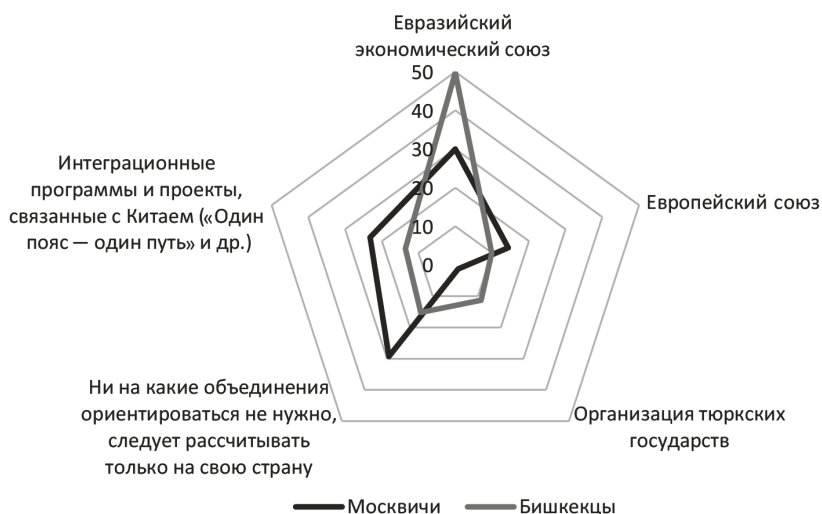

Рис. 5. Мнения респондентов по вопросу, на какие интеграционные объединения прежде всего следует ориентироваться России и Кыргызстану (в % от опрошенных)

Большинство бишкекцев (49,8 %) ориентируются на ЕАЭС, 11 % — на Организацию тюркских государств, 9,9 % — на Европейский союз. По оценке кыргызских экспертов, многие кыргызстанцы, ранее работавшие в РФ, в последнее время начали уезжать в Чехию, Словакию, Венгрию, Германию, Южную Корею, Турцию⁵, что может сказаться в перспективе на их интеграционных предпочтениях.

Треть москвичей полагают, что для нашей страны также важно ориентироваться на ЕАЭС, а пятая часть — на интеграционные программы и проекты, связанные с Китаем («Один пояс — один путь» и др.). Это можно объяснить тем, что для России отношения с Китаем стали в последние годы одним из важнейших направлений внешней политики. В информационной повестке активно обсуждается участие ЕАЭС в формировании большого евразийского партнерства как пространства сотрудничества и взаимодействия единомышленников, где будут сопряжены самые разные интеграционные процессы: «Один пояс — один путь», Шанхайская организация сотрудничества, Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН)⁶. При этом среди москвичей в два раза больше тех, кто считает, что ни на какие объединения ориентироваться не нужно, следует рассчитывать только на свою страну (29,3 %).

Социально-культурные ценности москвичей и бишкекцев. Несмотря на экономические и политические изменения, произошедшие в российском и кыргызстанском обществах, трансформацию института семьи, появление новых гендерных моделей, возникновение новых форм брачно-семейных отношений, доминирующими ценностями и москвичей, и бишкекцев, составляющими ядро ценностей социальных ожиданий, остаются: крепкая семья, дети, уверенность в завтрашнем дне, наличие благоприятных перспектив, возможность иметь интересную работу, позволяющую проявить свои способности и таланты, жить в мире, чувствовать себя в безопасности, не ощущать угрозы насилия, построить карьеру, быть богатым человеком, чтобы ни в чем себе не отказывать.

Главным в семейных отношениях респонденты назвали: взаимную любовь, уважение, поддержку, согласие супругов по всем ключевым вопросам, сохранение верности партнеру, равноправие супругов в решении любых вопросов. Для 9 и 10 опрошенных сохраняется ценность деторождения. Среди москвичей преобладает стремление иметь 1–2 детей (одного ребенка — 20,7 %, двух детей — 37,7 %, трех детей — 21,2 %, трех и более детей — 11,5 %), а среди бишкекцев — 2–3 и более (двух детей — 27,0 %, трех детей — 19,4 %, трех и более детей — 27,2 %).

Созвучны ответы москвичей и бишкекцев на вопрос о готовности объединиться для совместных действий с такими же людьми, как и они, чтобы их жизнь и жизнь окружающих людей стала лучше, достойнее. 44,6 и 45,4 % соответственно готовы занять активную жизненную позицию (рис. 6).

Близки и ответы на вопрос о средствах достижения жизненных целей, определяемых ценностями (рис. 7).

⁵ Слабый рубль и война в России толкают кыргызстанцев на работу в другие страны — эксперт // Economist.kg. 2023. 17.08. URL: <https://economist.kg/ekonomika/2023/08/17/slabyi-rubl-i-voina-v-rossii-tolkaiut-kyrgyzstantsiev-na-rabotu-v-drughiie-strany/> (дата обращения: 14.06.2024).

⁶ Международный форум «Один пояс — один путь». 18 октября 2023 г. // Президент России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/72528> (дата обращения: 14.06.2024).

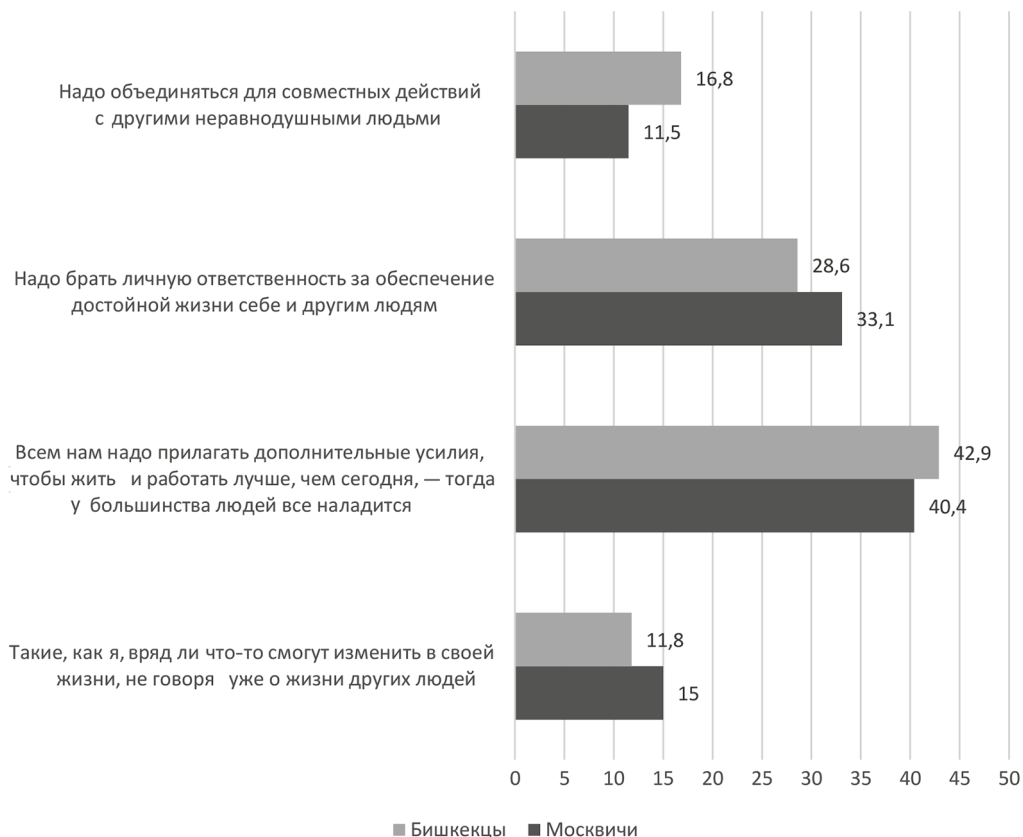

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос «А что в первую очередь могут сделать такие люди, как Вы, чтобы Ваша жизнь и жизнь окружающих Вас людей стала лучше, достойнее?» (в % от опрошенных)

В качестве главных личных качеств москвичи называли: образование, трудолюбие, связи с нужными людьми, деньги, ответственность, амбициозность. Бишкекцы: образование, связи с нужными людьми, деньги, трудолюбие, амбициозность, честность и принципиальность, ответственность.

Для межэтнического взаимодействия крайне важна позитивная коммуникация, взаимопонимание между людьми разных национальностей, разнообразные контакты, в процессе которых этнические общности реализуют свои интересы, строят профессионально-личностные взаимоотношения.

Большинство опрошенных проявляют толерантность к людям других этнических групп. Для них национальность людей, их окружающих, не имеет значения (все зависит не от национальности, а от человеческих качеств — 66,0 % москвичей, 68,2 % бишкекцев), хотя для пятой части национальность все же имеет значение (20,1 и 21,4 % соответственно). Однако этническая дистанция явно возрастает при рассмотрении возможности вступления в межнациональный брак, что определяется сформировавшимися стереотипами и проявлением этноцентризма. Меньшую готовность к вступлению в брак с человеком другой национальности высказали москвичи. Они также более критично оценивают межэтнические отношения, сло-

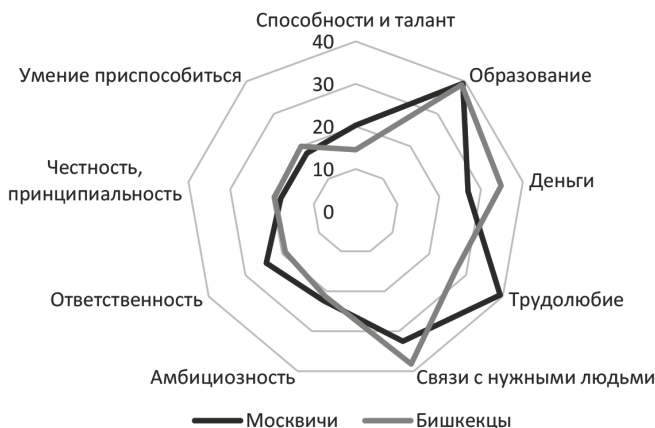

Рис. 7. Распределение ответов на вопрос «Что из перечисленного, на Ваш взгляд, является важным для достижения успеха в Вашей стране? (не более трех вариантов ответа)» (в % от опрошенных)

жившиеся в районе их постоянного проживания между жителями Москвы и гражданами, приехавшими из Кыргызстана, что можно объяснить неразделением по национальности приехавших мигрантов в Москву, то есть общим отношением к тем, кто отличается от москвичей, усиленной анклавизацией расселения мигрантов, не всегда адекватным поведением мигрантов в Москве, а также нарастающей мигрантофобией.

Закрепление в документах ЕАЭС ценностных основ, способствующих повышению эффективности строительства интеграционного объединения. Нельзя сказать, что в Договоре о ЕАЭС полностью отсутствует ценностный компонент, подробный анализ которого дан в статье К.Л. Чайка [43]. Так, в ст. 3 Договора о ЕАЭС говорится о принципах функционирования Союза, таких как «уважение общепризнанных принципов международного права, особенностей политического устройства государств-членов, обеспечение взаимовыгодного сотрудничества»⁷.

Однако проведенный анализ мнений респондентов — москвичей и бишкекцев, демонстрирует, что ценностная составляющая ЕАЭС может быть значительно более полной и сегодня она явно недостаточна. По мере развития и углубления интеграционных процессов нормы и ценности Союза необходимо сформулировать и закрепить в документах ЕАЭС.

Формулируя ценности ЕАЭС для принятия документа, следует обратиться к евразийским ценностям, поддержанным нашими респондентами в ходе опроса:

- полицентризм и мультилинейность социально-исторического процесса, представления о параллельном сосуществовании и развитии различных цивилизаций, каждая из которых имеет свою логику развития, свою культурную доминанту, собственные ценности, цели и приоритеты;

⁷ Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014; ред. от 05.08.2021) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 12.06.2024).

- значимость развития национальных культур, уникальность и неповторимость каждой нации и народа, роль в жизни народа собственной высшей национальной идеи и самостоятельного неподражательного развития;
- самостоятельный, неподражательный, опирающийся на национально-культурные традиции, нормы, ценности и опыт многовекового сотворчества народов, способ развития Евразии, предрасположенность евразийских народов постсоветского пространства к различным формам интеграции, детерминированная сочетанием базовых составляющих или социально-культурных кодов;
- необходимость формирования национальной идентичности каждого отдельного народа Евразии с «общеевразийской идентичностью» [44, с. 25].

Следует поддерживать те ценности, которые разделяют наши респонденты, делать акцент на «сохранении коллективных идентичностей: семейных, этнических, религиозных, связанных с традиционными формами локальных цивилизаций, <...> на развитии ради повышения благосостояния народов, справедливости как обеспечении прав человека» [45, с. 629], безопасности, обеспеченной коллективно.

Вопрос о ценностном наполнении евразийской интеграции важен как для взаимодействия с внешними партнерами для решения задач внешней политики, так и для обеспечения высоких стандартов защиты прав человека, основных свобод при принятии международных договоров и актов органов Союза.

Выводы и обсуждение результатов

Наше исследование свидетельствует о совпадении доминирующих в обществах и разделяемых людьми интеграционных и социокультурных ценностей, что способствует консолидации народов России и Кыргызстана в интересах строительства нового интеграционного объединения. В ценностное ядро консолидации входят такие интеграционные ценности, как обеспечение прав и свобод человека, достоинства личности, достижения продуктивной занятости, повышения благосостояния населения каждой из стран — членов ЕАЭС, обеспечения коллективной безопасности ЕАЭС, свободного перемещения граждан и функционирования общего рынка труда ЕАЭС. Преодолению разногласий и противоречий, которые неизбежно возникают в процессе интеграции, обеспечению согласия, взаимопонимания, сотрудничества народов России и Кыргызстана способствуют социокультурные ценности, составляющие ядро: крепкая семья, дети, уверенность в завтрашнем дне, наличие благоприятных перспектив, интересная работа, позволяющая проявить свои способности и таланты, жизнь в мире, чувство безопасности, отсутствие угрозы насилия, карьера, богатство, чтобы ни в чем себе не отказывать. А также ценности семейных отношений: взаимная любовь, уважение, поддержка, согласие супругов по всем ключевым вопросам, сохранение верности партнеру, равноправие супругов в решении вопросов. Таким образом, ценностная составляющая ЕАЭС может быть значительно более полной и сегодня она явно недостаточна. В процессе развития интеграционных процессов необходимо сформулировать и закрепить нормы, ценности Союза в документах ЕАЭС. Формулируя ценности ЕАЭС для принятия документа, следует обратиться к евразийским ценностям, сделать акцент на сохранении коллективных идентичностей, связанных с традиционными формами локальных цивилизаций, на

развитии ради повышения благосостояния народов, справедливости как обеспечении прав человека, безопасности, контролируемой коллективно. Ценностное наполнение евразийской интеграции имеет большое значение как для взаимодействия с внешними партнерами для решения задач внешней политики, так и для обеспечения высоких стандартов защиты прав человека, основных свобод при принятии международных договоров и актов органов Союза.

Позитивная консолидация опрошенных москвичей и бишкекцев выражается в ответах более чем половины респондентов, одобряющих деятельность ЕАЭС, и поддержке большинством различных направлений углубления интеграции. В наибольшей степени и москвичи, и бишкекцы поддерживают экономическую интеграцию. Подавляющее большинство опрошенных поддерживают инициативу добавления к четырем известным свободам пятой — свободы знаний, которая реализовывалась бы на основе общих принципов и стандартов образования, здравоохранения и государственного управления, способствовала формированию и развитию общего культурного пространства и общей евразийской идеологии.

Основой интеграционных процессов на постсоветском пространстве респонденты считают прежде всего экономическую взаимосвязанность регионов и стран; единое географическое пространство; единые ценности и моральные нормы. Следует отметить, что большинство респондентов разделяют мнение о склонности народов Евразии к интеграции. В качестве факторов, препятствующих интеграции, москвичи на первое место поставили «низкую информированность граждан о деятельности Союза», а бишкекцы — «национальные и государственные элиты, преследующие свои интересы».

В числе главных качеств для достижения жизненных целей, определяемых ценностями, респонденты назвали: образование, трудолюбие, связи с нужными людьми, деньги, амбициозность, ответственность.

Большинство опрошенных проявляют толерантность к людям других этнических групп. Для них важнее не национальность, а человеческие качества. Однако этническая дистанция возрастает при рассмотрении возможности вступления в межнациональный брак, что явно определяется сформировавшимися стереотипами и проявлением этноцентризма. Меньшую готовность к вступлению в брак с человеком другой национальности высказали москвичи. Они также более критично оценивают межэтнические отношения, сложившиеся в районе их постоянного проживания между жителями Москвы и гражданами, приехавшими из Кыргызстана, что можно объяснить общим отношением к тем, кто отличается от москвичей, усиленной анклавизацией расслоения мигрантов, не всегда адекватным поведением мигрантов в Москве, а также нарастающей мигрантофобией.

Новизна исследования обусловлена динамикой, подвижным характером изменений в период нестабильности и радикальных перемен ценностей личности, иерархий ценностей, рассмотренными различными социальными группами российского и кыргызстанского обществ и отсутствием эмпирической информации, позволяющей выявить на данном этапе общественного развития страны сходство и различие их ценностных систем для обоснования ценностного ядра консолидации населения.

Полученные результаты могут быть использованы надгосударственными регуляторами интеграционных процессов в ЕАЭС, государственными и гражданскими институтами изучаемых стран для обеспечения консолидации всех сегментов

общества с учетом его социального, культурного, этнического, религиозного многообразия в интересах реализации задач, стоящих перед ЕАЭС. А также для дальнейшего развития исследований по проблемам ценностных ориентаций и консолидации народов стран — членов Союза на основе предложенного прикладного концептуально-аналитического продукта.

Характеристика ограничений выполненного эмпирического исследования. Мы понимаем, что сходство и различие ценностей разных этнокультурных сообществ на уровне содержательного наполнения понятий общественных ценностей могут иметь разные смыслы и планируем исследовать это далее.

Литература

1. Максименко А.А. Социологическая интерпретация понятия «ценность» // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2011. № 2. С. 284–291.
2. Бурукина О.А. Перспективные подходы к исследованию ценностей в междисциплинарной парадигме // Философская мысль. 2023. № 12. С. 1–20. <https://doi.org/10.25136/2409-8728.2023.12.68897>
3. Кошарная Г.Б., Толубаева Л.Т., Корж Н.В. Ценности и ценностные ориентации студенческой молодежи Поволжья: монография / под ред. Г.Б. Кошарной. Пенза: Изд-во ПГУ, 2013.
4. Корж Н.В. Роль ценностных установок в формировании идентичности современной молодежи // Гражданское общество в России: состояние, тенденции, перспективы. Ульяновск: УГТУ, 2015. С. 24–27.
5. Корж Н.В., Щанина Е.В. Сравнительная характеристика ценностных ориентаций разных поколений россиян // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2016. № 1 (37). С. 143–152.
6. Дьяконова К.С., Соколов Р.В., Стефанович С.Ю., Ляпина И.Ю. Основные ценности различных поколений россиян (на примере г. Волжского Волгоградской области) // Международный журнал экспериментального образования. 2014. № 6 (1). С. 113–115.
7. Ярычев Н.У. Система ценностных ориентаций в разрезе поколений // Евразийский научный журнал. 2016. № 2 (февраль). С. 52–55. <https://doi.org/10.17223/17267080/72/3>
8. Ядов В.А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975. С. 89–105.
9. Лапин Н.И. Модернизация базовых ценностей россиян // Социологические исследования. 1996. № 5. С. 3–23.
10. Риккерт Г. О системе ценностей // Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М., 1998. С. 363–391.
11. Шледер Б. Структура ценностных ориентаций: Эмпирическое исследование // Иностранная психология. 1994. Т. 2. С. 47–56.
12. Рокич М. Методика «Ценностные ориентации» // Большая энциклопедия психологических тестов / авт.-сост. А.А. Карелин. М.: Эксмо, 2009. С. 26–28.
13. Лапин Н.И., Беляева Л.А. Структура ценностей, социальное самочувствие и трудовая мотивация населения современной России // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2007. № 3 (48). С. 243–251.
14. Багдасарян В.Э. Концепция государства-цивилизации: проблемы методологии и политической реализации // Среднерусский вестник общественных наук. 2022. Т. 17, № 6. С. 15–29. <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2022-17-6-15-29>
15. Лепехин В.А. Понимание феномена «цивилизационные ценности» как основа развития современной российской аксиоматики // Культурологический журнал. 2021. № 2 (44). <https://doi.org/10.34685/НЖ.2021.59.47.010>
16. Леонтьев Д.А. Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании: виды, детерминанты и изменения во времени // Психологическое обозрение. 1998. № 1. С. 13–25.
17. Троцюк И.В., Савельева Е.А. Сравнительные исследования ценностных ориентаций: возможности, ограничения, логика развития // Вестник РУДН. Сер. Социология. 2015. № 4. С. 15–26.
18. Schwartz S.H. Universal in the content and structure of value: Theory and empirical test in 20 countries // Zanna M. (ed.). Advances in experimental social psychology. Vol. 25. New York: Academic Press, 1992. P. 1–65.

19. Епишев С. О. Теоретико-методологические подходы к изучению понятий «ценность», «ценностные ориентации» // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2010. № 3. С. 74–90.
20. Баимова Ж. С. Традиционные ценности в концептуальных документах Кыргызской Республики // Российский совет по международным делам. 2023. 17.11. URL: https://russiancouncil.ru/blogs/aiamp/traditsionnye-tsennosti-v-kontseptualnykh-dokumentakh-kyrgyzskoy-respu/?sphrase_id=127083867 (дата обращения: 28.02.2024).
21. Молодежь Кыргызстана: ценностные ориентации, социальные настроения и конфликтное поведение. Краткий обзор по результатам исследований и рекомендации. Бишкек, 2014.
22. Абдымомунова Б. А. Ценности современной молодежи в Кыргызской Республике // Педагогический журнал. 2018. Т. 8, № 2А. С. 147–152.
23. Эргешали Кызы Айчурук, Эргешали Кызы Актилек, Айдарова М. Д. Формирование национального самосознания кыргызского народа посредством национальных ценностей // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 11-4. С. 49–52. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2022-11-4-49-52>
24. Алымбеков Т. Ж. Особенности ценностных ориентиров студентов из Кыргызстана в УрФУ // Инновационный потенциал молодежи: спорт, культура, образование. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2022. С. 66–69.
25. Социальная консолидация // Большая российская энциклопедия. М., 2004. С. 549.
26. Узунов В. В. Социальная консолидация в фокусе научно-исследовательского дискурса // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 7. С. 118–124.
27. Варфоломеев М. А. Консолидация общества как фактор обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Научные ведомости. Сер.: История. Политология. Экономика. Информатика. 2010. № 7 (78), вып. 14. С. 218–221.
28. Кузнецов И. М. Основания ценностной консолидации россиян: традиционализм и обновление // Социологические исследования. 2021. № 8. С. 93–102. <https://doi.org/10.31857/S013216250014161-0>
29. Хрипкова Д. В. Ценностные основания гражданской активности: социологический анализ // НОМОТНЕТКА: Философия. Социология. Право. 2021. № 46 (4). С. 799–800. <https://doi.org/10.52575/2712-746X-2021-46-4-799-800>
30. Воронов В. А. Ценностные основания консолидации в условиях рискогенного общества // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 8. С. 5–7.
31. Бабинцев В. П., Быхтин О. В., Юркова О. Н. Ценностные основания консолидации городского сообщества в приграничных регионах России // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 6. С. 97–101. <https://doi.org/10.52575/2712-746X-2023-48-3-444-457>
32. Пантин В. И. Идеологические основы евразийской экономической интеграции // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 1. С. 17–29. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-1-17-29>
33. Бахлова О. В., Бахлов И. В. Интерпретация ценностей в концептуально-стратегических документах стран ЕАЭС: фактор глобальной турбулентности // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. № 17 (4). С. 102–111. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-04-102-111>
34. Усупова Ч. С. Влияние евразийской интеграции как синкретичного процесса на нравственно-правовые отношения в Кыргызстане // Материалы Третьей международной научно-практической конференции в рамках Общественно-научного форума «Здравствуй, Россия!»: Ежегодник. Вып. 3. Ч. 2 / отв. ред. В. И. Герасимов. М., 2020. С. 578–581.
35. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2000.
36. Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М., 1973.
37. Пилягина В. А. Культурные ценности постмодерна в современном политическом пространстве: теоретический аспект // Вестник РГГУ. 2015. № 11 (154). С. 52–60.
38. Капто А. С. Объединяющие ценности социальной консолидации // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 1. С. 256–265.
39. Ядов В. А. Солидарности россиян в повседневной жизни и в общегосударственном масштабе // Общество и экономика. 2002. № 12. С. 90–94.
40. Мога И. С., Горбунова Л. П., Денисова А. В., Пижурин Е. Н., Преснова И. С. Сдерживающие и подталкивающие факторы интеграции Евразийского экономического союза в условиях новейших вызовов глобальной экономики // Вестник евразийской науки. 2023. Т. 15, № 2. <https://doi.org/10.15862/41ECVN223>
41. Рубанова К. А. Применение обратного инжиниринга на предприятиях промышленности в условиях новых санкций // Экономика и предпринимательство. 2022. № 4 (141). С. 1368–1372.

42. Осадчая Г.И., Юдина Т.Н., Лескова И.В., Киреев Е.Ю. Межнациональные отношения мигрантов — граждан государств Евразийского экономического союза в московском мегаполисе // Социальная политика и социология. 2020. Т. 19, № 2 (135). С. 98–106.

43. Чайка К.Л. Роль общих ценностей Евразийского экономического союза в становлении и развитии права интеграционного объединения // Журнал российского права. 2020. № 5. С. 148–157. <https://doi.org/10.12737/jrl.2020.062>

44. Осадчая Г.И. Становление Евразийского экономического союза: идеи, реальность, потенциал: монография. М.: Экон-Информ, 2019.

45. Осадчая Г.И. Социогуманитарное сотрудничество членов Евразийского экономического союза: смыслы и инструменты // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Социология. 2023. Т. 23, № 3. С. 623–633. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2023-23-3-623-633>

Статья поступила в редакцию 28 февраля 2024 г.;
рекомендована к печати 4 июля 2024 г.

Контактная информация:

Осадчая Галина Ивановна (1951–2025)

Юдина Татьяна Николаевна — д-р социол. наук, проф.; <https://orcid.org/0000-0001-7785-8601>,
ioudinatn@mail.ru

Кочербаева Айнура Анатольевна — д-р экон. наук, проф.; <https://orcid.org/0000-0003-4205-8940>,
ainura_koch@mail.ru

The value core of the consolidation of the peoples of Russia and Kyrgyzstan: A sociological assessment

G. I. Osadchaya^{†1}, T. N. Yudina¹, A. A. Kocherbaeva²

¹ Institute for Demographic Research — Branch of the Federal Center
of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,
6, ul. Fotieva, Moscow, 119333, Russian Federation

² Kyrgyz-Russian Slavic University named after B. N. Yeltsin,
44, ul. Kievskaya, Bishkek, 720000, Republic of Kyrgyzstan

For citation: Osadchaya G. I., Yudina T. N., Kocherbaeva A. A. The value core of the consolidation of the peoples of Russia and Kyrgyzstan: A sociological assessment. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2024, vol. 17, iss. 3, pp. 265–285. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2024.301> (In Russian)

After the collapse of the Soviet Union, Russia and Kyrgyzstan have consistently been working together to bring the countries of lesser Eurasia closer together. However, further deepening of integration is determined by strengthening the unity of the peoples' value aspirations on strategically important issues of socio-political and economic development of the Union, ensuring its internal and international security. Taking into account the mobile nature of human values during the period of instability and radical changes experienced by countries in the last 35 years, the implementation of liberal democratic social and humanitarian programs by the collective West in almost all post-Soviet republics, and especially in Kyrgyzstan, the need to comprehend the personal values of Russians and Kyrgyzstanis is emerging. The aim of the research is based on the analysis of the results of a sociological study of the personal values of the population of the years. Moscow and Bishkek, as leaders of the evaluative-value attitude to the social reality of modern Russia and Kyrgyzstan, identify the hierarchy of values, substantiate the value core of the consolidation of the peoples of these countries in the face of new risks and challenges. The methodological strategy of the study includes work with documents and a quantitative survey of the permanent population of Moscow and Bishkek. The article, based on the work of Russian and foreign scientists, presents a theoretical framework for measuring

the values of the peoples of Russia and Kyrgyzstan, assesses the current value systems of individuals, the value profile of various groups, reflects their understanding of the essence, goals of society and means of achieving them, their compliance with ensuring the consolidation of societies, the possibilities of forming a value consensus on this basis, substantiates the value foundations of the consolidation of the peoples of Russia and Kyrgyzstan.

Keywords: personal values, core of values, consolidation, Eurasian Economic Union.

References

1. Maksimenko A. A. The sociological interpretation of the concept of “value”. *Vestnik KGU im. N. A. Nekrasova*, 2011, no. 2, pp. 284–291. (In Russian)
2. Burukina O. A. Promising approaches to the study of values in an interdisciplinary paradigm. *Filosofskaja mysľ*, 2023, no. 12, pp. 1–20. <https://doi.org/10.25136/2409-8728.2023.12.68897> (In Russian)
3. Kosharnaja G. B., Tolubaeva L. T., Korzh N. V. *Values and value orientations of the student youth of the Volga region*: monograph, G. B. Kosharnaja (ed.). Penza, PGU Press, 2013. (In Russian)
4. Korzh N. V. The role of values in the formation of the identity of modern youth. In: Korzh N. V. *Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii: sostoianie, tendentsii, perspektivy* (pp. 24–27). Ul’janovsk, UGTU Press, 2015. (In Russian)
5. Korzh N. V., Shchanina E. V. Comparative characteristics of the value orientations of different generations of Russians. *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region*, 2016, vol. 1, no. 37, pp. 143–152. (In Russian)
6. D’jakonova K. S., Sokolov R. V., Stefanovich S. Ju., Ljasina I. Ju. The main values of different generations of Russians (on the example of Volzhsky, Volgograd region). *Mezhdunarodnyi zhurnal eksperimental’nogo obrazovaniia*, 2014, vol. 6, no. 1, pp. 113–115. (In Russian)
7. Jarychev N. U. The system of value orientations in the context of generations. *Evrasiiskii nauchnyi zhurnal*, 2016, no. 2 (fevral’), pp. 52–55. <https://doi.org/10.17223/17267080/72/3> (In Russian)
8. Jadov V. A. On the dispositional regulation of a person’s social behavior. In: *Metodologicheskie problemy sotsial’noi psikhologii* (pp. 89–105). Moscow, 1975. (In Russian)
9. Lapin N. I. Modernization of the basic values of Russians. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 1996, no. 5, pp. 3–23. (In Russian)
10. Rikkert G. About the value system. In: Rikkert G. *Nauki o prirode i nauki o kul’ture* (pp. 363–391). Moscow, 1998. (In Russian)
11. Shleder B. The structure of value orientations: An empirical study. *Inostrannaia psikhologiya*, 1994, no. 2, pp. 47–56. (In Russian)
12. Rokich M. The methodology. Value orientations. In: *Boľshaia entsiklopediia psikhologicheskikh testov*, author-comp. A. A. Karelin (pp. 26–28). Moscow, Eksmo Publ., 2009.
13. Lapin N. I., Beljaeva L. A. The structure of values, social well-being and work motivation of the population of modern Russia. *Vestnik Rossiiskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda*, 2007, vol. 3, no. 48, pp. 243–251. (In Russian)
14. Bagdasarjan V. Je. The concept of the state-civilization: Problems of methodology and political implementation. *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk*, 2022, vol. 17, no. 6, pp. 15–29. <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2022-17-6-15-29> (In Russian)
15. Lepikhin V. A. Understanding the phenomenon of “civilizational values” as the basis for the development of modern Russian axiomatics. *Kul’turologicheskii zhurnal*, 2021, vol. 2, no. 44. <https://doi.org/10.34685/HI.2021.59.47.010> (In Russian)
16. Leont’ev D. A. Value representations in individual and group consciousness: Types, determinants and changes over time. *Psikhologicheskoe obozrenie*, 1998, no. 1, pp. 13–25. (In Russian)
17. Trocuk I. V., Saveleva E. A. Comparative studies of value orientations: Opportunities, limitations, logic of development. *Vestnik RUDN. Ser.: Sotsiologiya*, 2015, no. 4, pp. 15–26. (In Russian)
18. Schwartz S. H. Universal in the content and structure of value: Theory and empirical test in 20 countries. In: Zanna M. (ed.). *Advances in experimental social psychology*, no. 25 (pp. 1–65). New York, Academic Press, 1992.
19. Epishev S. O. Theoretical and methodological approaches to the study of the concepts of “value”, “value orientations”. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 18. Sotsiologiya i politologiya*, 2010, no. 3, pp. 74–90. (In Russian)

20. Baimova Zh. S. Traditional values in the conceptual documents of the Kyrgyz Republic. *Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam*, 2023, November 17. Available at: https://russiancouncil.ru/blogs/laiamp/traditsionnye-tsennosti-v-kontseptualnykh-dokumentakh-kyrgyzskoy-respu/?sphrase_id=127083867 (accessed: 28.02.2024). (In Russian)
21. The youth of Kyrgyzstan value orientations, social attitudes and conflict behavior. *A brief overview of the research results and recommendations*. Bishkek, 2014. (In Russian)
22. Abdymomunova B. A. The values of modern youth in the Kyrgyz Republic. *Pedagogicheskii zhurnal*, 2018, vol. 8, no. 2A, pp. 147–152. (In Russian)
23. Jergeshali Kyzy Ajchurok, Jergeshali Kyzy Aktilek, Ajdarova M. D. Formation of national identity of the Kyrgyz people through national values. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 2022, no. 11-4, pp. 49–52. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2022-11-4-49-52> (In Russian)
24. Alymbekov T. Zh. Features of the value orientations of students from Kyrgyzstan in UrFU. In: *Innovatsionnyi potentsial molodezhi: sport, kul'tura, obrazovanie* (pp. 66–69). Ekaterinburg, Ural University Press, 2022. (In Russian)
25. Social consolidation. In: *Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia* (p. 549). Moscow, 2004. (In Russian)
26. Uzunov V. V. Social consolidation in the focus of scientific research discourse. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniia*, 2019, no. 7, pp. 118–124. (In Russian)
27. Varfolomeev M. A. Consolidation of society as a factor in ensuring the national security of the Russian Federation. *Nauchnue vedomosti. Ser. Istoriia. Politologiya. Ekonomika. Informatika*, 2010, vol. 7, no. 78, iss. 14, pp. 218–221. (In Russian)
28. Kuznetsov I. M. The foundations of the value consolidation of Russians: traditionalism and renewal. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2021, no. 8, pp. 93–102. (In Russian)
29. Khripkova D. V. The value foundations of civic engagement: A sociological analysis. *NOMOTHETIKA: Filosofii. Sociologiya. Pravo*, 2021, vol. 46, no. 4, pp. 799–800. (In Russian)
30. Voronov V. A. The value bases of consolidation in a risky society. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniia*, 2023, no. 8, pp. 5–7. (In Russian)
31. Babincev V. P., Bykhtin O. V., Yurkova O. N. The value bases of consolidation of the urban community in the border regions of Russia. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniia*, 2023, no. 6, pp. 97–101. (In Russian)
32. Pantin V. I. The ideological foundations of the Eurasian economic integration. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Mezhdunarodnye otnosheniia*, 2022, vol. 22, no. 1, pp. 17–29. (In Russian)
33. Bahlova O. V., Bahlov I. V. Interpretation of values in the conceptual and strategic documents of the EAEU countries: The factor of global turbulence. *Evraziiskaia integratsiia: ekonomika, pravo, politika*, 2023, vol. 17, no. 4, pp. 102–111. (In Russian)
34. Usupova Ch. S. The impact of Eurasian integration as a syncretic process on moral and legal relations in Kyrgyzstan. In: *Materialy Tre'tei mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii v ramkakh Obshchestvenno-nauchnogo foruma "Zdravstvui, Rossiia"*, ezhegodnik, iss. 3, part 2, Gerasimov V. I. (ed.) (pp. 578–581). Moscow, 2020. (In Russian)
35. Parsons T. *About the structure of social action*. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2000. (In Russian)
36. Rubinshtejn S. L. *Problems of general psychology*. Moscow, 1973. (In Russian)
37. Piljagina V. A. Postmodern cultural values in modern political and theoretical aspect. *Vestnik RGGU*, 2015, vol. 11, no. 154, pp. 52–60. (In Russian)
38. Kapto A. S. Unifying values of social consolidation. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniia*, 2015, no. 1, pp. 256–265. (In Russian)
39. Jadov V. A. Solidarity of Russians in everyday life and on a national scale. *Obshchestvo i ekonomika*, 2002, no. 12, pp. 90–94. (In Russian)
40. Moga I. S., Gorbunova L. P., Denisova A. V., Pizhurina E. N., Presnova I. S. Constraining and pushing factors of integration of the Eurasian Economic Union in the context of the latest challenges of the global economy. *Vestnik evraziiskoi nauki*, 2023, part 15, no. 2. Available at: <https://esj.today/PDF/41ECVN223.pdf> (accessed: 05.02.2024). (In Russian)
41. Rubanova K. A. The use of reverse engineering in industrial enterprises in the context of new sanctions. *Ekonomika i predprinimatel'stvo*, 2022, vol. 4, no. 141, pp. 1368–1372. (In Russian)
42. Osadchaja G. I., Yudina T. N., Leskova I. V., Kireev E. Ju. Interethnic relations of migrants — citizens of the Eurasian Economic Union states in the Moscow megalopolis. *Sotsial'naiia politika i sotsiologiya*, 2020, part 19, vol. 2, no. 135, pp. 98–106. (In Russian)

43. Chajka K. L. The role of the common values of the Eurasian Economic Union in the formation and development of the law of the integration association. *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2020, no. 5, pp. 148–157. (In Russian)

44. Osadchaya G. I. *The formation of the Eurasian Economic Union: Ideas, reality, potential*: monograph. Moscow, Ekon-Inform Publ., 2019. (In Russian)

45. Osadchaya G. I. Socio-humanitarian cooperation of the members of the Eurasian Economic Union: Meanings and tools. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Sotsiologiya*, 2023, part 23, no. 3, pp. 623–633. (In Russian)

Received: February 28, 2024

Accepted: July 4, 2024

Authors' information:

Galina I. Osadchaya (1951–2025)

Tatyana N. Yudina — Dr. Sci. in Sociology, Professor; <https://orcid.org/0000-0001-7785-8601>,
ioudinatn@mail.ru

Ainura A. Kocherbaeva — Dr. Sci. in Economics, Professor; <https://orcid.org/0000-0003-4205-8940>,
ainura_koch@mail.ru

Проблемы и перспективы евразийской интеграции в контексте общественных настроений Армении

Г. А. Погосян

Институт философии, социологии и права Академии наук Республики Армения,
Республика Армения, 0010, Ереван, ул. Арама, 44

Для цитирования: Погосян Г. А. Проблемы и перспективы евразийской интеграции в контексте общественных настроений Армении // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2024. Т. 17. Вып. 3. С. 286–299. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2024.302>

В 2024 г. исполняется 10 лет Евразийскому экономическому союзу (ЕАЭС), в рамках которого пять стран СНГ реализуют евразийскую экономическую интеграцию. За истекшее время экономический союз пяти стран принес немало выгод и преимуществ, в частности в плане облегчения и расширения возможностей межгосударственной торговли. Для Армении прошедшие годы экономической интеграции позволили не только поддерживать свою экономику, но также существенно укрепить и развить торгово-экономические связи с государствами-участниками, и в особенности с Россией. В настоящее время в ЕАЭС ведутся переговоры с целым рядом новых стран, изъявивших желание войти в состав Союза. Наряду с явными достижениями и преимуществами ЕАЭС страны-участницы выдвигают вопрос о расширении интеграции в политической, энергетической сферах и сфере безопасности. Многие эксперты говорят о совершенствовании и модернизации евразийской интеграции с учетом новых реалий в глобальном мировом порядке. Опросы общественного мнения, проведенные в странах-участниках, свидетельствуют о снижении интереса населения к перспективам интеграции в связи с некоторым замедлением интеграционных процессов и несоответствием их сложившимся первоначально социальным ожиданиям. Социологические исследования, проведенные за последние несколько лет в Армении, свидетельствуют также о заметном снижении имиджа России как дружественной страны и надежного стратегического партнера Армении в глазах армянской общественности. Правящая политическая элита Республики не скрывает намерения поменять вектор геополитической ориентации с России и ЕАЭС на Запад. Обсуждению проблем и перспектив евразийской интеграции в новых условиях многополярного миропорядка посвящена данная статья.

Ключевые слова: экономическая интеграция, расширение, отношение общества, перспективы развития.

Введение

Армения до 2014 г. вместе с Украиной шла по пути постепенной интеграции в ЕС, но в 2015 г. она присоединилась к ЕАЭС. На всем Евразийском континенте сегодня фактически существуют два крупных интеграционных центра — ЕС и ЕАЭС. Между этими двумя интеграционными центрами идет жесткая конкуренция по привлечению государств региона в сферу своего влияния. Таким образом, интеграционные процессы в ЕАЭС проходят под сильным воздействием другого интеграционного проекта — ЕС. Евразийский интеграционный проект, который отмечает в этом году свое десятилетие, развивается в условиях жесткой конкуренции с Европейским союзом.

Привлекательность ЕС на сегодня превосходит привлекательность ЕАЭС, особенно среди молодежи наших стран [1]. Заметим, что в регионе Большой Евразии на сегодняшний день действуют также другие интеграционные проекты, такие как, например, китайский проект «Один пояс — один путь» или турецкий проект неоосманизма.

Глобальный мир на наших глазах вошел в новый исторический этап масштабной холодной войны, в перспективе способной перерасти в ядерное противостояние. Сегодня мир движется к новому миропорядку, в котором каждая страна или союз стран должны заново пересмотреть свои роль и место. Не секрет, что мировое сообщество проявляет нескрываемый интерес к ЕАЭС, который вполне состоялся как полноценное интеграционное объединение. В наши дни желание присоединиться к ЕАЭС высказывает ряд стран, не входящих в его состав.

Нам представляется, что в реалиях нового складывающегося многополярного миропорядка следует серьезно пересмотреть и расширить идеологию евразийской интеграции. К этой новой консолидации, на наш взгляд, необходимо идти с новой парадигмой и идеологией Евразийского союза в условиях складывающегося нового миропорядка. Страны ЕАЭС должны совместными усилиями обеспечить тот путь развития, благодаря которому будут реализованы их объединенные новые возможности. Кроме того, следует резко повысить конкурентоспособность евразийской интеграционной модели, самое большое преимущество которой, на наш взгляд, — это гарантия безопасности. А самое слабое место — это все еще экономическое отставание и низкий уровень жизни населения.

Отношение населения к евразийской интеграции

Многочисленные социологические исследования, проведенные за последние 10 лет, свидетельствуют о в целом положительном отношении населения наших стран к интеграционным процессам ЕАЭС. Ведь положительное отношение населения стран к процессу интеграции имеет не меньшее значение, чем позиция государства. Ожидания населения стран от вступления в Союз первоначально были несколько завышенными. Этим, видимо, объяснялся также высокий уровень поддержки вступления в Союз в 2015 г. Спустя всего пару лет позитивное отношение к евразийской интеграции стало постепенно снижаться. Об этом свидетельствовали исследования Евразийского монитора в 2015–2017 гг. Из приведенной ниже таблицы видно, что уровень доверия и поддержки ЕАЭС со стороны населения входящих в него государств составил 50–83 %.

**Позитивное отношение населения к евразийской интеграции в странах — членах ЕАЭС
2015–2017 гг., %**

Годы	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия
2015	56	60	80	86	78
2016	45	63	74	81	69
2017	50	56	76	83	68

Рассчитано по: результаты опроса Центра интеграционных исследований Евразийского банка развития и Международного исследовательского агентства «Евразийский монитор» 2017 г. [2].

В течение первых трех лет (2015–2017 гг.) снижение общественной поддержки произошло в России (с 78 до 68 %) и в Армении (с 56 до 50 %). Мы также провели несколько социологических исследований об отношении армянского населения к присоединению к ЕАЭС [3]. В социологическом опросе августа 2018 г., проведенном совместно с Gallup / Baltic Survey для американской организации IRI [4], 78 % наших граждан присоединение Армении к ЕАЭС оценивали положительно. О положительном эффекте интеграции свидетельствовали также данные, приведенные в аналитическом докладе Центра интеграционных исследований Евразийского банка развития (ЦИИ ВАБР) в 2019 г. [5]. Положительная динамика за годы членства Армении в ЕАЭС более всего проявилась именно в экономической сфере. Показатели экспорта армянских товаров в евразийском направлении увеличились вдвое. Но, несмотря на это, в целом позитивное отношение к интеграции ЕАЭС постепенно снижалось.

Армянские исследователи поставили целью сравнить ориентации армянского общества на сотрудничество с Россией как локомотивом ЕАЭС и Евросоюзом. Немаловажной задачей была оценка общей культурной ориентации армянского общества по отношению к России и Европе. Результаты проведенного в 2023 г. социологического исследования показали, что, по мнению 67 % опрошенных, Армения должна развивать отношения в первую очередь с Россией, и лишь 17 % — с Европейским союзом. Но если Армения будет вынуждена выбирать между Россией и ЕС, то 75 % опрошенных отдали предпочтение России, а 19 % — Европейскому союзу [6]. Исследование показало, что армянское общество считало сотрудничество с Россией намного более предпочтительным, чем с Европейским союзом, особенно в вопросах военной безопасности, развития промышленности, энергетики и науки [6].

В ситуации, когда происходит нескольких мировых расколов и идет перестройка системы международных отношений, в которую мир вошел с 2020 г., проблемы геополитического определения стран ЕАЭС особенно обострились. «В России происходит вызывающий напряжение “поворот на Восток”, и во многих постсоветских странах также происходят размежевания, связанные с поиском своего места» [7, с. 3] в складывающемся новом мировом экономическом и культурном пространстве. Социологические исследования фиксировали во многих странах сильную фрагментацию обществ. Как правило, эти общества демонстрировали неоднозначную геополитическую ориентацию [7, с. 7]. Дело в том, что происходящие на глобальном уровне тектонические изменения оказывают воздействие также на общественное мнение и на сознание простых людей, не занятых политикой. Так, например, россияне традиционно положительно относились к европейским странам, ощущали историческую связь с ними и свою принадлежность к европейской культуре. И пока неясно, насколько сильно разрыв между Россией и Западом в условиях СВО на Украине и жестких санкций могут отдалить россиян от европейцев [8]. Ведь еще в 2014 г. подавляющее большинство российских студентов (83 %) совершенно положительно относилось к Европе, что подтверждали также и общероссийские опросы общественного мнения 2000-х гг., в которых каждый россиянин хотел, чтобы Россия стала полноправным членом ЕС [8, с. 17]. Но постепенно представления российских граждан изменились. По данным ВЦИОМ, «в августе 2022 года из членов ЕС лишь Венгрия вошла в первую двадцатку стран, с которыми, по мнению российских граждан, у России сложились наиболее прочные, дружественные отношения» [8,

с. 18]. Параллельно с этими процессами шла некоторая трансформация в евразийском интеграционном проекте. Две страны ЕАЭС — Россия и Беларусь — в 2022 г. попали под беспрецедентные экономические санкции Запада, тогда как остальные три страны Союза вынуждены были «искать возможности сохранить сотрудничество с Россией, не попав под вторичные санкции» [9, с. 57]. Хотя на официальном уровне пересмотра отношения к евразийской интеграции не произошло, в медийном пространстве он стал заметен и, безусловно, оставил след на восприятии образа евразийской интеграции в общественном мнении стран-участниц [9, с. 58]. Так, к примеру, в Армении и в Беларуси тенденции к сокращению евразийской интеграционной повестки в медиапространстве стали достаточно заметны. В целом интерес к интеграционным процессам в ЕАЭС сохраняется, но при этом существенно меняется их контент и содержание представлений об интеграции в медиапространстве. Так, в Армении особое значение приобретают вопросы экономического преодоления новых барьеров, возникших в связи с военной обстановкой, общей геополитической турбулентностью в регионе и в мире, и с угрозами национальной безопасности. После досадного поражения в 44-дневной войне с Азербайджаном в 2020 г. первостепенное значение приобрели вопросы обеспечения безопасности границ Республики и путей нормализации отношений с двумя исторически агрессивно настроенными соседями в регионе — с Турцией и Азербайджаном. Поэтому многие экономические проблемы в рамках ЕАЭС перекрываются актуальной повесткой безопасности. К ней добавляются проблемы возможности обхода антироссийских санкций после начала СВО на Украине. Тема обхода санкций и обеспечения экономической безопасности формирует евразийскую повестку и в других странах ЕАЭС [9, с. 62–63]. В Казахстане, например, усиливается политическое движение в сторону большей независимости и маневренности в вопросах международных отношений. Социологические опросы 2021 г. показали, что «многовекторность является приоритетом для каждого четвертого опрошенного... увеличивается в семь раз число тех, кто приоритетом внешней политики Казахстана считает центральноазиатское направление, а не Россию и СНГ» [10, с. 74]. Что касается Беларуси, то опросы общественного мнения, проведенные там в 2021–2022 гг., свидетельствуют о позиционировании респондентов своей страны между Россией и Европой. Наиболее предпочтительной в массовом сознании белорусов моделью российско-белорусских отношений является кооперация с Россией, но не вхождение в ее состав [11]. В ряде постсоветских республик происходит своего рода «диверсификация» мнений о России в связи с ее ролью на международной арене. Так, например, присоединение Крыма, а затем и военные действия на Украине оказали большое влияние на отношение соседей к России [12]. Некоторая неопределенность развития отношений с бывшими советскими республиками, а также попытка восстановить эти отношения только на экономической основе без идеологической компоненты не вполне отвечают их ожиданиям. Вследствие чего они тяготеют также к другим интеграционным центрам [13].

Обобщая, можно отметить, что определенное снижение интереса к перспективам евразийской интеграции объясняется, с одной стороны, ходом СВО на Украине, военной обстановкой и общей геополитической турбулентностью в регионе и в мире, а с другой стороны, привлекательностью других активных интеграционных проектов, действующих на евразийском пространстве, таких как Европейский союз, китайский проект «Один пояс — один путь» и неоосманский проект современной Турции.

Современные проблемы европейской интеграции

В наши дни в Европе все громче раздаются недовольные голоса так называемых евроскептиков. Об усиливающемся кризисе Евросоюза уже давно пишут западные эксперты. Глубинные причины кризиса еврозоны кроются в миграционной проблеме, замедлении экономического роста и усилении правых и популистских движений в политической жизни. Европейские аналитики считают, что Евросоюз обречен на гибель из-за больших различий в укладе жизни, исторических традициях и психологии европейских народов. Современный французский философ Мишель Онфре (Michel Onfray) выражает мнение, что Евросоюз — это новая империи, которая сочетает в себе признаки международной организации и государства, но по всем параметрам представляет собой именно империю [14]. М. Онфре отмечает, что традиционные европейские классы попали под влияние либеральной идеологии и интересов меньшинства. Любые попытки граждан выражать протест неолибералы выставляют как проявление неонацизма и шовинизма. Французский социолог и антрополог Эмманюэль Тодд (Emmanuel Todd) недавно издал книгу «Поражение Запада» (*La Défaite de L'Occident*), которая сразу же стала бестселлером. В своей книге он пишет о кризисе, в котором оказалась Европа, и о том, что европейские народы теряют веру в будущее, а правящая элита проявляет бессилие. Выясняется, что невозможно построить европейское супергосударство, учитывая колоссальные различия в культурном уровне, традициях и моральных установках различных народов. Европе угрожает раздробленность, очередной приток мигрантов, поскольку навязавшие либеральную идеологию политики не учли всего разнообразия стран. Европейская идеология зашла в тупик, а ложная вера в примат экономики и приверженность к неолиберальной теории мультикультурализма потерпели полный крах. Европейцы сильнее ощущают свою национальную идентичность, возвращаются к своим национальным ценностям и корням в поисках самосохранения [15]. По мнению болгарского политолога Ивана Крастева, европейский интеграционный мегапроект под названием «Европейский союз», объединивший почти все государства Старого Света, в наши дни переживает глубокий системный кризис [16, с. 122]. Вместе с другими экспертами он утверждает, что европейский проект уже исчерпал себя и что Евросоюз неизбежно распадется, а на смену ему должно прийти нечто другое [17]. Заметим, что подобные опасения высказывались и ранее, поскольку еще в 2016 г. ЕС принял документ, определяющий стратегию в области внешней политики, направленной на создание сильной Европы (*“Shared Vision. Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union’s Foreign and Security Policy”*). В этой глобальной стратегии отмечалось, что страны Европы переживают «экзистенциальный кризис» внутри ЕС, и что его «существование находится под угрозой» [18].

Как видим, даже такой давно состоявшийся интеграционный центр, как Европейский союз, составляющий серьезную конкуренцию для стран ЕАЭС, в современных глобальных условиях трансформации сложившегося миропорядка испытывает серьезные экзистенциальные угрозы. Это обстоятельство лишний раз говорит о необходимости разработки суверенной всеобъемлющей концепции для евразийского интеграционного проекта.

Перспективы евразийской интеграции

Со второго десятилетия XXI в. на внешних границах Союза наблюдается эскалация локальных пограничных конфликтов. СВО на Украине фактически переросла в открытое военное противостояние между Россией и Украиной с активным участием в ней стран НАТО, ЕС и США. Так, к примеру, во Второй карабахской войне осенью 2020 г. турецкие военные эксперты принимали непосредственное участие на стороне Азербайджана. Турция давно стремится увеличить свое влияние на территории Южного Кавказа, что не может не вызывать опасений у армянской стороны. Активность гражданского общества играет немалую роль в социальной консолидации в странах Союза, которая, в свою очередь, отражается на укреплении их национальной безопасности. Но для этого следует продумать и реализовать совместную программу развития и углубления сотрудничества между аналитическими центрами стран — членов ЕАЭС, с тем чтобы усилить интеграционные процессы и вовлеченность в них гражданского общества. Российские эксперты также отмечают неадекватность сложившейся модели интеграционных процессов в Евразийском союзе. Они подчеркивают актуальность разработки и «реализации более эффективной интеграции в рамках ЕАЭС, выработки новых решений для дальнейшего развития интеграции» [19, с. 77]. Армянские эксперты отмечают, что СВО на Украине и санкции Запада против России отразились также на экономических и социальных связях со странами ЕАЭС. Они предлагают разработать долгосрочную коллективную программу противостояния санкциям, поскольку даже после завершения военной операции они, скорее всего, не будут сразу отменены [20]. Сегодня важно активно противостоять санкциям Запада и обеспечить устойчивое экономическое развитие в странах ЕАЭС. На Западе давно раздавались призывы наложить санкции также на членов ЕАЭС, чтобы закрыть России возможные пути обхода экономических ограничений. В этом отношении Армения среди стран Южного Кавказа более всех рискует попасть под воздействие экономических санкций из-за активного товарооборота с Россией [21]. Следует тщательным образом пересмотреть экспортную политику стран в плане расширения торговых отношений с соседним Ираном, а также с Китаем, Индией и арабскими странами. Кроме того, у Армении много возможностей получения необходимых для России товаров и услуг в высокотехнологической сфере, что обеспечит нашим странам ощутимый экономический рост [22].

Говоря о перспективах евразийской интеграции, мы хотели подчеркнуть, что нынешнее противостояние России и коллективного Запада может продлиться достаточно долго даже после окончания военных действий на Украине. Не исключено, что оно может перерасти, на наш взгляд, в более широкое военное столкновение между силами ОДКБ и НАТО. Перед лицом подобных глобальных рисков действующую модель интеграции в рамках ЕАЭС действительно следует пересмотреть в плане выработки более гибкой, конкурентоспособной и стойкой модели, могущей обеспечить дальнейшее развитие и углубление интеграции в условиях возрастающей геополитической турбулентности.

Трудности послевоенной интеграции Армении

Важнейшей для Армении на сегодняшний день проблемой являются вопросы национальной безопасности и процессы миграции населения. Социологические опросы последних двух лет показали, что проблема безопасности для граждан Армении вышла на первый план [23]. Скорее всего, это объясняется тем, что вероятность новой войны с соседями в последнее время возросла, что не может не вызывать озабоченности у армянского населения. В плане изменения миграционной ситуации и потоков мигрантов на постсоветском пространстве огромное воздействие оказали санкции по отношению к России. Украинский кризис и западные санкции вынудили многих россиян покинуть страну. В результате этого образовался огромный поток мигрантов из России в Армению. Это коренным образом изменило миграционную ситуацию в стране, поскольку за все последнее 30 лет Армения являлась страной, отправляющей трудовых мигрантов, но не страной, принимающей их. Причем большинство российских мигрантов, а точнее релокантов, представляли собой экономический слой среднего бизнеса, который действовал в кооперации с западными коммерческими фирмами. Не случайно сотни российских ИТ-компаний осуществили перенос бизнеса в Армению [24]. Тогда в Армению переехало несколько десятков тысяч россиян, часть из которых транзитом направилась в соседнюю Грузию [25]. Некоторые перебирались в Армению целыми офисами. Если западные санкции не будут распространены на Армению, то Республика сможет получить серьезные выгоды как в экономическом, так и в демографическом плане, поскольку это позволит не только серьезно увеличить прямые инвестиции в армянскую экономику, но также несколько улучшить неблагоприятную демографическую ситуацию в Республике благодаря репатриации трудовых мигрантов и членов армянской диаспоры в России.

Так или иначе, Армении надо будет пересмотреть свою внешнюю политику, которая в 1998–2008 гг. была построена на комплементарности, а затем, в 2008–2018 гг., на так называемой многовекторности. Однако с приходом к власти новой политической элиты в результате «бархатной» революции 2018 г. и после проигранной войны в Нагорном Карабахе в 2020 г. стала совершенно очевидной необходимость серьезного обновления стратегического партнерства с Российской Федерацией, а также укрепления позиций Армении в ОДКБ [26]. Возможно, надо будет заключить новый или пересмотреть действующий договор о военном и стратегическом сотрудничестве между Россией и Арменией в целях еще большего укрепления безопасности последней. Но пока власти Армении предпочитают идти по пути смены геополитического вектора в поисках нового гаранта безопасности.

Армянский народ сам должен сделать окончательный выбор своего пути и решить, к какому интеграционному центру ему присоединиться: к уже действующему процессу интеграции в рамках ЕАЭС или, отказавшись от него, переориентироваться на интеграцию с ЕС и НАТО. Но при этом следует учесть, что в регионе Южного Кавказа интеграция с НАТО будет означать попросту переход под влияние Турции как единственной страны — члена НАТО в регионе. Из трех стран Южного Кавказа Азербайджан давно уже находится в тесном стратегическом партнерстве с Турцией, а Грузия переживает период активной турецкой экономической экспансии [27–29]. Единственная страна, которая не имеет пока никаких официаль-

ных отношений с Турцией, — это Армения. Однако правящая политическая элита Армении и партия власти «Гражданский договор» фактически ведут к сближению с Турцией, о чем свидетельствуют их заявления и шаги. Но население Армении ориентировано на традиционное сотрудничество с Россией. Большинство армян считает, что, как и в начале прошлого века, так и сегодня физическая безопасность населения в огромной степени зависит от России. Достижениям гуманитарного сотрудничества за 30 лет установления дипломатических отношений между Арменией и Россией была посвящена книга, изданная на двух языках в 2022 г. [30].

Относительно перспектив евразийской интеграции в послевоенный период нелишне напомнить, что мы живем в эпоху информационных и гибридных войн, в которых пока проигрываем. Россия разрабатывает и внедряет новые грозные виды оружия, каких нет ни у одной другой сверхдержавы в мире. Тем самым она обеспечивает безопасность для себя и для своих партнеров из Евразийского союза. Поэтому ее противники разворачивают масштабные боевые действия в информационном поле, что позволяет оказывать существенное влияние на общественное сознание вплоть до провоцирования массовых протестных движений, направленных на смещение действующей власти. Причем на это требуется гораздо меньше финансовых и материальных затрат, чем в случае ведения реальных боевых действий. Ученые давно подметили, что специальная информация, распространяемая в том числе через различные социальные сети, оказывает существенное воздействие на степень участия молодежи в различных уличных акциях протеста [31–34].

За последние два года наши социологические исследования общественного мнения свидетельствуют, что проводимая в армянском медиапространстве масштабная антироссийская кампания оказывает сильное воздействие на общество. Имидж России как дружественной страны и нашего стратегического партнера в армянском социальном сознании заметно ухудшился. И поскольку Россия является главным лидером и локомотивом ЕАЭС, то ухудшение отношения к ней автоматически распространяется на Союз.

На наш взгляд, необходимо, по примеру западных акторов, более эффективно использовать интернет ради продвижения своих интересов и целей. Давно пора начать использовать интернет-площадки для пропаганды достижений и преимуществ евразийской интеграции. Необходимо также форсировать развитие сети аналитических центров в странах ЕАЭС, активизировать их координированные действия и совместные проекты, целевым образом направленные на углубление евразийской интеграции. В связи с этим мы предлагали создавать новые площадки, виртуальные интернет-порталы и собственные социальные сети с целью стимулирования и обеспечения постоянно действующей коммуникации [35].

Заключение

Проблемы безопасности на всем внешнем контуре Евразийского союза особенно обострились со второго десятилетия XXI в. Локальные пограничные вооруженные конфликты, в частности на Украине и Южном Кавказе, фактически вскрыли глубокое и долгосрочное противостояние между Россией и коллективным Западом. Поскольку степень социальной солидарности внутри страны также играет важную роль в укреплении национальной безопасности, то активная гражданская

позиция социальных институтов и общества в целом становится востребованным фактором в деле развития процессов интеграции.

В современных условиях приходится учитывать, что к политическому руководству во многих постсоветских странах пришли новые политические силы, порой антироссийской ориентации. В связи с этим традиционно практикуемые отношения главным образом на уровне политических элит государств оказываются не всегда эффективными. Необходимо значительно расширить возможности народной дипломатии и социальной коммуникации между различными слоями гражданского общества, создать новые площадки для активного гуманитарного сотрудничества в процессах евразийской интеграции.

На протяжении последних трех десятилетий в наших странах выросло новое поколение молодежи. Это поколение молодежи не обладает опытом личной коммуникации с молодежью стран Союза. Оно преимущественно является носителем ослабленной исторической и социальной памяти, порою психологически оторвано от поколения родителей, выросших и получивших воспитание в советской школе. К тому же немалое воздействие на сознание нашей молодежи оказали различные западные фонды, давно уже реализующие для них специальные тренинги и образовательные программы. В ближайшее время именно это поколение выходит на политическую авансцену, ему суждено взять на себя управление в наших странах, и оно будет определять вектор политической ориентации государства. Именно поэтому следует подумать о развитии и внедрении в ближайшем будущем совместных проектов среди молодежи наших стран, особенно в сфере гуманитарных наук и образования. По мнению армянских экспертов, следует развивать проактивную стратегию интеграции взамен реактивной, идти по пути активного формирования интегративных тенденций, а не реагировать вслед возникающим и навязываемым извне вызовам и угрозам [36]. Евразийская интеграционная модель должна активно формировать и продвигать свое видение будущего, свое место и роль в новом многополярном миропорядке.

Жесткая конфронтация с коллективным Западом уже приняла затяжной характер и, возможно, в ближайшем будущем будет развиваться по возрастающей траектории. Поэтому прежняя парадигма встраивания ЕАЭС в глобальную экономику теперь становится проблематичной. Перед экспертами евразийской интеграции встает задача формирования своей суверенной модели эффективного социально-экономического и политического развития в условиях многополюсного миропорядка.

Литература

1. Погосян Г. А. Армянские общины России: интеграция или репатриация // *Философия в современном мире: Материалы международной конференции по случаю Дня философии ЮНЕСКО*. Т. 11. Ереван: Мива-Прес, 2021. С. 127–147. (На арм. яз.).
2. Позитивное отношение граждан к евразийской интеграции плавно снижается востребованным фактором // *ИА Регнум*. 2017. 25.12. URL: <https://regnum.ru/news/2361811> (дата обращения: 20.02.2024).
3. Погосян Г. А. Проблемы евразийской интеграции в процессах европейской гравитации // *Архонт*. 2017. № 1. С. 68–71. <https://doi.org/10.24412/2587-9464-2017-1-68-71>
4. Public Opinion Survey: Residents of Armenia October 9–29, 2018. URL: https://www.iri.org/wp-content/uploads/2018/11/2018.11.23_armenia_poll.pdf (дата обращения: 19.02.2024).
5. Эффекты интеграции Армении и Кыргызстана в рамках ЕАЭС: Аналитический доклад Центра интеграционных исследований Евразийского банка развития (ЦИИ ЕАБР) // Центр интеграцион-

ных исследований Евразийского банка развития: [сайт]. URL: https://eabr.org/upload/iblock/b27/EDB_Centre_Report-51_Armenia_Kyrgyzstan_EAEU_2019.pdf (дата обращения: 20.02.2024).

6. Сафарян А. К 10-летию социологического исследования об отношении армянского общества к евразийской и европейской интеграции // Национальный исследовательский институт развития коммуникаций (НИИРК). 2023. URL: https://nicrus.ru/analytics/pub_k10letiyu/?fbclid=IwAR1Kpq7eSmkNnKjO9xIuaRwSab4z6U2EiKKS8WASkFPlf-AtVqoa2GNza40 (дата обращения: 17.02.2024).

7. Задорин И. В. Страны далекие и близкие. Как формируется образ внешнего мира в массовом сознании населения Северной Евразии // Социодиггер. 2022. Декабрь, т. 3, вып. 12 (23). С. 3–8.

8. Колосов В. А. Евроцентризм в восприятии мира: причины, проявления, сдвиги // Социодиггер. 2022. Декабрь, т. 3, вып. 12 (23). С. 15–19.

9. Рекеда С. В. Трансформация образа Евразийского экономического союза в условиях углубления кризиса международных отношений в 2022 году // Социодиггер. 2022. Декабрь, т. 3, вып. 12 (23). С. 57–64.

10. Илеуова Г. Внешнеполитические предпочтения казахстанцев: каждый седьмой — неопределившийся // Социодиггер. 2022. Декабрь, т. 3, вып. 12 (23). С. 74–77.

11. Вардомацкий А. П. Беларусь и Россия: кооперация — да. Вхождение — нет // Социодиггер. 2022. Декабрь, т. 3, вып. 12 (23). С. 89–93.

12. Андреевкова А. В. Отношение к России в постсоветских странах — от ностальгии к ценностям // Социодиггер. 2022. Декабрь, т. 3, вып. 12 (23). С. 33–39.

13. Вольмитель А. А. Евразийский экономический союз между прошлым и будущим // Социальная политика и социология. 2022. Т. 21, № 2 (143). С. 52–60. <https://doi.org/10.17922/2071-3665-2022-21-2-52-60>

14. Французские историки о неизбежном распаде Евросоюза // ИноСМИ. 2018. 01.10. URL: <https://inosmi.ru/20181001/243360745.html> (дата обращения: 11.02.2024).

15. Todd E. La Défaite de l'Occident. Paris: Gallimard, 2024.

16. Крестев И. После Европы / пер. с англ. А. Никитиной; под ред. А. Смирнова и Я. Охонько. М.: Дело, 2018.

17. Крестев И. Разрушаемая демократия: смыслы глобального протеста = Democracy Disrupted: The Politics of Global Protest. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2014.

18. Шмелев Б. Перспективы европейской интеграции в оценках болгарского политолога // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63, № 3. С. 122–126.

19. Осадчая Г. И. Евразийский экономический союз: потенциал развития, формат сотрудничества: монография. М.: Экон-Информ, 2021.

20. Экономическая война Запада против России. Что ждет ЕАЭС? // Голос Армении. 2022. 06.04. URL: <https://golosarmenii.am/article/146173/ekonomicheskaya-voyna-zapada-protiv-rossii--chto-zhdet-eaes> (дата обращения: 12.02.2024).

21. Хесс М. Страны Южного Кавказа готовятся к жесткой посадке России // Turan.az. 2022. 19.03. URL: <https://turaz.az/ru/prosu-slova/strany-iuznogo-kavkaza-gotoviatsia-k-zestkoi-posadke-rossii> (дата обращения: 20.03.2022).

22. Тавадян А., Тавадян Аг. Сценарии развития и возможные эффекты интеграции // Мир перемен. 2021. № 3. С. 76–89. https://doi.org/10.51905/2073-3038_2021_3_160

23. Погосян Г. А. Эмиграция vs репатриация: почему люди уезжают и при каких условиях готовы вернуться?: интервью // Голос Армении. 2022. 16.02. URL: https://www.golosarmenii.am/article/141618/emigraciya-VS-repatriaciya-pochemu-lyudi-uezzhayut-i-pri-kakix-usloviyax-gotovy-vernutsya?fbclid=IwAR29fYNEChzsWbY7PGGKUWqsaodf04KcPo7v2agJjNBmaWeDL0m_r3mRrvA (дата обращения: 16.02.2024).

24. «Если получится с работой, останемся» // Голос Армении. 2022. 07.03. URL: <https://golosarmenii.am/article/143370/esli-poluchitsya-s-rabotoj--ostanemsya> (дата обращения: 07.03.2022).

25. Ненастоящая заграница // Холод*. 2022. 19.03. URL: https://holod.media/2022/03/19/nenastoyashhaya-zagranica/?fbclid=IwAR0MkZWcw9vMl4_bVO1lC2ZeQc6mn7LMMZxO-dUlw-i-NjzrWHN4ltkHZN8 (дата обращения: 19.03.2022).

26. Закарян А. Стратегическое партнерство Армении с Россией нуждается в восстановлении и переосмыслении // Голос Армении. URL: <https://golosarmenii.am/article/144629/artak-zakaryan-strategicheskoe-partnerstvo-armenii-s-rossiej-nuzhdaetsya-v-vosstanovlenii-i-pereosmyslenii> (дата обращения: 19.03.2023).

* Признан в Российской Федерации организацией, выполняющей функции иностранного агента.

27. Махараишвили Г. Ползучая оккупация: как Азербайджан на пару с Турцией «поедают» Грузию // Ren.tv. 2021. 8 ноября. URL: <https://ren.tv/blog/georgii-makharashvili/900549-polzuchaia-okkupatsiia-kak-azerbaidzhan-na-paru-s-turtsiei-poedaiut-gruziiu> (дата обращения: 27.05.2024).
28. Шария Г. Турция медленно, но верно «осваивает» Грузию // Regnum.ru. 2021. 2 ноября. URL: <https://regnum.ru/news/1462784> (дата обращения: 27.05.2024).
29. Турция в Закавказье: Экспансия или партнерство с Россией // Rambler.ru. 2023. 11 июня. URL: <https://news.rambler.ru/politics/50901891-turtsiya-v-zakavkaze-ekspansiya-ili-partnerstvo-s-rossiei/> (дата обращения: 27.05.2024).
30. Армения — Россия: дружба, сотрудничество и взаимопомощь. Ереван: ЕГУ, 2022.
31. Lee S. The role of social media in protest participation: The case of candlelight vigils in South Korea // International Journal of Communication. 2018. January, no. 12. P. 1523–1540. URL: <https://ijoc.org/index.php/ijoc/article/view/7767/2313> (дата обращения: 24.12.2024).
32. Хачатрян Г.Г., Шестопалова А.В. Влияние социальных медиа на протестную активность в Армении // Материалы Четвертой международной научно-практической конференции «Социальный компьютеринг: основы, технологии развития, социально-гуманитарные эффекты» (ISC-15): сб. ст. и тез.. М.: МПГУ, 2015. С. 75–95.
33. Соколов А.В., Соловьева А.В. Интернет-механизмы вовлечения граждан в общественную активность // Материалы Четвертой международной научно-практической конференции «Социальный компьютеринг: основы, технологии развития, социально-гуманитарные эффекты» (ISC-15): сб. ст. и тез. М.: МПГУ, 2015. С. 125–133.
34. Манойло А.В. Технологии конфликтной мобилизации в социальных сетях // Материалы Четвертой международной научно-практической конференции «Социальный компьютеринг: основы, технологии развития, социально-гуманитарные эффекты» (ISC-15): сб. ст. и тез. М.: МПГУ, 2015. С. 108–116.
35. Погосян Г.А. Перспективы евразийской социально-экономической интеграции (взгляд из Армении) // Социальные новации и социальные науки: [электронный журнал]. 2022. № 2. С. 22–30. <https://doi.org/10.31249/snsn/2022.02.02>
36. Тавадян А., Манасерян Т. Краткосрочные и среднесрочные перспективы развития армяно-российского экономического сотрудничества // Современное состояние и видимые перспективы армяно-российского стратегического союза: сб. ст. Ереван: Наапет, 2021. С. 36–41.

Статья поступила в редакцию 29 февраля 2024 г.;
рекомендована к печати 4 июля 2024 г.

Контактная информация:

Погосян Геворк Арамович — канд. филос. наук, д-р социол. наук, проф., действительный член Академии наук Армении, иностранный член РАН; <https://orcid.org/0000-0001-8094-1289>, gevork@sci.am

Problems and prospects of Eurasian integration in the context of public attitudes in Armenia

G. A. Poghosyan

Institute of Philosophy, Sociology and Law
of the Academy of Sciences of the Republic of Armenia,
44, ul. Aram, Yerevan, 0010, Republic of Armenia

For citation: Poghosyan G. A. Problems and prospects of Eurasian integration in the context of public attitudes in Armenia. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2024, vol. 17, iss. 3, pp. 286–299. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2024.302> (In Russian)

2024 marks the tenth anniversary of the Eurasian Economic Union (EAEU), within which five CIS countries are implementing Eurasian economic integration. Over the past period, the economic union of the five countries has brought many benefits and advantages in terms of facilitating and expanding opportunities for international trade. For Armenia, the past years

of economic integration have made it possible not only to support its economy, but also to significantly strengthening and developing trade and economic ties with the participating states, and particularly with Russia. Currently, the EAEU is negotiating with a number of new countries that have expressed a desire to join the union. Along with the obvious achievements and advantages of the EAEU, the participating countries are raising the issue of expanding integration into the political, energy and security spheres. Many experts put forward the task of improving and modernizing Eurasian integration, taking into account the new realities in the global world order. Public opinion polls conducted in the participating countries indicate a decrease in the population's interest in the prospects of integration, due to a slight slowdown in integration processes and their inconsistency with the initially established social expectations. The sociological studies conducted over the past few years in Armenia also indicate a noticeable decline in the image of Russia as a friendly country and a reliable strategic partner of Armenia in the eyes of the Armenian public. The ruling political elite of the republic does not hide its intention to change the vector of geopolitical orientation from Russia and the EAEU to the West. This article is devoted to discussing the problems and prospects of Eurasian integration in the new conditions of a multipolar world order.

Keywords: economic integration, expansion, public attitude, development prospects.

References

1. Poghosyan G. A. The Armenian communities of Russia: lintegration or repatriation. *"Philosophy in Modern World". Proceedings of international conference devoted to the INESCO Philosophy Day*, iss. 11 (pp. 127–147). Yerevan, Miva-Press Publ., 2021. (In Armenian)
2. The positive attitude of citizens towards Eurasian integration is gradually decreasing. *Regnum*, 2017, December 25. Available at: <https://regnum.ru/news/2361811> (accessed: 20.02.2024). (In Russian)
3. Poghosyan G. A. Problems of Eurasian integration in the processes of European gravity. *Arkhnont*, 2017, no. 1, pp. 68–71. <https://doi.org/10.24412/2587-9464-2017-1-68-71> (In Russian)
4. *Public Opinion Survey: Residents of Armenia October 9–29, 2018*. Available at: https://www.iri.org/wp-content/uploads/2018/11/2018.11.23_armenia_poll.pdf (accessed: 19.02.2024).
5. Effects of integration of Armenia and Kyrgyzstan within the EAEU: Analytical Report by the Center for Integration Studies of the Eurasian Development Bank (EDB ICS). Center for Integration Studies of the Eurasian Development Bank. Available at: https://eabr.org/upload/iblock/b27/EDB_Centre_Report-51_Armenia_Kyrgyzstan_EAEU_2019.pdf (accessed: 20.02.2024). (In Russian)
6. Safaryan A. To the 10th anniversary of sociological research on the attitude of Armenian society to Eurasian and European integration. *National Research Institute for Communications Development*, 2023. Available at: https://nicrus.ru/analytics/pub_k10letiyu/?fbclid=IwAR1Kpq7eSmkNnKjO9xIuaRwSab4z6U2EiKKS8WASKFPlf-AtVqoa2GNza40 (accessed: 17.02.2024). (In Russian)
7. Zadorin I. V. Countries far and near. How the image of the outside world is formed in the mass consciousness of the population of Northern Eurasia. *SocioDigger*, 2022, December, no. 3, iss. 12 (23), pp. 3–8. (In Russian)
8. Kolosov V. A. Eurocentrism in the perception of the world: Causes, manifestations, shifts. *SocioDigger*, 2022, December, no. 3, iss. 12 (23), pp. 15–19. (In Russian)
9. Reveda S. V. Transformation of the image of the Eurasian Economic Union in the context of the deepening crisis of international relations in 2022. *SocioDigger*, 2022, December, no. 3, iss. 12 (23), pp. 57–64. (In Russian)
10. Ileuova G. Foreign policy preferences of Kazakhstanis: Every seventh is undecided. *SocioDigger*, 2022, December, no. 3, iss. 12 (23), pp. 74–77. (In Russian)
11. Vardomatsky A. P. Belarus and Russia: Cooperation — yes. Entry — no. *SocioDigger*, 2022, December, no. 3, iss. 12 (23), pp. 89–93. (In Russian)
12. Andreenkova A. V. Attitudes towards Russia in post-Soviet countries — from nostalgia to values. *SocioDigger*, 2022, December, no. 3, iss. 12 (23), pp. 33–39. (In Russian)
13. Vozmitel A. A. Eurasian Economic Union between the past and the future. *Sotsial'naiia politika i sotsiologiya*, 2022, vol. 21, no. 2, pp. 52–60. <https://doi.org/10.17922/2071-3665-2022-21-2-52-60> (In Russian)

14. French historians about the inevitable collapse of the European Union. InoSMI, 2018, October 1. Available at: <https://inosmi.ru/20181001/243360745.html> (accessed: 11.02.2024). (In Russian)
15. Todd E. *La Défaite de l'Occident*. Paris, Gallimard, 2024.
16. Krastev I. *After Europe*, transl. from English by A. Nikitina, A. Smirnov, Ya. Okhon'ko (eds). Moscow, Delo Publ., 2018. (In Russian)
17. Krastev I. *Democracy Disrupted: The Politics of Global Protest*. Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 2014.
18. Shmelev B. Prospects of European integration in assessment of Bulgarian political scientist. *World Economy and International Relations*, 2019, vol. 63, no. 3, pp. 122–126. (In Russian)
19. Osadchaya G. I. *Eurasian Economic Union: Development potential, cooperation format*: monograph. Moscow, Ekon-Inform Publ., 2021. (In Russian)
20. The economic war of the West against Russia. What awaits the EAEU? *Golos Armenii*. Available at: <https://golosarmenii.am/article/146173/ekonomicheskaya-vojna-zapada-protiv-rossii--chto-zhdet-eaes> (accessed 12.02.2024). (In Russian)
21. Hess M. The countries of the South Caucasus are preparing for a hard landing by Russia. *Turan.az*, 2022, March 19. Available at: <https://turan.az/ru/prosu-slova/strany-iuznogo-kavkaza-gotoviatsia-k-zestkoi-posadke-rossii> (accessed: 20.03.2022). (In Russian)
22. Tavadyan A., Tavadyan Ag. Light and shadows of Eurasian integration. *Mir Peremen*, 2021, no. 3, pp. 76–89. https://doi.org/10.51905/2073-3038_2021_3_160 (In Russian)
23. Poghosyan G. A. Emigration vs Repatriation: Why do people leave and under what conditions are they ready to return?: Interview. *Golos Armenii*, 2022, February 16. Available at: https://www.golosarmenii.am/article/141618/emigraciya-VS-repatriaciya-pochemu-lyudi-uezzhayut-i-pri-kakix-usloviyax-gotovy-vernutsya?fbclid=IwAR29fYNEChzsWbY7PGGKUWqsadof04KcPo7v2agJjNBmaWeDL0m_r3mRrvA (accessed: 16.02.2024). (In Russian)
24. “If the job works out, we’ll stay”. *Golos Armenii*, 2022, March 3. Available at: <https://golosarmenii.am/article/143370/esli-poluchitsya-s-rabotoj--ostanemsya> (accessed 07.03.2022). (In Russian)
25. Unreal foreign country. Kholod*, 2022, March 19. Available at: https://holod.media/2022/03/19/nenastoyashhaya-zagranicza/?fbclid=IwAR0MkZWcw9vMl4_bVO1IC2ZeQc6mn7LMMZxO-dUlw-i_NjzrWHH4ItkHZN8 (accessed: 19.03.2022). (In Russian)
26. Zakaryan A. Armenia’s strategic partnership with Russia needs to be restored and rethought. *Golos Armenii*, 2022, March 19. Available at: <https://golosarmenii.am/article/144629/artak-zakaryan-strategicheskoe-partnerstvo-armenii-s-rossiej-nuzhdaetsya-v-vosstanovlenii-i-pereosmyslenii> (accessed: 19.03.2023). (In Russian)
27. Maharashvili G. Creeping occupation: How Azerbaijan and Turkey are “eating” Georgia. *Ren.tv*, 2021, November 8. Available at: <https://ren.tv/blog/georgii-makharashvili/900549-polzuchaia-okkupatsiia-kak-azerbaidzhan-na-paru-s-turtsiei-poedaiut-gruziiu> (accessed: 27.05.2024). (In Russian)
28. Sharia G. Türkiye is slowly but surely “developing” Georgia. *Regnum.ru*, 2021, November 2. Available at: <https://regnum.ru/news/1462784> (accessed: 27.05.2024). (In Russian)
29. Türkiye in Transcaucasia: Expansion or Partnership with Russia. *Rambler.ru*, 2023, June 11. Available at: <https://news.rambler.ru/politics/50901891-turtsiya-v-zakavkaze-ekspansiya-ili-partnerstvo-s-rossiej/> (accessed: 27.05.2024). (In Russian)
30. *Armenia — Russia: Friendship, cooperation and mutual assistance*. Yerevan, Yerevan State University Press, 2022. (In Russian)
31. Lee S. The role of social media in protest participation: The case of candlelight vigils in South Korea. *International Journal of Communication*, 2018, January, no. 12, pp. 1523–1540. Available at: <https://ijoc.org/index.php/ijoc/article/view/7767/2313> (accessed: 28.05.2024).
32. Khachatryan G. G., Shestopalova A. V. The influence of social media on the protest activity in Armenia. *Proceedings of the Fourth International Scientific and Practical Conference “Social Computing: Fundamentals, Development Technologies, Social and Humanitarian Effects” (ISC-15)*: Collection of articles and abstracts (pp. 75–95). Moscow, MPGU Press, 2015. (In Russian)
33. Sokolov A. V., Solovyova A. V. Internet mechanisms for involving citizens to social activity. *Proceedings of the Fourth International Scientific and Practical Conference “Social Computing: Fundamentals, Development Technologies, Social and Humanitarian Effects” (ISC-15)*: collection of articles and abstracts (pp. 125–133). Moscow, MPGU Press, 2015. (In Russian)

* Is recognized in the Russian Federation as an organization performing the functions of a foreign agent.

34. Manoylo A. V. Technologies of conflict mobilization in social networks. *Proceedings of the Fourth International Scientific and Practical Conference "Social Computing: Fundamentals, Development Technologies, Social and Humanitarian Effects" (ISC-15)*: collection of articles and abstracts (pp. 108–116). Moscow, MPGU Press, 2015. (In Russian)

35. Poghosyan G. A. Prospects for Eurasian socio-economic integration (view from Armenia). *Social Novelties and Social Sciences*: [electronic journal], 2022, no. 2, pp. 22–30. <https://doi.org/10.31249/snsn/2022.02.02>. (In Russian)

36. Tavadyan A., Manaseryan T. Short-term and medium-term prospects for the development of Armenian — Russian economic cooperation. *Current state and visible prospects of the Armenian — Russian strategic union*: collection of articles (pp. 36–41). Yerevan, Nahapet Publ., 2021. (In Russian)

Received: February 29, 2024

Accepted: July 4, 2024

Authors' information:

Gevorg A. Poghosyan — PhD in Philosophy, Dr. Sci. in Sociology, Professor, Full Member of the Academy of Sciences of Armenia, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences; <https://orcid.org/0000-0001-8094-1289>, gevork@sci.am

Социологический анализ адаптации узбекских мигрантов на московском рынке труда в условиях интеграции с ЕАЭС

В. Ю. Леденева¹, Р. Р. Назаров²

¹ Институт демографических исследований Федерального
научно-исследовательского социологического центра РАН,
Российская Федерация, 119333, Москва, ул. Фотиевой, 6

² Институт государства и права Академии наук Республики Узбекистан,
Республика Узбекистан, 100060, Ташкент, ул. М. Улугбека, 81

Для цитирования: Леденева В. Ю., Назаров Р. Р. Социологический анализ адаптации узбекских мигрантов на московском рынке труда в условиях интеграции с ЕАЭС // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2024. Т. 17. Вып. 3. С. 300–316.
<https://doi.org/10.21638/spbu12.2024.303>

Статья представляет комплексное исследование влияния миграционных потоков из Республики Узбекистан на евразийскую интеграцию. Анализируется социокультурный опыт узбекских мигрантов и их адаптация в новой среде в условиях разнообразных культур. Рассматриваются узбекские мигранты, проживающие в московском мегаполисе, как особая группа, формирующая свой социокультурный опыт в условиях нового общественного контекста. Цель и задачи исследования — всесторонний социологический анализ миграционного опыта узбекских граждан на примере московского мегаполиса; освещение социальной и экономической динамики миграционных потоков из Узбекистана в страны Евразийского экономического союза и конкретно в Россию. Для исследования использовались статистические данные официальных документов и докладов о ситуации на рынке труда в Узбекистане с целью оценки динамики и структуры миграционных потоков и выявления ключевых трендов. Эмпирическое социологическое исследование, проведенное методом структурированного опроса узбекских мигрантов в московской агломерации, позволило сформировать понимание основных социологических аспектов миграционных процессов: количественные и качественные характеристики трудовой миграции из Узбекистана, степень социокультурной адаптации, стратегии поведения трудовых мигрантов. На основе полученных данных выявлены ключевые факторы для разработки устойчивых стратегий социокультурной интеграции узбекских мигрантов на евразийском пространстве. Сделан вывод о том, что более глубокая социально-экономическая интеграция Узбекистана с ЕАЭС может стать значимым драйвером экономического и социокультурного сотрудничества. Разработаны рекомендации для государственных и общественных институтов, направленные на создание поддерживающей среды для узбекских мигрантов с учетом национальных интересов России.

Ключевые слова: ЕАЭС, Узбекистан, трудовая миграция, интеграция мигрантов.

Введение

Актуальность заявленной темы обусловлена спецификой трудового рынка Евразийского экономического союза (ЕАЭС), где трудовая миграция играет ключевую роль в экономической и социальной стабильности как для стран-доноров, так и для стран-реципиентов. Для Российской Федерации как страны, ежегодно принимающей значительный поток мигрантов, особенно остро стоит проблема нелегальной миграции, решить которую не удастся на протяжении многих лет. В последнее время миграционное законодательство Российской Федерации подвергается серьезным изменениям, что способствует сокращению количества нелегальных мигрантов, однако вопрос остается открытым. Проблемы нелегальной миграции актуальны и для стран-доноров. В частности, Узбекистан, обладающий наибольшим миграционным потенциалом на постсоветском пространстве, также активно участвует в разработке и реализации миграционных нормативных актов в целях противодействия нелегальной миграции. Сотрудничество между странами — членами ЕАЭС может способствовать снижению уровня нелегальной миграции, улучшению условий труда мигрантов и укреплению экономических и социокультурных связей.

Для Узбекистана трудовая миграция является фактором, позволяющим смягчить проблему безработицы и способствующим экономическому развитию за счет денежных переводов мигрантов, которые составляют значительную часть ВВП страны. Для Российской Федерации мигранты играют важную роль в восполнении нехватки рабочей силы в определенных секторах экономики, критических для устойчивого экономического роста. При этом вопросы развития ЕАЭС и его значимости могут казаться менее актуальными в настоящий момент, однако следует подчеркнуть, что процессы интеграции в рамках ЕАЭС продолжаются и их значение для участников Союза сохраняется. Государственное регулирование трудовой миграции стран ЕАЭС в этом контексте остается важной задачей и включает создание правовой базы для защиты прав мигрантов в странах приема, обеспечение их социальной поддержки и разработку программ адаптации.

Таким образом, несмотря на временное снижение внимания к вопросам развития ЕАЭС, тема трудовой миграции и государственного регулирования в этом направлении сохраняет свою актуальность и требует внимательного и комплексного подхода, что и отражено в настоящей статье.

Современные теории трудовой миграции базируются на неоклассических концепциях и одновременно концентрируют внимание на структурных изменениях трудовой миграции, что, в первую очередь, связано с технологическим развитием стран. Теории объясняют обратную связь между трудовой миграцией на рынке труда и экономическим развитием в странах — реципиентах рабочей силы. В теории социологии рисков их минимизация является более сильным стимулом для участия в международной трудовой миграции, чем разница в уровне заработной платы [1]. Одним из главных драйверов экономического развития стран — доноров трудовой миграции являются денежные переводы мигрантов, и в рамках данного направления трудовой миграции отводится роль инструмента по выравниванию экономического развития стран, принимающих и отдающих трудовые ресурсы [2, р.83–103]. Современные теории баланса/дисбаланса на рынке труда отдают трудо-

вой миграции роль индикатора между спросом и предложением на рынке труда, утверждая, что беспрепятственные миграционные и финансовые потоки способствуют достижению баланса на мировом рынке труда, что является фундаментальной основой развития мировой экономики [3; 4]. Российские ученые в рамках инновационной модели экономического роста утверждают, что перетекание креативного человеческого капитала в развитые страны либо использование некавалифицированного труда на опасных и вредных для жизни производствах способствуют развитию одних рынков за счет других [5]. Е. Х. Тухтарова и другие исследователи в противовес экономической модели развивают в своих работах концепцию инклюзивной модели, которая становится все более популярной в современном научном мире. Инклюзивная модель акцентирует внимание на справедливом распределении трудовых ресурсов, в результате чего основой инклюзивного развития является человек и качественные характеристики его деятельности при условии эффективного государственного управления миграционными процессами [6].

Проблематика трудовой миграции из Узбекистана в Россию изучается в основном российскими учеными и специалистами, но в последнее время появляются научные работы узбекских ученых по миграционной тематике, например, по общим вопросам миграции и направлениям миграционных потоков, сравнительному анализу внутренней и внешней миграции (свидетельствующему, что для граждан Узбекистана в целом нехарактерна миграция, так как народ, как правило, ведет оседлый образ жизни [7]), тенденциям и изменениям демографических показателей, связанным с глобальными социально-экономическими изменениями [8], теоретико-методологическим аспектам сбора информации о миграции населения [9], международно-правовой защите мигрантов, практическим вопросам защиты прав трудящихся мигрантов консульскими учреждениями Республики Узбекистан за рубежом. В этих работах также даны предложения по совершенствованию механизмов защиты прав трудящихся мигрантов консульскими учреждениями [10], правовому регулированию миграционных процессов, правовому регулированию социальной и правовой защиты граждан Узбекистана, вопросам эффективного управления и контроля над процессами организованного набора [11; 12]; анализируются процессы взаимодействия международных организаций в области правового регулирования трудовой миграции на основе междисциплинарного подхода [13], евразийское миграционное сотрудничество и тенденции нормативно-правового регулирования сферы трудовой миграции, разработка нового проекта закона о внешней трудовой миграции, направленного на повышение эффективности деятельности государственных структур по решению вопросов миграции [14], исторические аспекты миграции [15], административно-правовые аспекты ее регулирования [16], общие вопросы регулирования миграционных процессов [17; 18], социальная защита прав мигрантов [19; 20].

Таким образом, анализ существующих теорий миграции показывает, что трудовая миграция играет ключевую роль в экономическом развитии как стран-доноров, так и стран-реципиентов. Теории подчеркивают важность сбалансированного и справедливого подхода к управлению миграционными процессами, что способствует устойчивому развитию и стабильности мирового рынка труда.

Авторами рассматривается исследовательская модель, направленная на анализ двустороннего сотрудничества между Россией и Узбекистаном в контексте трудо-

вой миграции. Целью исследования является выявление и анализ правовых и институциональных основ сотрудничества России и Узбекистана в области трудовой миграции, а также оценка их влияния на защиту прав и интересов мигрантов. Задачи исследования:

- проанализировать двусторонние соглашения и договоренности, касающиеся трудовой миграции;
- оценить эффективность существующих правовых инструментов в защите прав трудовых мигрантов;
- исследовать социально-экономические последствия миграционных потоков между странами.

Гипотеза исследования состоит в утверждении, что совершенствование правовой базы двусторонних соглашений между Россией и Узбекистаном и углубление процессов евразийской интеграции положительно влияют на условия труда, защиту прав узбекских мигрантов и их социально-экономическую адаптацию в России, что, в свою очередь, способствует улучшению социально-экономических показателей обеих стран.

В свете стремительных изменений и экономического развития в регионе Центральной Азии Узбекистан принял стратегическое решение стать наблюдателем в ЕАЭС. Этот шаг, объявленный в 2020 г., отмечает важный поворот во внешней политике страны и представляет собой знаковое событие не только для Узбекистана, но и для всего региона. На заседании Высшего Евразийского экономического совета (ВЕЭС), прошедшем 11 декабря 2020 г., было принято решение о предоставлении Узбекистану статуса государства-наблюдателя и внесены изменения в Положение о статусе государства-наблюдателя при Евразийском экономическом союзе.

Эти изменения касаются установления порядка предварительных консультаций между государствами, заинтересованными в получении статуса государства-наблюдателя, и государствами — членами Союза, что дает уполномоченным представителям государства-кандидата возможность присутствовать на заседаниях различных органов ЕАЭС и получать доступ к принимаемым ими документам (за исключением конфиденциальных).

В Договор о ЕАЭС также включен механизм, который обязывает государство-наблюдателя воздерживаться от действий, которые могут нанести ущерб интересам интеграционного объединения и его государств-членов. 30 апреля 2020 г. был подписан Меморандум о сотрудничестве между Евразийской экономической комиссией и правительством Республики Узбекистан, и в рамках этого соглашения создана и активно функционирует совместная рабочая группа по сотрудничеству между Евразийской экономической комиссией и правительством Республики Узбекистан.

В настоящее время Узбекистан занимает лидирующее положение среди торговых партнеров Евразийского экономического союза в рамках Содружества Независимых Государств [21]. Наблюдательный статус Узбекистана в ЕАЭС подчеркивает его стремление к укреплению экономических связей и расширению торговых возможностей с государствами — членами Союза. Этот шаг также отражает желание страны активно участвовать в интеграционных процессах, направленных на содействие устойчивому развитию и процветанию в регионе. Однако роль наблюдателя в ЕАЭС предоставляет не только возможность экономического сотрудничества;

это важный фактор в контексте миграционных процессов, имеющих огромное значение для Узбекистана.

Систематизация трудовой миграции из Узбекистана в настоящее время сталкивается с ограничениями, включающими запрет на ряд профессий для граждан из стран, не входящих в ЕАЭС. Однако вступление Узбекистана в состав ЕАЭС дает возможности, при которых узбекские граждане смогут воспользоваться всеми преимуществами и льготами общего рынка труда, включая возможность бессрочного пребывания на территории России при заключении трудового договора. Кроме того, для граждан стран — участниц ЕАЭС нет необходимости в получении патента для трудоустройства, что может привести к значительной экономии денежных средств.

Правовые и социально-демографические аспекты трудовой миграции из Узбекистана в Россию

С 1992 г. Россия и Узбекистан активно развивали двустороннее сотрудничество, заключая ряд соглашений и договоренностей в различных сферах экономики, торговли, культуры, науки и прочих. Параллельно с этим были подписаны соглашения о трудовой миграции и защите прав трудовых мигрантов, учитывая значительные миграционные потоки между странами. Эти правовые инструменты стали важной основой для регулирования миграционных процессов и обеспечения защиты прав и интересов мигрантов из Узбекистана, работающих в России:

- двусторонние документы: Договор об основах межгосударственных отношений, дружбе и сотрудничестве (30.05.1992) [22], Договор о стратегическом партнерстве (16.06.2004) [23], Договор о союзнических отношениях (14.11.2005) [24], Соглашение между Правительством РФ и Правительством Республики Узбекистан (далее — РУз) о трудовой деятельности и защите прав трудящихся-мигрантов, являющихся гражданами РФ, в РУз и трудящихся-мигрантов, являющихся гражданами РУз, в РФ (04.07.2007), Соглашение между Правительством РФ и Правительством РУз о сотрудничестве в борьбе с незаконной миграцией (04.07.2007), Соглашения между Правительством РФ и Правительством РУз о реадмиссии (15.04.2013), Соглашение между Правительством РФ и Правительством РУз об организованном наборе и привлечении граждан РУз для осуществления временной трудовой деятельности на территории РФ (05.04.2017); Декларация о всеобъемлющем стратегическом партнерстве (15.09.2022) [25] и другие документы;

- документы Российской Федерации: Федеральный закон «О ратификации Соглашения о сотрудничестве государств-участников СНГ в борьбе с незаконной миграцией» (13.07.2000), Трудовой кодекс РФ (30.12.2001), Концепция государственной миграционной политики РФ на 2019–2025 гг. и другие документы;

- документы Узбекистана: Указ Президента РУз «О мерах по дальнейшему совершенствованию государственной политики в сфере занятости и коренному повышению эффективности деятельности органов по труду» (24.05.2017), Постановление Кабинета министров «О мерах по дальнейшему совершенствованию и коренному пересмотру системы организованного трудоустройства граждан Республики Узбекистан за рубежом» (12.09.2018), Постановление Кабинета министров РУз «О дополнительных мерах по защите прав и законных интересов граждан Республики Узбекистан, осуществляющих временную трудовую деятельность за ру-

бежом» (23.08.2019), Постановление Кенгаша Сената Олий Мажлиса Республики Узбекистан «О вопросах совершенствования механизмов регулирования процессов внешней трудовой миграции» (23.11.2023) и др.

Формирование правовой базы отношений между Россией и Узбекистаном отражает стремление стран к установлению долгосрочного и взаимовыгодного сотрудничества на основе взаимного уважения, равноправия и взаимной выгоды. Правовые инструменты, разработанные в рамках двустороннего сотрудничества, обеспечивают надлежащую регламентацию миграционных процессов и защиту прав трудовых мигрантов, что является важным шагом для социально-экономического развития обеих стран.

Узбекистан располагает значительными и конкурентоспособными трудовыми ресурсами. Население Узбекистана по состоянию на начало 2024 г. составляет 36,8 млн чел. Темпы роста численности населения в 2020–2023 гг. ускорились до 2,1 %, или в абсолютном выражении примерно на 700–800 тыс. чел. ежегодно. Для сравнения: в 2010–2019 гг. средние темпы роста составляли 1,7 %, или 500–600 тыс. чел. [26].

Численность экономически активного населения в Узбекистане на протяжении последнего десятилетия сохраняет положительную динамику. В 2022 г. численность активного населения составила порядка 15 млн чел. (41,7 % от общего населения), что на 1 млн больше, чем в 2016 г. Эта разница представляет собой растущий резерв человеческого капитала [27]. Для сравнения: на Казахстан приходится около 10 % рабочей силы Евразийского экономического союза, на Беларусь — 5,5 %, на Кыргызстан — 2,8 %, на Армению — 1,4 %.

Средняя номинальная заработная плата в экономике по итогам 2023 г. составила 4,4 млн сумов и увеличилась в годовом выражении на 18 %. Темпы роста заработных плат в разрезе отраслей в Узбекистане значительно различаются. Существеннее всего оплата труда растет в сфере информационных технологий (+44 %), услуг по проживанию и питанию (+38 %), транспортировки (+37 %), торговли (+32 %) и финансов (+30 %).

Несмотря на рост, средняя заработная плата в Узбекистане составляет 347 долларов, что в два раза меньше, чем в России. Обилие трудовых ресурсов и низкий уровень оплаты труда делают инвестиции в трудоемкие секторы экономики Узбекистана более привлекательными [28]. Однако актуальной проблемой для страны остается нехватка рабочих мест. Уровень безработицы в Узбекистане в 2023 г. немного сократился по сравнению с 2022 г. и составил 8,1 %. Спрос на рабочую силу, оцениваемый Центральным банком Узбекистана как число вакансий, размещенных в интернете в декабре 2023 г., составил более 49 тыс. Недостаток рабочих мест внутри страны заставляет граждан Узбекистана искать работу за рубежом.

Прогнозы ЮНИСЕФ предполагают, что к 2030 г. население Узбекистана достигнет 40 млн чел. Узбекистан является страной с высоким уровнем молодого населения, составляющим более 60 % от общей численности популяции. По оценкам ООН, около 70 % всего населения Узбекистана войдет в когорту трудоспособного до 2040 г. Во время этого «демографического окна» доля трудоспособного населения (рабочей силы) в общей численности населения страны достигнет своего максимального уровня [29].

На протяжении долгих лет наблюдается стабильная тенденция — массовая миграция молодежи из Узбекистана, что часто связано с социальными фактора-

ми, а точнее с отсутствием «социальных лифтов» и возможностей для реализации в своей стране, стремлением к новым возможностям, желанием избежать традиционных, иногда ограничивающих гендерные роли систем контроля. Бедность и недоступность экономических ресурсов продолжают оставаться значимыми драйверами миграционных процессов.

Число трудовых мигрантов из Республики Узбекистан в России ежегодно растет: в 2017 г. оно составляло 1 923 388 чел.; в 2018 г. — 2 017 830 чел. (рост на 94 442 чел., или 4,9 %); в 2019 г. — 2 188 835 чел. (рост на 117 005 чел., или 8,5 %) [26]. В 2022 г. на миграционный учет территориальными органами МВД России было поставлено 6 345 614 чел. из РУз [30].

Трудовая миграция решает ряд важных задач, включая поступление доходов от денежных переводов граждан Узбекистана, работающих за рубежом, которые составляют от 4,8 до 6 млрд долларов США ежегодно.

Согласно данным Агентства по внешней трудовой миграции, граждане Узбекистана в основном заняты в России в секторах строительства, коммунального хозяйства, транспорта и логистики, розничной и оптовой торговли, а также общественно-го питания. Среднемесячная заработная плата наемных работников в этих отраслях, согласно данным Росстата, составляет от 300 до 700 долларов США. В строительном секторе она колеблется в пределах 485–625 долларов, в сфере коммунального хозяйства — от 485 до 555 долларов, а в текстильной отрасли начинается с 485 долларов [31].

Согласно мнению экспертов Министерства труда и социального развития России, статус наблюдателя ЕАЭС способствует реализации программ профессионального и языкового обучения для трудовых мигрантов на двусторонней основе с российскими партнерами. Это может сыграть положительную роль в решении вопроса о переносе на территорию Узбекистана основных услуг для оформления необходимых документов для получения патента на работу в России.

Трудовые мигранты не только физически перемещаются в новую среду, но и культурно приспосабливаются к традициям и нормам поведения принимающего общества. Сталкиваясь с этими изменениями, мигранты переживают скрытую борьбу между локальной или национальной и глобальной исламской идентичностями. Однако полное переформатирование идентичности является редким явлением среди трудовых мигрантов [32].

В настоящее время трудовая миграция на территории ЕАЭС регулируется Договором о Союзе, который обязывает государства-члены совместно утверждать политику в области управления миграцией. Этот документ также регламентирует вопросы социального обеспечения трудовых ресурсов, их медицинского обслуживания, учета трудового стажа и пенсионной системы. Присоединение Узбекистана к ЕАЭС в качестве наблюдателя может и не привести к непосредственным изменениям в правилах трудовой миграции, но это участие может предоставить возможность более детального изучения законодательства Союза.

Методология исследования

В статье представлены результаты эмпирического исследования «Мигранты из Узбекистана на рынке труда Москвы в условиях углубления евразийской интеграции», проведенного учеными Института демографических исследований

ФНИСЦ РАН в период с марта по июль 2023 г. Цель исследования состояла в анализе ситуации и специфики узбекских мигрантов, работающих на рынке труда Москвы в контексте усиления процессов евразийской интеграции. Исследование было направлено на понимание влияния процессов интеграции на миграционные потоки, трудовую занятость, социальное и экономическое положение мигрантов из Узбекистана в Москве. Было опрошено 154 гражданина Узбекистана (анкетный опрос), отобранных методом снежного кома в наиболее крупных региональных мигрантских (этнических) онлайн-сообществах в социальных сетях по следующим признакам: гражданство (Узбекистан); время приезда в Россию (после 2015 г.); регион проживания (Москва и Московская область); возраст (18–40 лет). Сбор, обработка и контроль информации осуществлялись на русском языке в режиме реального времени за счет формирования базы ответов в системе SurveyMonkey.

Исследовательская гипотеза заключалась в предположении, что углубление процессов евразийской интеграции оказывает влияние на условия трудоустройства узбекских мигрантов на рынке труда московской агломерации и их выбор предпочтительных стратегий адаптации в России.

Результаты исследования и их обсуждение

По данным исследования, большинство респондентов (37,3 %) проживают в крупных городах Узбекистана, таких как Ташкент и Самарканд. Затем следует категория «большой город» с населением более 30 тыс. чел., где проживает 27,5 % респондентов. Меньшая часть респондентов проживает в маленьких городах (19,7 %) и деревнях (10,6 %). Также отмечается, что некоторые респонденты в данный момент не имеют постоянного места жительства в Узбекистане. Доля респондентов, проживающих в малых городах и деревнях, относительно ниже, что может указывать на меньшую привлекательность таких мест для проживания или на миграционные процессы в сторону более крупных населенных пунктов. Наличие респондентов без постоянного места жительства в Узбекистане может свидетельствовать о мобильности населения или об оттоке из страны в поисках лучших возможностей.

Основные мотивы миграции из Узбекистана в Россию связаны с экономическими и социальными факторами. Более трети респондентов отметили низкие заработки (31,0 %) как одну из основных причин миграции, что указывает на экономическую нестабильность и недостаточный уровень оплаты труда на родине. Отсутствие работы (28,9 %) также играет существенную роль, о чем свидетельствует почти треть респондентов, которые указали этот фактор. 14,1 % респондентов отметили отсутствие перспектив в жизни, что может быть связано с ограниченными возможностями для карьерного и личностного роста на родине. Желание жить в России и невозможность получения хорошего образования также упоминаются, но в меньшей степени, что может указывать на второстепенную роль этих факторов в сравнении с экономическими и трудовыми аспектами.

Анализ семейной структуры мигрантов показывает, что большинство респондентов (почти 55 %) состоит в статусе «один (одна)» и проживает в России без своих семей. Это может быть связано с желанием обеспечить себя лучшими экономическими возможностями перед тем, как привлечь своих близких. Доля респондентов, состоящих в браке без детей, составляет примерно 15 %, что также отражает

наличие значительного числа молодых работников, которые решили мигрировать в Россию в поисках работы и лучшего будущего, оставив свои семьи. Чуть менее 15 % респондентов проживают с супругом (супругой) и с детьми, что может свидетельствовать о том, что некоторые мигранты решают переселиться вместе со своими семьями, чтобы обеспечить их лучшее будущее.

Почти треть респондентов работают в сфере услуг, и, что важно, более половины (51 %) опрошенных определяют свой социально-трудовой статус как «квалифицированный работник».

Эти данные могут свидетельствовать об уровне профессиональной квалификации среди мигрантов из Узбекистана, работающих в Москве. Однако квалификация работников не всегда подтверждается фактическими документами, и чаще всего такого подтверждения не требуют работодатели, в итоге происходит структурная деформация на рынке труда в сегменте внешней миграции. Эти данные могут быть полезны для разработки политики в области занятости и социальной интеграции мигрантов, а также для планирования программ поддержки и адаптации на новом месте жительства и работы.

Большинство опрошенных участников нашли работу через своих знакомых или соседей (73 % от общего числа респондентов). Небольшое количество опрошенных обращались к онлайн-платформам или в центры трудоустройства на родине. Эти данные показывают, что мигранты из Узбекистана в Москве предпочитают использовать для поиска работы личные контакты, а не специализированные сервисы. И, несмотря на Соглашение об организованном наборе, прописанный в нем способ трудоустройства, не стал эффективным для узбекских мигрантов в поисках работы. При этом поиск работы способом «сарафанного радио» делает мигрантов уязвимыми перед недобросовестными работодателями и увеличивает риск включения в теневую экономику.

До 80 % респондентов работают вместе с земляками, что косвенно подтверждает тезис о сформированных в Москве мигрантских нишах, где практически отсутствует конкуренция за рабочие места с местным населением. Подавляющее большинство (70 %) заявило, что их личное материальное положение за время пребывания в Москве улучшилось.

При этом многие узбекские мигранты сталкиваются с различными трудностями, включая:

- проблемы с трудоустройством (48 %). Недостаток официальных каналов поиска работы и предпочтение неформальных связей создают трудности в нахождении стабильного заработка;
- жилищные проблемы, которые оказались на втором месте (42 %). Высокие цены на жилье в Москве, а также сложная и непонятная система постановки на миграционный учет затрудняют доступ к подходящему жилью для мигрантов;
- проблемы с русским языком, их отметили 32 % опрошенных. Сложности в общении из-за недостаточного знания русского языка затрудняют взаимодействие с окружающими и поиск работы;
- недостаток социальной поддержки и отсутствие родственников или знакомых в Москве, из-за чего создается ощущение изоляции, отметили 22 %;
- дискриминация и негативное отношение к ним со стороны местного населения и работодателей, отмечены пятой частью (20 %) опрошенных респондентов.

В исследовании был задан вопрос о том, какие чувства у респондентов вызывает миграционная политика правительства России. Результаты представляют собой интересный аналитический материал:

- «гордость за Россию» отметили 11 % участников опроса. Хотя процент этого ответа не самый высокий, некоторые респонденты высоко оценивают миграционную политику в целом и конкретные меры, которые они считают успешными;
- ответ «удовлетворенность» выбрала треть опрошенных (32 %). Респонденты видят положительные изменения или улучшения в этой сфере, которые касаются их самих или их соотечественников;
- беспокойство миграционная политика вызывает у 8 % респондентов, что, скорее всего, связано с негативным опытом пребывания в России;
- «раздражение и злость» указали 4 % респондентов как маркер несогласия с определенными аспектами миграционной политики.

В целом анализ этих данных позволяет увидеть разнообразные реакции на миграционную политику, включая как положительные, так и отрицательные оценки, которые могут быть важны для дальнейшего обсуждения и разработки политики в этой области.

Рассматривая вопросы перспектив и потенциальных эффектов вступления РУз в ЕАЭС, важно понимать, какие интеграционные стратегии преобладают в сознании и действиях узбекских мигрантов. В целом полученные результаты указывают на предпочтительные стратегии взаимодействия мигрантов из Узбекистана с местными жителями:

- адаптационную стратегию поддержали 37 % опрошенных, готовых интегрироваться в российское общество, изучать русский язык и культуру и становиться частью местного сообщества;
- стратегию ассимиляции выбрала почти половина участников опроса (49,4 %), признавая национальную и культурную самобытность местного сообщества, что в перспективе способствует созданию гармоничного и многонационального общества;
- «адаптацию в логике бикультурализма» выбрали 3,2 % опрошенных. Этот подход предлагает мигрантам жить изолированно от местного населения, сохраняя свою культурную идентичность. Однако такая стратегия не получила широкой поддержки среди респондентов;
- стратегия сепарации, предполагающая полное разделение мигрантов и местного населения без какой-либо интеграции или взаимодействия между ними, не получила ни одного процента.

Вопрос о возвращении узбекских мигрантов домой не дал четкого понимания позиции участников опроса, так как их мнение разделилось на три почти равных части: 34 % респондентов выразили намерение вернуться домой в Узбекистан после работы в России, 28 % ответили, что не собираются возвращаться. Остальные респонденты затруднились дать ответ.

В контексте нашего исследования особую значимость имеют ответы на вопрос об одобрении создания на постсоветском пространстве ЕАЭС. Примерно 76 % опрошенных выразили одобрение инициативе создания ЕАЭС на постсоветском пространстве. Около 6,6 % склоняются скорее к негативному или отрицательному отношению к этой инициативе. Около 17,5 % затруднились дать ответ на этот вопрос.

Соответственно, большинство посчитало, что вступление Узбекистана в ЕАЭС положительно повлияет на изменения в жизни трудовых мигрантов. 60,4 % респондентов считают, что потенциальное вступление их страны в ЕАЭС приведет к позитивным изменениям в их жизни. Около 14,9 % склоняются к тому, что это не приведет к позитивным изменениям, в то время как примерно 24,7 % затруднились ответить на этот вопрос.

Основные выводы и заключение

Исследование «Мигранты из Узбекистана на рынке труда Москвы в условиях углубления евразийской интеграции» предоставляет ценные данные о ситуации трудовой миграции из Узбекистана в Россию и конкретно в московский мегаполис в контексте процессов евразийской интеграции. Москва привлекает значительное количество трудовых мигрантов из Узбекистана, причем большинство из них находятся в поиске лучших возможностей трудоустройства и жизни, а трудовая миграция становится ключевым фактором экономического развития как для России, так и для Узбекистана.

Основная исследовательская гипотеза подтверждена. Исследование выявило, что основные мотивы миграции из Узбекистана в Россию в значительной степени связаны с экономическими и социальными факторами. Низкие заработки, отсутствие работы и ограниченные перспективы на родине играют решающую роль в принятии решения о переезде. Это указывает на экономическую нестабильность и недостаточный уровень оплаты труда в Узбекистане, что вынуждает людей искать возможности для улучшения материального положения за рубежом. Большинство мигрантов проживают в России без семей, стремясь сначала получить доступ к более хорошим экономическим возможностям, а затем привлекать близких. Однако существует значительная доля мигрантов, которые решают переселиться вместе с семьями, чтобы дать им лучшее будущее. Таким образом, данные подчеркивают, что многие мигранты принимают решение о переезде, стремясь обеспечить себе и своим семьям более стабильную и благополучную жизнь.

Стремление мигрантов из Узбекистана использовать личные контакты для поиска работы указывает на низкую эффективность специализированных сервисов и центров трудоустройства на родине. Несмотря на Соглашение об организованном наборе, именно приведенный выше способ оказался предпочтительным для мигрантов, что может указывать на неэффективность официальных механизмов поиска работы и недостаточную информированность мигрантов о доступных возможностях. Поиск работы методом «сарафанного радио» делает мигрантов уязвимыми перед недобросовестными работодателями и увеличивает риск попадания в теневую экономику, формируя армию нелегальных мигрантов. Меры противодействия нелегальной миграции необходимо начинать с обеспечения доступности информации о законодательстве и правах мигрантов, а также усиления контроля над работодателями для пресечения неправовых практик и защиты интересов иностранных работников. Работающие вместе с земляками мигранты создают свои, мигрантские ниши на рынке труда Москвы, что приводит к созданию изолированных социальных групп, а точнее, к анклавизации мигрантов.

Субъективное улучшение материального положения мигрантов за время пребывания в Москве свидетельствует о том, что миграция для многих стала важным фактором улучшения жизни и достижения личных целей. Однако необходимо учитывать, что этот показатель может быть результатом не только работы, но и других факторов, таких как социальные связи и возможности для саморазвития.

Отношение к миграционной политике в России у мигрантов достаточно позитивное, что свидетельствует об их адаптации к трудностям, возникающим при переезде в Россию и обустройстве на новом месте, включая поиск работы. Мигранты научились справляться с основными возникающими трудностями.

Потенциальные позитивные изменения касаются отношения мигрантов к перспективам вступления в ЕАЭС, значительная часть респондентов (76 %) оценивает их позитивно.

В целом исследование указывает на сложную и многогранную природу трудовой миграции из Узбекистана в Россию, предоставляя ценные сведения для формирования более эффективной миграционной политики и поддержки мигрантов в новой социокультурной среде. Присоединение Узбекистана к ЕАЭС может открыть перед страной ряд перспектив и вызовов в контексте миграционных процессов и государственного управления. Например, предоставить Узбекистану доступ к большому рынку сбыта для своих товаров и услуг. Это может снизить уровень безработицы и создать новые возможности трудовой миграции для граждан Узбекистана.

Сегодня Узбекистан активно разрабатывает нормативно-правовую базу в сфере миграции, что можно оценить как шаги в направлении интеграционного союза. В частности, с 2020–2021 гг. внедрена «Система безопасной, упорядоченной и легальной трудовой миграции», которая включает социальную поддержку работников, выезжающих на работу в другие страны: выдача микрозаймов и материальной помощи для покрытия расходов, связанных с трудоустройством (включая оплату проезда, оформление документов на осуществление трудовой деятельности, страхования) до 1000 долларов США; внедрение системы электронных трудовых книжек, на основе которых будет выплачиваться пенсия; выдача квартир для малообеспеченных и нуждающихся в улучшении бытовых условий семей трудовых мигрантов.

Кроме этого, внедрен программный комплекс Labor-migration, предусматривающий предоставление гражданам, планирующим трудовую деятельность за рубежом, информации о правилах пребывания, условиях труда, социальном и жилищно-бытовом обеспечении в стране трудоустройства, правовых аспектах заключения трудовых договоров с иностранными работодателями, а также мерах финансовой поддержки, предусмотренных законодательством, в режиме онлайн. Также предоставляются сведения об Агентстве по внешней трудовой миграции и частных агентствах занятости, включая информацию о видах и стоимости оказываемых услуг, вакантных рабочих местах иностранных работодателей и порядке трудоустройства.

В настоящее время разрабатывается единый базовый закон «О внешней трудовой миграции» для систематизации порядка организации трудовой деятельности граждан за пределами Узбекистана и привлечения иностранных граждан для работы в стране, который будет определять основные направления государственной

политики в сфере внешней трудовой миграции, где будут регламентированы социальная поддержка граждан, трудоустроенных в соответствии с законодательством, защита прав и законных интересов граждан, временно работающих за пределами Узбекистана, а также реинтеграция возвратившихся граждан.

При условии вступления Узбекистана в ЕАЭС трудовые мигранты получают еще более значимые преференции, которыми уже сейчас пользуются граждане стран — членов интеграционного союза:

- нераспространение квот по защите национального рынка труда;
- автоматическое признание документов об образовании, за исключением четырех специальностей — фармацевтическая, медицинская, юридическая и педагогическая (по двум последним сегодня уже подготовлены поправки для внесения в договор о ЕАЭС. Возможно, до конца 2024 г. они будут приняты);
- обязательное страхование на случай нетрудоспособности и другие услуги социального обеспечения. Скорая медицинская помощь для мигрантов и членов их семей будет предоставляться на безвозмездной основе.

Присоединение к ЕАЭС даст Узбекистану доступ к общему рынку труда с безграничной мобильностью рабочей силы, что значительно снизит связанные с миграцией издержки. Потенциальные мигранты из Узбекистана смогут экономить более 1,5 млрд долларов США ежегодно благодаря отмене платы за трудовые патенты в России. Увеличение объема денежных переводов приведет к улучшению благосостояния населения Узбекистана, что, в свою очередь, скажется на увеличении потребительского спроса в республике. Трудовая миграция в страны — члены ЕАЭС поможет смягчить негативные социально-экономические последствия, связанные с безработицей и недостаточной занятостью, а сотрудничество и координация совместных действий Узбекистана с другими странами — членами ЕАЭС поможет предотвратить конфликты, обеспечить взаимопонимание и справедливое распределение бремени, связанного с управлением миграционными потоками.

Для эффективного управления миграционными процессами в контексте вступления в ЕАЭС Узбекистану необходимо разработать комплексный подход, который включает в себя сочетание законодательных мер, международного сотрудничества, социальной поддержки мигрантов и их интеграции в общество. Вступление в ЕАЭС может привести к увеличению миграционных потоков между Узбекистаном и другими странами — членами Союза. Однако в таком случае, Узбекистану потребуется адаптировать свою миграционную политику и законодательство к стандартам и требованиям ЕАЭС, необходимо будет разрабатывать новую нормативно-правовую базу для государственного управления, связанного с контролем за миграцией и защитой прав мигрантов.

Литература

1. Яницкий О. Н. Социология риска: ключевые идеи // Мир России. 2003. № 1. С. 3–35.
2. Remittances: Development impact and future prospects / S. M. Maimbo, D. Ratha (eds). Washington: World Bank, 2005.
3. De Haas H. Migration and development: A theoretical perspective // International migration review. 2010. Vol. 44, iss. 1. P. 227–264.
4. Castles S., Miller M. The age of migration: International population movements in the modern world. Basingstoke: Palgrave MacMillan, 2008.

5. Козлова Е. А. Современные теории международной трудовой миграции как методология разработки отечественной миграционной политики // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 2 (30). С. 127–137.
6. Тухтарова Е. Х. Методическое обеспечение оценки вклада трудовой миграции в инклюзивное развитие России // Статистика и экономика. 2019. Т. 16, № 2. С. 65–79.
7. Бяшарова А. Р., Карабаева Г. Ш., Ашуризода Л. М., Таджиева Д. Р., Латыпова Р. М. Актуальные вопросы международной миграции в Узбекистане // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2023. № 5-1. С. 35–41.
8. Абдурахманов К. Х. Экономико-демографические аспекты внешней миграции Узбекистана // Московский экономический журнал. 2022. Т. 7, № 5. С. 376–382.
9. Муродова Д. С., Хужамова С. Б. Теоретико-методологические аспекты изучения миграционных процессов // Экономика и социум. 2022. № 4 (95). С. 174–178.
10. Юлдашева Г., Турсунова М. У. Консульская защита прав трудящихся мигрантов из Республики Узбекистан за рубежом // Человек и общество в системе современных научных парадигм. 2018. № 1 (4). С. 43–50.
11. Рахимова М. А. Правовое регулирование трудовой миграции: практика Республики Узбекистан // Наука. Культура. Общество. 2020. № 1. С. 47–55.
12. Рахманов Ш. Н., Отажонов А. А. Правовое регулирование процессов трудовой миграции в Республике Узбекистан // Теневая экономика. 2022. Т. 6, № 3. С. 145–156.
13. Ишанходжаев С. Сотрудничество Узбекистана с международными организациями в области трудовой миграции // Вестник юридических наук = Review of Law Sciences. 2018. № 4. С. 38–46.
14. Маждов Х. Наблюдая за ЕАЭС: перспективы трудовой миграции из Узбекистана // Review. uz. URL: <https://review.uz/post/eoiini-kuzatib-mehnat-migraciyasi-sohasi-istiqbollari> (дата обращения: 20.02.2024).
15. Муртазаева Р. Х. Миграционные процессы в Узбекистане в конце XX — начале XXI века: исторические события и новые тенденции. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2015.
16. Гоилов Ж. Административно-правовое регулирование межгосударственной трудовой миграции // Общество и инновации. 2021. № 1. С. 109–114.
17. Исакулов Ш. Н. Проблемы и возможности эффективного регулирования внешней трудовой миграции в Республике Узбекистан // Народонаселение. 2021. Т. 24, № 4. С. 161–174.
18. Маматханов А. А. Вопросы регулирования трудовой миграции в Республике Узбекистан // Вестник РЭУ им. Г. В. Плеханова. 2020. Т. 17, № 4 (112). С. 113–128.
19. Леденева В. Ю. Адаптационные центры для мигрантов в контексте миграционной политики России // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 4. С. 197–208.
20. Lutz W. Demographic scenarios for the EU. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2019. <https://doi.org/10.2760/751889>
21. Глазьев С. Узбекистан занимает первое место среди торговых партнеров ЕАЭС в СНГ // Евразийская экономическая комиссия: [сайт]. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/sergey-glazev-uzbekistan-zanimaet-pervoe-mesto-sredi-torgovykh-partnerov-eaes-v-sng> (дата обращения: 21.02.2024).
22. Договор об основах межгосударственных отношений, дружбе и сотрудничестве между Республикой Узбекистан и Российской Федерацией (30.05.1992) // Lex.uz online. URL: <https://lex.uz/docs/2589559> (дата обращения: 21.02.2024).
23. Договор о стратегическом партнерстве между Республикой Узбекистан и Российской Федерацией (16.06.2004) // Lex.uz online. URL: <https://lex.uz/docs/1307741> (дата обращения: 21.02.2024).
24. Договор о союзнических отношениях между Республикой Узбекистан и Российской Федерацией (14.11.2005) // Lex.uz online. URL: <https://lex.uz/docs/1345957> (дата обращения: 21.02.2024).
25. Декларация о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан (15.09.2022) // Президент России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5839> (дата обращения: 22.02.2024).
26. Центробанк о тенденциях на рынке труда Узбекистана // Газета.uz. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2024/01/23/employment/> (дата обращения 28.05.2024).
27. Винокуров Е., Цукарев Т., Ахунбаев А., Бабаджанян В., Бердигулова А., Кузнецов А., Перебоев В., Федоров К., Харитончик А., Чкония А.-М. Узбекистан и ЕАЭС: перспективы и потенциальные эффекты экономической интеграции. Доклады и рабочие документы 21/2. М.: Евразийский банк развития, 2021.
28. Наблюдая за ЕАЭС: перспективы трудовой миграции из Узбекистана // Интернет-портал СНГ. URL: https://e-cis.info/news/568/90431/?sphrase_id=27151 (дата обращения: 20.02.2024).

29. United Nations. World Population Prospects 2017: The 2017 Revision. Key Findings and Advanced Tables // Организация Объединенных Наций: [сайт]. URL: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/files/documents/2020/Jan/un_2017_world_population_prospects-2017_revision_keyfindings.pdf (дата обращения: 29.02.2024).

30. Статистические данные ГУВМ МВД России // Министерство внутренних дел России: [сайт]. URL: <https://мвд.рф/deyatelnost/statistics/migracionnaya> (дата обращения: 28.02.2024).

31. Наблюдая за ЕАЭС: перспективы трудовой миграции из Узбекистана // Интернет-портал СНГ. URL: https://e-cis.info/news/568/90431/?sphrase_id=27151 (дата обращения: 20.02.2024).

32. Бабаджанов Б. М. Трудовые мигранты Узбекистана в России: социальные сети и религиозные контексты // Центр изучения региональных угроз: [сайт]. URL: <https://crss.uz/2018/03/01/trudovye-migranty-uzbekistana-v-rossii-socialnye-seti-i-religioznye-konteksty/> (дата обращения: 20.02.2024).

Статья поступила в редакцию 1 марта 2024 г.;
рекомендована к печати 4 июля 2024 г.

Контактная информация:

Леденева Виктория Юрьевна — д-р социол. наук, доц., гл. науч. сотр.;
<https://orcid.org/0000-0002-9478-2917>, vy.ledeneva@yandex.ru
Назаров Равиан Ринатович — канд. филос. наук, ст. науч. сотр.;
davlatvahuqq@gmail.com

Potential effects of integration of Uzbekistan and EAEU: Sociological dimension of state regulation of labor migration

V. Yu. Ledeneva¹, R. R. Nazarov²

¹ Institute for Demographic Research — Branch of the Center
of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,
6, ul. Fotieva, Moscow, 119333, Russian Federation

² Institute of State and Law of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan,
81, ul. M. Ulugbek, Tashkent, 100060, Republic of Uzbekistan

For citation: Ledeneva V. Yu., Nazarov R. R. Potential effects of integration of Uzbekistan and EAEU: Sociological dimension of state regulation of labor migration. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2024, vol. 17, iss. 3, pp. 300–316. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2024.303> (In Russian)

The article presents a comprehensive study of the impact of migration flows from Uzbekistan on Eurasian integration. The socio-cultural experience of Uzbek migrants and their adaptation in a new environment in a diverse cultural setting is analysed. Uzbek migrants living in the Moscow metropolis are considered as a special group forming their socio-cultural experience in a new social context. The purpose and tasks of the research are comprehensive sociological analysis of the migration experience of Uzbek citizens on the example of the Moscow metropolis; coverage of the social and economic dynamics of migration flows from Uzbekistan to the countries of the Eurasian Economic Union and specifically to Russia. The study used statistical data from official documents and reports on the situation on the labour market in Uzbekistan to assess the dynamics and structure of migration flows and to identify key trends. An empirical sociological study conducted by means of a structured survey of Uzbek migrants in the Moscow metropolitan area has made it possible to form an understanding of the main sociological aspects of migration processes: quantitative and qualitative characteristics of labour migration from Uzbekistan, the degree of social and cultural adaptation, and strategies for the behaviour of migrant workers. Based on the data obtained, key factors for the development of sustainable strategies for the socio-cultural integration of Uzbek migrants

in the Eurasian space are identified. It is concluded that deeper socio-economic integration of Uzbekistan with the EAEU can become a significant driver of economic and socio-cultural cooperation. Recommendations for state and public institutions aimed at creating a supportive environment for Uzbek migrants, taking into account the national interests of Russia, have been developed.

Keywords: EAEU, Uzbekistan, labour migration, integration of migrants.

References

1. Yanitsky, O. N. Sociology of risk: Key ideas. *Mir Rossii*, 2003, no. 1, pp. 3–35. (In Russian)
2. *Remittances: Development impact and future prospects*. Washington, World Bank, 2005.
3. De Haas, H. Migration and development: A theoretical perspective. *International Migration Review*, 2010, vol. 44, iss. 1, pp. 227–264.
4. Castles, S., Miller, M. *The age of migration: International population movements in the modern world*. Basingstoke, Palgrave MacMillan, 2008.
5. Kozlova, E. A. Modern theories of international labor migration as a methodology for the development of domestic migration policy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, no. 2 (30), pp. 127–137. (In Russian)
6. Tukhtarova, E. Kh. Methodological support for the assessment of the contribution of labor migration to the inclusive development of Russia. *Statistika i ekonomika*, 2019, vol. 16, no. 2, pp. 65–79. (In Russian)
7. Byasharova, A. R., Karabaeva, G. Sh., Ashurzoda, L. M., Tadzhiyeva, D. R., Latypova, R. M. Current issues of international migration in Uzbekistan. *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava*, 2023, no. 5-1, pp. 35–41. (In Russian)
8. Abdurakhmanov, K. Kh., Islamova, B. B. Economic and demographic aspects of external migration of Uzbekistan. *Moskovskii ekonomicheskii zhurnal*, 2022, no. 5, pp. 376–382. (In Russian)
9. Murodova, D. S., Khuzhamova, S. B. Theoretical and methodological aspects of the study of migration processes. *Ekonomika i sotsium*, 2022, no. 4 (95), pp. 174–178. (In Russian)
10. Yuldasheva, G., Tursunova, M. U. Consular protection of the rights of migrant workers from the Republic of Uzbekistan abroad. *Chelovek i obshchestvo v sisteme sovremennykh nauchnykh paradig*, 2018, no. 1 (4), pp. 43–50. (In Russian)
11. Rakhimova, M. A. Legal regulation of labor migration: Practice of the Republic of Uzbekistan. *Nauka. Kultura. Obshchestvo*, 2020, no. 1, pp. 47–55. (In Russian)
12. Rakhmanov, Sh. N., Otajonov, A. A. Legal regulation of labor migration processes in the Republic of Uzbekistan. *Tenevaia ekonomika*, 2022, vol. 6, no. 3, pp. 145–156. (In Russian)
13. Ishankhodjaev, S. Cooperation of Uzbekistan with international organizations in the field of labor migration. *Vestnik iuridicheskikh nauk*, 2018, no. 4, pp. 38–46. (In Russian)
14. Mazhidov, H. Observing the EAEU: Prospects for labor migration from Uzbekistan. Tashkent: Center for Economic Research and Reforms. *Review.uz*. Available at: <https://review.uz/post/eoiini-kuzatib-mehnat-migratsiyasi-sohasi-istiqbollari> (accessed: 20.02.2024). (In Russian)
15. Murtazaeva, R. Kh. *Migration processes in Uzbekistan at the end of the 20th — beginning of the 21st centuries: Historical events and new trends*. Saarbrücken, Lambert Academic Publishing, 2015. (In Russian)
16. Goibov, Zh. Administrative and legal regulation of interstate labor migration. *Obshchestvo i innovatsii*, 2021, no. 1, pp. 109–114. (In Russian)
17. Isakulov, Sh. N. Problems and opportunities for effective regulation of external labor migration in the Republic of Uzbekistan. *Narodonaselenie*, 2021, vol. 24, no. 4, pp. 161–174. (In Russian)
18. Mamatkhanov, A. A. Issues of regulation of labor migration in the Republic of Uzbekistan. *Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics*, 2020, vol. 17, no. 4 (112), pp. 113–128. (In Russian)
19. Ledeneva, V. Yu. Adaptation centers for migrants in the context of Russian migration policy. *DEMIS. Demograficheskie issledovaniia*, 2023, vol. 3, no. 4, pp. 197–208. (In Russian)
20. Lutz, W. *Demographic Scenarios for the EU*. Luxembourg, Publications Office of the European Union, 2019.
21. Glazyev S. Uzbekistan takes the first place among trade partners of EAEU in UIS. *Eurasian Economic Commission*. Available at: <https://eec.eaeunion.org/news/sergey-glazev-uzbekistan-zanimaet-pervoe-mesto-sredi-torgovykh-partnerov-eaes-v-sng/> (accessed: 21.05.2024). (In Russian)

22. Agreement on the fundamentals of interstate relations, friendship and cooperation between the Republic of Uzbekistan and the Russian Federation (30.05.1992). *Lex.uz online*. Available at: <https://lex.uz/docs/2589559> (accessed: 21.02.2024). (In Russian)
23. Agreement on strategic partnership between the Republic of Uzbekistan and the Russian Federation (16.06.2004). *Lex.uz online*. Available at: <https://lex.uz/docs/1307741> (accessed: 20.02.2024). (In Russian)
24. Agreement on allied relations between the Republic of Uzbekistan and the Russian Federation (14.11.2005). *Lex.uz online*. Available at: <https://lex.uz/docs/1345957> (accessed: 20.02.2024). (In Russian)
25. Declaration on a comprehensive strategic partnership between the Russian Federation and the Republic of Uzbekistan (15.09.2022). *The President of the Russian Federation*. Available at: <http://www.kremlin.ru/supplement/5839> (accessed: 22.02.2024). (In Russian)
26. The Central Bank — On Trends in the Labor Market of Uzbekistan. *Gazeta.uz*. Available at: <https://www.gazeta.uz/ru/2024/01/23/employment/> (accessed 28.05.2024). (In Russian)
27. Vinokurov, E., Tsukarev, T., Akhunbaev, A., Babajanian, V., Berdigulova, A., Kuznetsov, A., Pereboev, V., Fedorov, K., Kharitonchik, A., Chkoniiia, A.-M. *Uzbekistan and the EAEU: Prospects and potential effects of economic integration. Reports and working papers 21/2*. Moscow, Evraziiskii bank razvitiia Publ., 2021. (In Russian)
28. Observing the EAEU: Prospects for Labor Migration from Uzbekistan. *Internet-portal of the Commonwealth of the Independent States*. Available at: https://e-cis.info/news/568/90431/?sphrase_id=27151 (accessed: 20.05.2024). (In Russian)
29. United Nations. World Population Prospects 2017: The 2017 Revision. Key Findings and Advanced Tables. *United Nations Internet-portal*. Available at: https://www.un.org.development.desa.pd/files/files/documents/2020/Jan/un_2017_world_population_prospects-2017_revision_keyfindings.pdf (accessed: 20.02.2024).
30. Statistical data of the Main Directorate of Migration of the Ministry of Internal Affairs of Russia. *Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*. Available at: <https://mvd.rf/dejatelnost/statistics/migracionnaya> (accessed: 28.02.2024). (In Russian)
31. Observing the EAEU: Prospects for Labor Migration from Uzbekistan. *Internet-portal of the Commonwealth of the Independent States*. Available at: https://e-cis.info/news/568/90431/?sphrase_id=27151 (accessed: 20.05.2024). (In Russian)
32. Babajanov, B.M. Labor migrants of Uzbekistan in Russia: Social networks and religious contexts. *Center for Studying Regional Threats*. Available at: <https://crss.uz/2018/03/01/trudovye-migranty-uzbekistana-v-rossii-socialnye-seti-i-religioznye-konteksty/> (accessed: 20.02.2024). (In Russian)

Received: March 1, 2024

Accepted: July 4, 2024

Authors' information:

Victoria Yu. Ledeneva — Dr. Sci. in Sociology, Associate Professor, Leading Researcher;
<https://orcid.org/0000-0002-9478-2917>, vy.ledeneva@yandex.ru
 Ravshan R. Nazarov — PhD in Philosophy, Senior Researcher;
davlatvahuq@gmail.com

Структурные особенности и социальные проблемы неполных семей в России и Республике Казахстан

Т. К. Ростовская¹, О. Д. Натсак², А. С. Еламанова³

¹ Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Российская Федерация, 119333, Москва, ул. Фотиевой, 6

² Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Российская Федерация, 667003, Кызыл, ул. Кочетова, 4

³ Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Республика Казахстан, 050040, Алматы, пр. аль-Фараби, 71

Для цитирования: Ростовская Т. К., Натсак О. Д., Еламанова А. С. Структурные особенности и социальные проблемы неполных семей в России и Республике Казахстан // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2024. Т. 17. Вып. 3. С. 317–331. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2024.304>

В статье рассматриваются структурные особенности и социально-экономические проблемы неполных семей в России и Республике Казахстан. Под неполными семьями авторы понимают семьи с одним родителем и детьми, сложившиеся вследствие распада по причине развода, смерти одного из супругов, а также в результате рождения детей вне брака. Используя материалы последних двух переписей населения в России и Республике Казахстан, авторы проанализировали масштабы распространения неполных семей, их численную динамику, структуру, состав, размер, а также число детей. Сделаны выводы о том, что и в России, и в Казахстане между переписями выросла доля материнских и отцовских неполных семей, при этом по сравнению с Россией доля неполных семей в целом в Казахстане ниже, чем в России. В Казахстане неполные семьи более многодетные, чем в России, однако в этих двух странах наблюдаются противоположные тенденции: в России заметен рост количества детей в неполных семьях, в Казахстане — уменьшение. На основе данных российского социологического исследования «Демографическое самочувствие регионов России» Института демографических проблем Федерального научно-исследовательского социологического центра (ФНИСЦ) РАН 2020–2021 гг., в ходе которого были проведены глубинные интервью с одинокими родителями, а также социологического исследования, предпринятого в 2021 г. в Республике Казахстан Республиканским научно-практическим центром психического здоровья с участием экспертов, представлен анализ социальных и экономических проблем неполных семей. Было выявлено, что функционирование неполных семей сопровождается рядом рисков и проблем. Авторы полагают, что демографическое благополучие и качество человеческого капитала России и Казахстана, как и любых других государств, зависит от качества семейно-брачной структуры населения, в этой связи в обеих странах необходим более комплексный подход к проблемам неполных семей.

Ключевые слова: неполные семьи, структура семьи, размер семьи, одинокие матери, отцовские семьи, дети в неполных семьях, депривированные группы, социальные проблемы.

Введение

Неполные семьи вне зависимости от причин их возникновения представляют собой асимметричную семейную структуру, в которой комплектность внутрисемейных ролей является неполной — отсутствует роль одного из родителей или она выполняется в усеченном виде, функции по содержанию и воспитанию детей преимущественно выполняет один родитель.

Изучение неполных семей, их структурных особенностей, материального положения, условий жизни, а также социально-экономических проблем, с которыми сталкиваются монородители, представляет собой актуальную исследовательскую работу в связи с ухудшением брачной и семейной структуры населения, ростом числа неполных семей и детей, воспитываемых в них. Исследование этих вопросов важно и в сравнительно-сопоставительном контексте стран, которые чуть более 30 лет назад находились в едином социокультурном пространстве советского государства, таких как, например, Россия и Казахстан. Сравнительный анализ демографических ландшафтов в части неполных семей в двух сопредельных государствах позволит выявить влияние глобальных и локальных социально-демографических трендов, социологические исследования — определить особенности функционирования неполных семей.

Целью настоящей статьи является анализ структурных особенностей современных неполных семей в Российской Федерации и Республике Казахстан, а также изучение социально-экономического положения неполных семей. Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие исследовательские задачи:

- провести анализ и сравнение структурных характеристик неполных семей;
- изучить влияние структуры и состава семьи на экономический статус монородителей и их детей;
- изучить социальные проблемы неполных семей на основе материалов социологических исследований.

В статье были использованы социологические методы качественного характера (глубинные интервью, экспертный опрос), статистико-демографические и общенаучные методы сравнительного и типологического анализа.

Сравнительно-сопоставительный анализ между рассматриваемыми странами проведен по следующей структуре демографо-статистических показателей:

- типы домохозяйств, в состав которых входят неполные семьи, и их доля в общем числе домохозяйств (материнские, отцовские, расширенные семьи);
- средний размер домохозяйств;
- число детей.

Эти показатели анализировались в межпереписной динамике. Структурные изменения семьи являются статистически фиксируемыми процессами, в этой связи в качестве источников информации были использованы материалы Всероссийских переписей населения 2010 [1] и 2020 гг. [2], Национальных переписей населения Республики Казахстан 2009 [3] и 2021 гг. [4]. Информационную базу статьи также составили другие статистические материалы, касающиеся социально-экономического положения семей в России и Казахстане [5; 6].

Анализ экономических и социальных проблем неполных семей в двух странах основывался на материалах социологических исследований.

Эмпирической основой статьи стали результаты социологического исследования «Демографическое самочувствие регионов России», проведенного Институтом демографических проблем Федерального научно-исследовательского социологического центра (ФНИСЦ) РАН в 2020–2021 гг. с целью изучения внутренней мотивации репродуктивного, матримониального, самосохранительного и миграционного поведения населения России. Информанты отбирались целенаправленно, методом «снежного кома». Исследование проводилось в 10 регионах России. В каждом регионе была реализована серия глубинных интервью с применением методики реконструкции жизненного пути, позволяющая систематизировать жизненный опыт информантов, в частности одиноких родителей. Всего из категории женщин, воспитывающих детей в неполной семье, было проинтервьюировано 20 человек.

По Республике Казахстан авторами использованы результаты социологического исследования, проведенного в 2021 г. Республиканским научно-практическим центром психического здоровья с использованием также качественных методов. Всего было интервьюировано 10 экспертов в области семейной политики, психологии, социальной работы, коррекционной психологии, в том числе социальные педагоги, сотрудники дома мамы и кризисных центров. Опрос был проведен для выявления основных проблем социальной и экономической реадaptации казахстанских одиноких матерей до 29 лет и выработки адекватных способов их решения. Кроме того, в 2024 г. Республиканским научно-практическим центром психического здоровья были проведены глубинные интервью 10 одиноких матерей в Республике Казахстан.

С учетом того, что эти исследования различаются по структуре и методам, в статье использованы те части, которые касаются социально-экономических проблем неполных семей, возглавляемых женщинами.

Основная гипотеза статьи заключается в том, что постсоветская траектория социально-демографического развития России и Казахстана характеризовалась кризисными явлениями в семейно-брачной сфере, семейных ценностях, которые осложнялись в том числе и социально-экономическими факторами, что закономерно вело к росту неполных семей. Однако значимыми являются различия в структурных характеристиках неполных семей в двух странах, на которые влияют такие факторы, как общая рождаемость, социально одобряемые стандарты детности семей, а также государственные меры поддержки демографии. Социальное самочувствие неполных семей зависит от форм оказываемой государством поддержки семей с детьми, в том числе одиноких родителей. Вместе с тем есть универсальные черты, характерные и для российских, и для казахстанских неполных семей, — низкий ресурсный потенциал, бедность и трудности в социализации детей.

Обзор литературы

В российских и зарубежных исследованиях семьи наблюдаются определенное смещение фокуса и пересмотр методологических подходов под влиянием глобальных трендов и локального социального контекста [7–9]. В частности, в семейных исследованиях отмечается переход от макро- к микроподходам, от институционального подхода — к изучению семейных практик [7].

Российские исследователи находятся в поиске адекватных современному состоянию семьи научно-методологических подходов. Анализируя новые семейные

формы и тенденции их распространения, Т. А. Гурко подчеркивает нелинейный характер развития институтов семьи и брака [10]. Некоторые авторы рассматривают семьи в ракурсе модальности и немодальности. К немодальному родительству, к примеру, А. Л. Янак относит практики одиноких отцов, воспитывающих детей в неполных семьях [11, с. 59]. В работе Г. В. Барановой семьи, образованные в результате рождения внебрачного ребенка, зачатого с использованием донорского материала, отнесены к новым парадоксальным формам неполной семьи [12, с. 94]. К новым исследовательским фокусам можно отнести рост интереса к теме отцовства и маскулинности [8; 13].

Существенный пласт российской и зарубежной научной литературы, посвященной проблемам неполных семей, исследует социальные, психологические и иные последствия социализации детей в условиях семьи, в структуре которой по разным причинам отсутствовал один из родителей. Е. А. Чиждова и О. Н. Романова признают, что дети из неполных семей находятся в группе риска формирования деструктивных форм поведения [14, с. 176]. Л. А. Головей и Ю. Ю. Данилова отмечают, что дети, которые росли с одним родителем, меньше доверяют себе во всех сферах жизнедеятельности [15, с. 31, 34]. С. Н. Майорова-Щеглова и С. Ю. Митрофанова выделяют группы, в которых взросление происходит более быстрыми темпами, — это бедные дети, дети из неполных семей, городские дети [16, с. 25]. Более пролонгированными по времени эффектами социализации детей в неполных семьях являются проблемы, с которыми они сталкиваются во взрослой жизни. М. В. Галимзянова и Е. В. Романова отмечают более высокий уровень социальной субъектности взрослых в партнерских отношениях, которые воспитывались в полной семье, по сравнению с теми, у кого родители развелись [17, с. 214].

В этих публикациях получены весьма ценные результаты, показывающие социальные риски неполных семей, фактические и потенциальные негативные последствия для детей, которые в них воспитываются.

Изучая работы зарубежных авторов, можно заметить, что они предпринимают попытки сравнительного анализа субъективного благополучия детей, которые воспитываются и проживают в разных типах уже распавшихся браков. На основе анализа данных лонгитюдного исследования, охватывающего Великобританию, Швецию, Нидерланды и Германию, П. Фаллесен (P. Fallesen) и М. Гелер (M. Gähler) приходят к аналогичным российским исследованиям выводам — о более низком эмоциональном и психологическом благополучии детей из неполных семей. Однако степень благополучия и проблемы интернализации подростков в разных типах неполных семей варьируются: подростки в сохраненных семьях более благополучны, чем их сверстники в различных типах распавшихся семей, подростки в восстановленных семьях демонстрируют меньшее благополучие, чем подростки, живущие только с одним родителем, подростки, живущие поочередно у разошедшихся родителей, чувствуют себя так же хорошо, как и их сверстники в полноценных семьях [18, р. 352]. Исследователи из США Дж. Джарви (J. Jarvis), Э. Гибби (A. Gibby) и другие отмечают, что не столько структура семьи, сколько качество детско-родительских отношений, а также взаимоотношений между родителями выступают как важные механизмы, посредством которых структура семьи влияет на благополучие детей [19, р. 439]. Ч. Чжан (Ch. Zhang), используя данные панельных исследований семьи в Китае, сделал вывод, что дети, живущие

с разведенными матерями-одиночками, по успеваемости и субъективному благополучию не отличались от детей из полных семей, но дети, живущие с разведенными отцами-одиночками и отчимами, находились в более неблагоприятном положении [20, р. 1].

Обзор литературы по рассматриваемой теме показывает, что и в российских, и в зарубежных исследованиях констатируются повышенные социальные и экономические риски неполных семей. И это еще раз подчеркивает необходимость многомерного анализа их масштабов и особенностей, обновления управленческих решений и государственной политики в их отношении.

Что касается работ казахстанских авторов, посвященных постсоветским изменениям института семьи, то в них также прослеживаются преимущественно кризисные нарративы [21–23]. Разводы и растущее число неполных семей выступают как своеобразные красные флажки, сигнализирующие о негативных тенденциях в семейной и брачной структуре населения Казахстана.

Сравнительных исследований по России и Казахстану, посвященных анализу распространенности неполных семей, их социально-демографическим характеристикам и проблемам, с которыми они сталкиваются в двух странах, нет. С этой точки зрения представленная статья обладает определенной научной новизной.

Результаты

Неполные семьи в России и Казахстане: количественная динамика

Для России и Казахстана доминирующим типом социально-демографической организации семьи являются нуклеарные полные семьи с детьми. Однако соотношение разных структурных типов семьи меняется под влиянием разных трансформационных процессов.

Неполные семейные ячейки, состоявшие из матери с детьми и отца с детьми, в общем числе семейных ячеек в России в 2010 г. составляли 15,45 % (матери с детьми — 13,76 %, отцы с детьми — 1,69 %). В 2020 г. доля неполных семейных ячеек выросла до 18,25 % (матерей с детьми — до 15,42 %, отцов с детьми — до 2,83 %) [2; 5].

В 2010 г. в 21 % всех домохозяйств проживали семейные ячейки с неполной структурой. «Материнские» домохозяйства составляли 13,75 % всех домохозяйств, «отцовские» — 1,69 %, сложные по своей структуре домохозяйства, включавшие в себя неполные семейные ячейки, — 5,56 %. В 2020 г. доля разных типов домохозяйств, в которых проживали семейные ячейки с неполной структурой, выросла до 25,39 %: «материнских» — до 15,42 %, «отцовских» — до 2,83 %, сложных по структуре домохозяйств, в составе которых были неполные семьи, — до 7,14 %.

В период между 2010 и 2020 гг. в России выросли число и доля домохозяйств, имеющих в своем составе одиноких матерей с детьми и одиноких отцов с детьми, в городе и селе в целом. Количественный рост показали сложные по своей структуре домохозяйства, состоящие из матери или отца с детьми, одного из родителей, прочих родственников и не родственников (или без них).

В Казахстане в межпереписной период выросло общее количество домохозяйств, в которых проживают семейные ячейки с неполной структурой (рис. 1).

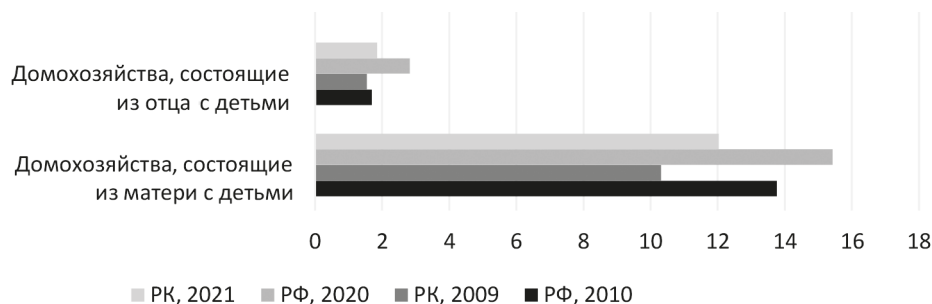

Рис. 1. Межпереписная динамика доли домохозяйств, состоящих из матери с детьми и отца с детьми, в России и Казахстане

Источник: график составлен авторами на основании Росстат [1; 2]; Бюро национальной статистики Республики Казахстан [3; 4]

И в России, и в Казахстане выросла доля материнских и отцовских неполных семей. По причине несопоставимости данных о сложных по составу домохозяйствах, включающих неполные семьи, эта группа не была включена в сравнение.

Размер и детность неполных семей

В России между переписями 2010 и 2020 гг. вырос средний размер всех типов домохозяйств, имеющих в своем составе неполные семьи. Средний размер домохозяйства, состоящего из матери с детьми, в России в 2010 г. составлял 2,3, в 2020 г. — 2,4; домохозяйства, состоящего из отца с детьми, с 2,2 в 2010 г. вырос до 2,3 в 2020 г. [1; 2].

В Казахстане средний размер всех домохозяйств, в составе которых присутствуют неполные семьи, уменьшился, размер домохозяйств, состоящих из матери с детьми, остался на прежнем уровне — 2,6. Домохозяйства, состоящие из отца с детьми, уменьшились с 2,8 в 2009 г. до 2,5 в 2020 г. [3; 4].

В Казахстане неполные семьи более многодетные, чем в России, соответственно, доля многодетных семей в общей структуре неполных семей в Казахстане выше, чем в России. Однако в этих двух странах по материалам последних переписей также можно заметить противоположные тенденции: в России наблюдается рост количества детей в неполных семьях, в Казахстане — уменьшение.

В России среди домохозяйств одиноких родителей преобладают малые домохозяйства, состоящие из двух лиц (родителя и ребенка), что связано с тем фактом, что среднее число рожденных детей у незамужних женщин меньше, чем у женщин, живущих в браке. В 2020 г. 72,3 % незамужних женщин имели лишь одного ребенка [2].

В Казахстане также большинство домохозяйств одиноких родителей с детьми состоят из двух человек.

В городах Казахстана более половины таких семей являются однодетными, и их доля больше, чем доля таких же семей в целом по стране и в селе (51,3, 48,8 и 42 % соответственно). В селе в 2021 г. лидерство от двухдетных неполных семей, состоящих из матери с детьми, как было в 2009 г., перешло к однодетным. Эти факты указывают на начавшееся уменьшение детности неполных семей, возглавляемых женщинами (рис. 2).

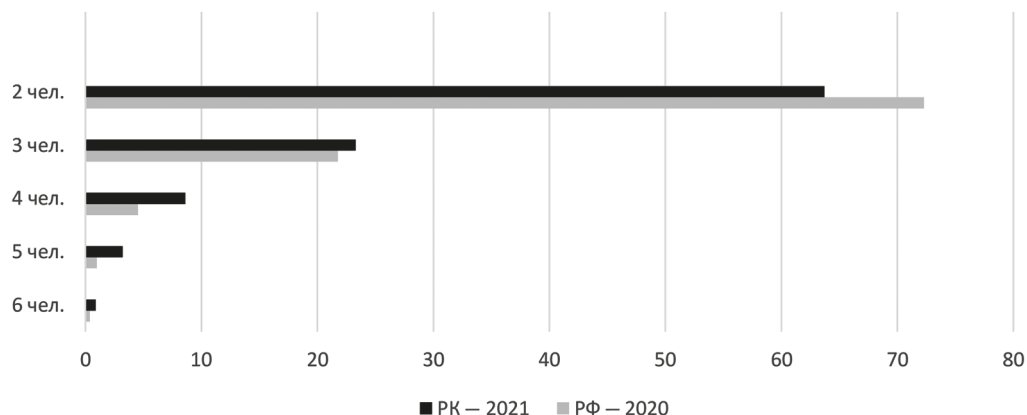

Рис. 2. Домохозяйства России и Казахстана, состоящие из матери и детей, по количеству лиц в 2020 и 2021 гг.

Источник: график составлен авторами на основании Росстат [2]; Бюро национальной статистики Республики Казахстан [4]

Если по всем типам домохозяйств в среднем по стране лидируют трехдетные семьи, то, как мы видим, среди неполных семей — однодетные. Таким образом, подтверждается, что потенциал рождаемости в неполных семьях ниже, чем в полных.

Экономические проблемы неполных семей

В структуре доходов российских неполных семей в 2021 г. на первом месте были доходы от трудовой деятельности, как и в многодетных семьях. По уровню полученных социальных трансфертов многодетные полные семьи опережали неполные семьи [6]. Такую ситуацию считают следствием политики стимулирования рождаемости, исходя из которой многодетные семьи получают большую поддержку, например, на региональном уровне, чем прочие семьи, в том числе неполные.

По уровню депривации неполные семьи в России по некоторым важным показателям находятся в худшем положении, чем другие типы семей с детьми. Это, прежде всего, касается питания, готовности к неожиданным тратам, включая срочные расходы на оплату медицинских услуг [24]. Кроме того, одинокие родители в наибольшей степени не удовлетворены уровнем заработной платы по сравнению с многодетными родителями или родителями детей-инвалидов [24].

Спецификой статистических данных по Республике Казахстан, касающихся дифференциации населения и домохозяйств по уровню жизни и доходам, является то, что в них не осуществляется выделение неполных семейных ячеек и домохозяйств, имеющих в своем составе неполные семьи [25]. В этой связи адекватное сравнение с российскими данными невозможно.

Рассмотрим результаты глубинных интервью с матерями из неполных семей, проведенных в регионах России в 2020–2021 гг.

Недостаток финансовых средств отмечается в семьях как работающих, так и неработающих женщин.

«Я бы хотела, чтобы больше был размер материнского капитала, детских пособий. Помощи от государства не хватает» (жен., 38 лет, высшее образование, сын 8 лет, Волгоградская обл.).

В более благоприятной ситуации оказываются неполные семьи, которые являются реципиентами родственной помощи и материальной поддержки со стороны биологических отцов детей. «У нас средний достаток, ну, не то, чтобы шикуюем и покупаем дорогие продукты и одежду, но мы не бедствуем. Семейный бюджет, так как я одна, распределяю полностью сама: что-то откладываю, рассчитываю, потому что нужно уложиться в месячные поступления денег — оплата квартиры, садика, питания, одежду. И помогает бабушка, помогает папа деньгами» (жен., 35 лет, высшее образование, сын 5 лет, Московская область). «Я вдова, родственники со стороны мужа оплачивают обучение дочери в университете» (жен., 45 лет, высшее образование, дочь 19 лет, г. Алматы).

К семьям с наиболее высоким уровнем риска попадания в число бедных относятся неполные многодетные семьи. В сложной ситуации могут оказаться также однопотенциальные неполные семьи, когда у молодой матери нет достаточного ресурсного потенциала для материального обеспечения семьи. Такая ситуация происходит в тех случаях, когда у одинокой молодой матери нет профессионального образования, работы и поддержки родственников. В Казахстане лишь 4,6 % молодых девушек в возрасте 15–19 лет и 40,5 % женщин в возрасте 20–24 лет имеют доходы. Эти данные важны для понимания того, что в случае формирования неполной семьи в результате внебрачного рождения ребенка у молодой матери процесс ее социально-экономической адаптации является затрудненным.

Жилищная депривация одиноких матерей, а также финансовая несостоятельность и отсутствие работы у отцов их детей обостряют уровень их фактической бедности. «Я разведена, отец детей не помогает, безработный, сама на алименты не подавала, есть материальные трудности, живу на зарплату, снимаю квартиру, помогает только мой папа» (жен., 38 лет, высшее образование, дети 14 и 16 лет, г. Алматы).

Жилищные проблемы после распада семьи в результате развода решаются в том числе путем совместного проживания с прародителями и формирования многопоколенной семьи. Такая адаптационная стратегия характерна как для российских, так и для казахстанских одиноких матерей. «С жильем проблемы нет, так как переехала к своей маме, которая живет одна» (жен., 32 года, среднее специальное образование, дети 4 и 8 лет, Алматинская обл., с. Бирлик).

Когда в Казахстане неработающие женщины сталкиваются с разводом и трудностями получения алиментов, они могут остаться без источника доходов. Следует отметить, что законодательство в сфере семьи Казахстана, как и России, признает безусловный характер алиментной обязанности вне зависимости от того, есть ли у родителей достаточные средства для предоставления такого содержания, и не допускает полного освобождения от обязанности по содержанию детей [26, с. 57].

По итогам национальной переписи населения Республики Казахстан 2021 г., среди официально разведенных женщин у 65 % основным источником дохода является зарплата, 9,1 % — пенсия, 0,1 % — стипендия, 0,3 % — пособие по инвалидности, 0,1 % — пособие по беременности, родам, уходу за ребенком, 1,3 % — другие

виды социальной помощи, 6,4% — помощь родственников [4]. Не имели никаких доходов 4% разведенных женщин [21].

Таким образом, статистические материалы и глубинные интервью с одинокими матерями свидетельствуют о том, что дефицит финансовых ресурсов и потребность в материальной поддержке государства, родственников и отцов детей — ключевая проблема неполных семей.

Социальные проблемы неполных семей

Получение образования и выстраивание карьеры у монородителей затруднены в связи с дефицитом временных ресурсов, а отсутствие профессионального образования предопределяет более низкий экономический статус одиноких родителей. Появление ребенка у незамужней женщины меняет структуру финансовых и временных затрат. Критически важным является наличие родственной помощи в сфере заботы, доступ к социальной инфраструктуре. Те, кто не имеет таких возможностей, вынужденно переходят в статус незанятых. В условиях неполной семьи соблюдение баланса между работой и жизнью становится более сложной задачей, выбор работы в этой дилемме улучшает материальное положение семьи, но ухудшает выполнение монородителем функций воспитания и заботы, а выбор семьи и ребенка снижает карьерные шансы и уровень доходов. «Материнство повлияло на то, что я не могу устроиться на работу с полноценным графиком, так как у меня маленькая дочь» (жен., 29 лет, среднее профессиональное образование, дочь 5 лет, Волгоградская обл.).

Карьерные траектории также могут измениться с появлением ребенка у незамужней женщины, так как каждый этап в продвижении по служебной лестнице требует повышения ответственности и приоритетности рабочих задач. С этой точки зрения для многих работодателей одинокие родители не являются привлекательными работниками.

К проблемам, которые могут актуализироваться в отложенной по времени перспективе, относится отсутствие в неполной семье позитивной модели взаимодействия и ролевого распределения между мужчиной и женщиной. «В семьях, где нет отца, ребенок не наблюдает взаимодействия родителей, не учится взаимоотношениям между мужчиной и женщиной. У него перед глазами только модель взаимодействия матери с бабушкой и дедушкой или взаимодействия матери с непостоянными партнерами. Это сильно влияет на воспитание ребенка, на то, как он будет выстраивать отношения со второй половиной в будущем» (эксперт 2, г. Алматы).

Важной проблемой неполных семей является напряженное социально-психологическое состояние одинокого родителя, обусловленное трудовыми нагрузками не только на работе, но и в сфере неоплачиваемого домашнего труда, осознанием более низких жизненных шансов для улучшения материального положения, переживаниями личного характера. Эта ситуация влияет и на детей.

Исследование, проведенное в Казахстане, показало дефицит психологической стабильности в неполных семьях. В семьях без отца дети взрослеют раньше своих сверстников, воспитывающихся в условиях полной семьи. «В полных семьях ребенок смотрит на мир другими глазами, а в семье, где воспитывает только

мама, у него совсем другие приоритеты и он раньше взрослеет, мама с ним разговаривает как со взрослым» (эксперт 3, г. Караганда). «В полной семье больше ощущения стабильности, не возникают вопросы, “где мама или где папа”» (эксперт 4, г. Астана).

Таким образом, серьезными вызовами для жизнедеятельности неполных семей могут стать более низкие жизненные шансы одиноких родителей на профессиональный и экономический успех. В этом обобщении нужно учитывать, что важнейшими детерминантами социально-профессионального и экономического статуса являются уровень образования монородителя, наличие родственной помощи и доступ к социальной инфраструктуре.

Выводы и дискуссия

Проведенный нами сравнительный анализ показал, что и в России, и в Казахстане наблюдается количественный рост домохозяйств, состоящих только из матери или отца с детьми.

Материалы переписей населения Республики Казахстан не позволяют проанализировать состав расширенных домохозяйств. В этой связи мы сравнили доли домохозяйств в России и Казахстане, в составе которых проживают только монородители с детьми, без учета сложных по структуре домохозяйств: их доля в общей структуре домохозяйств России в 2020 г. составила 18,25 %, в Казахстане ниже — 13,88 %. Доля и «материнских», и «отцовских» домохозяйств в Казахстане незначительно ниже, чем в России.

В Казахстане прослеживается уменьшение среднего размера домохозяйств, в которых проживают монородители с детьми, в России — рост. В показателях детности также наблюдаются противоположные тенденции: в Казахстане растет доля однодетных неполных семей, в России — снижается. В целом в Казахстане неполные семьи более многодетные, чем в России, и их средний размер превышает аналогичные характеристики неполных семей в России.

На примере одиноких матерей, их жизненных путей и практик можно констатировать, что функционирование неполных семей сопровождается целым комплексом проблем.

Экономические проблемы неполных семей в рассматриваемых странах связаны с объективным фактором более низкого уровня доходов семьи, так как работает лишь один взрослый. Крайне сложным является положение таких семей, когда единственный родитель не занят и не имеет трудовых доходов.

Финансовая прочность бюджетов неполных семей ниже, чем у других типов семей. Полагаем, что государственная поддержка монородителей не должна сосредотачиваться лишь на трансфертах, не менее важно повышение адаптационного потенциала родителей через обучение основам финансовой грамотности и стимулирование их экономической активности. В реадаптации одиноких родителей, воспитывающих детей-инвалидов, а также молодых одиноких матерей критически важен доступ к бесплатной психологической поддержке.

В Республике Казахстан финансовые проблемы неполных семей могут быть более острыми в связи с отсутствием в системе социальной поддержки таких механизмов, как материнский капитал, адресные выплаты на детей, в том числе воспитываемых монородителями.

Проблемы в социализации детей из неполных семей одинаково характерны для России и Казахстана. Дефицит знаний о семейных ценностях и гендерном распределении ролей в семье у детей из неполных семей мог бы частично восполнить общий курс семейведения, который целесообразно ввести в образовательные программы в школах. Отсутствие мужского воспитания мальчиков из неполных семей можно частично решить через использование таких замещающих механизмов, как наставничество, к которому привлекались бы педагоги-мужчины, тренеры.

Заключение

Причины возникновения неполных семей имеют комплексный характер, связанный с продолжительностью жизни, смертностью, системой ценностей населения и крепостью или, наоборот, деградацией и ослаблением семейных устоев в обществе, следовательно, подходы к решению вопроса также должны быть комплексными.

Основная гипотеза статьи подтвердилась, проблема неполных семей актуальна для обеих рассматриваемых стран и требует особых подходов со стороны государства, дополнительных мер в рамках социальной и демографической политики. Демографическое благополучие в России, и Казахстана, как и любых других государств, зависит от качества семейно-брачной структуры населения. Чем выше уровень разводимости и предотвратимой мужской смертности, тем больше неполных семей с детьми и ниже рождаемость. Как отмечалось выше, исследователи из разных стран подчеркивают практически одни и те же риски неполных семей, снижающие уровень благополучия детей, воспитывающихся в них, что в конечном итоге ухудшает качество человеческого потенциала в рассматриваемых странах.

Литература

1. Всероссийская перепись населения 2010 г. // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 07.02.2024).
2. Всероссийская перепись населения 2020 // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (дата обращения: 07.02.2024).
3. Итоги Национальной переписи населения 2009 г. // Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам: [сайт]. URL: <https://stat.gov.kz/ru/national/2009/general/> (дата обращения: 01.02.2024).
4. Перепись населения 2021 // Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам [сайт]. URL: <https://stat.gov.kz/ru/national/2021/> (дата обращения: 01.02.2024).
5. Выборочное наблюдение доходов населения и участия в социальных программах 2022 // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/VNDN_2022/index.html (дата обращения: 28.01.2024).
6. Итоги комплексного наблюдения условий жизни населения 2022 // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH_2022/index.html (дата обращения: 28.01.2024).
7. Носкова А. В. Новые методологические подходы, исследовательские фокусы, дискуссионные проблемы социологии семьи // Социологические исследования. 2015. № 10. С. 177–185.
8. Носкова А. В., Кузьмина Е. И. Семьи сквозь призму разнообразия (о IX Конгрессе Европейского общества семейных отношений) // Социологические исследования. 2019. № 3. С. 153–155. <https://doi.org/10.31857/S013216250004289-0>
9. Солодников В. В. Глобальные демографические и институциональные изменения семьи // Социологические исследования. 2014. № 7. С. 152–154.

10. Гурко Т. А. Новые семейные формы: тенденции распространения и понятия // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 99–110. <https://doi.org/10.7868/S0132162517110113>
11. Янак А. Л. Концептуализация немодального родительства // Социологические исследования. 2022. № 4. С. 56–67. <https://doi.org/10.31857/S013216250016486-7>
12. Баранова Г. В. Парадоксы и противоречия семейных отношений // Вестник РГГУ. Сер. Философия. Социология. Искусствоведение. 2022. № 1. С. 86–96. <https://doi.org/10.28995/2073-6401-2022-1-86-96>
13. Безрукова О. Н. О трансформации роли и смыслов отцовства в современной России // Социологические исследования. 2021. № 1. С. 150–155. <https://doi.org/10.31857/S013216250010504-7>
14. Чижова Е. А., Романова О. Н. Взаимосвязь полоролевой идентичности и механизмов адаптации у подростков из неполных семей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2008. Вып. 3. С. 172–177.
15. Головей Л. А., Данилова Ю. Ю. Семейные факторы формирования доверия и удовлетворенности жизнью в подростковом возрасте // Вестник СПбГУ. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2015. Вып. 1. С. 28–37.
16. Майорова-Щеглова С. Н., Митрофанова С. Ю. Раннее взросление или инфантилизация: парадокс событийности современного детства // Вестник СПбГУ. Социология. 2020. Т. 13, вып. 1. С. 25–39. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2020.102>
17. Галимзянова М. В., Романова Е. В. Эмоциональные переживания, связанные с событиями детства и партнерскими отношениями // Вестник СПбГУ. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2011. Вып. 1. С. 209–216.
18. Fallesen P., Gähler M. Post-divorce dual-household living arrangements and adolescent wellbeing // Mortelmans D. (ed.). Divorce in Europe. New Insights in Trends, Causes and Consequences of Relation Break-ups. Cham, 2020. P. 337–354. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-25838-2>
19. Jarvis J. A., Gibby A. L., Dufur M. J., Pribesh Sh. Family structure and child well-being in a non-Western context: The role of parent — child relations and parental conflict in South Korea // Population Research and Policy Review. 2020. no. 39. P. 439–464. <https://doi.org/10.1007/s11113-020-09586-8>
20. Zhang Ch. Are children from divorced single-parent families disadvantaged? New evidence from the China family panel studies // Chinese Sociological Review. 2019. Vol. 52. No. 1. P. 84–114. <https://doi.org/10.1080/21620555.2019.1654366>
21. Каржаубаев С. С., Турсынова Т. Т. Проблемы развития института семьи в Республике Казахстан // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2015. № 1 (46). С. 48–52.
22. Климова Т. В. Современная казахстанская семья // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Социально-экономические науки. 2006. Т. 6, вып. 2. С. 109–118.
23. Рахметова Р. У., Жакенова К. А., Андекина Р. Э., Иргебаева Н. М. Социологический анализ сложившегося положения института семьи в Казахстане // Евразийский союз ученых. 2019. № 12 (69). С. 30–32. <https://doi.org/10.31618/ESU.2413-9335.2019.6.69.506>
24. Кириллова М. Н., Селиверстова О. Ф. Анализ мер социальной поддержки многодетных, малоимущих и неполных семей с детьми // Финансовый журнал. 2017. № 7. С. 98–109.
25. Домашние хозяйства Республики Казахстан. Итоги национальной переписи населения 2021 г. Астана: Бюро национальной статистики населения Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан, 2023.
26. Костюченко Е. Ю. Алиментная обязанность родителей в отношении несовершеннолетних детей на примере регулирования в законодательствах отдельных стран — участниц СНГ: Белоруссии, Казахстана, Киргизии, Молдавии, России, Украины // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 9. С. 56–58.

Статья поступила в редакцию 29 февраля 2024 г.;
рекомендована к печати 4 июля 2024 г.

Контактная информация:

Ростовская Тамара Керимовна — д-р социол. наук, проф.; <https://orcid.org/0000-0002-1629-7780>, rostovskaya.tamara@mail.ru

Натсак Органа Доржуевна — канд. филос. наук; <https://orcid.org/0000-0003-1833-4810>, nod695596@gmail.com

Еламанова Айнур Султановна — аспирант; yelamanova.ainur@gmail.com

Structural features and social problems of single-parent families in Russia and the Republic of Kazakhstan: Comparative analysis

T. K. Rostovskaya¹, O. D. Natsak², A. S. Elamanova³

¹ Institute for Demographic Research — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, 6, ul. Fotieva, Moscow, 119333, Russian Federation

² Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, 4, ul. Kochetova, Kyzyl, 667003, Russian Federation

³ Al-Farabi Kazakh National University, 71, pr. al-Farabi, Almaty, 050040, Republic of Kazakhstan

For citation: Rostovskaya T. K., Natsak O. D., Elamanova A. S. Structural features and social problems of single-parent families in Russia and the Republic of Kazakhstan: Comparative analysis. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2024, vol. 17, iss. 3, pp. 317–331. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2024.304> (In Russian)

The article examines the structural features and socio-economic problems of single-parent families in Russia and the Republic of Kazakhstan. The authors consider that single-parent families mean families with one parent and children which were formed as a result of disintegration due to divorce, the death of one of the spouses, as well as a result of the birth of children out of wedlock. Using the materials of the All-Russian (2010, 2020) and national population censuses in the Republic of Kazakhstan (2009, 2021), the authors analyzed the prevalence of single-parent families in the countries under consideration, numerical dynamics, and their characteristics such as structure, composition, size, number of children. It has been concluded that in both Russia and Kazakhstan the share of maternal and paternal single-parent families had increased between censuses, the share of single-parent families in Kazakhstan in general is lower than in Russia. In Kazakhstan single-parent families have more children than in Russia, however, opposite trends are observed in these two countries: in Russia there is a noticeable increase in the number of children in single-parent families, in Kazakhstan there is a decrease. On the base of data of the Russian sociological study “Demographic well-being of the regions of Russia” of the Institute of Demographic Problems of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences held in 2020–2021, including in-depth interviews with single parents, as well as a sociological study conducted in 2021 in the Republic of Kazakhstan by the Republican Scientific and Practical Center for Mental Health, the authors have carried out an analysis of social and economic problems of single-parent families. It was revealed that the functioning of single-parent families is accompanied by a number of risks. The authors believe that the demographic well-being and the quality of human capital of Russia and Kazakhstan, as well as any other states, depends on the quality of the family and marital structure of the population, in this regard, a more comprehensive approach to the problems of single-parent families is needed.

Keywords: single-parent families, family structure, family size, single mothers, paternal families, children in single-parent families, deprived groups, social problems.

References

1. *All-Russian Population Census 2010*, Federal State Statistics Service [website]. Available at: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (accessed: 07.02.2024). (In Russian)
2. *All-Russian Population Census 2020*, Federal State Statistics Service [website]. Available at: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (accessed: 07.02.2024). (In Russian)

3. *Results of the 2009 National Population Census*, Bureau of National Statistics of the Agency for Strategic Planning and Reforms [website]. Available at: <https://stat.gov.kz/ru/national/2009/general/> (accessed: 01.02.2024). (In Russian)
4. *Population Census 2021*, Bureau of National Statistics of the Agency for Strategic Planning and Reforms [website]. Available at: <https://stat.gov.kz/ru/national/2021/> (accessed: 01.02.2024). (In Russian)
5. *Selective monitoring of income of the population and participation in social programs 2022*, Federal State Statistics Service [website]. Available at: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/VNDN_2022/index.html (accessed: 28.01.2024). (In Russian)
6. *Results of the comprehensive monitoring of the living conditions of the population in 2022*, Federal State Statistics Service [website]. Available at: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH_2022/index.html (accessed: 28.01.2024). (In Russian)
7. Noskova, A. V. New methodological approaches, research focuses, debatable problems of family sociology. *Sociological Research*, 2015, no. 10, pp. 177–185. (In Russian)
8. Noskova, A. V., Kuzmina, E. I. Families through the prism of diversity (on the 9th Congress of the European Society of Family Relations). *Sociological research*, 2019, no. 3, pp. 153–155. <https://doi.org/10.31857/S013216250004289-0> (In Russian)
9. Solodnikov, V. V. Global demographic and institutional changes of the family. *Sociological research*, 2014, no. 7, pp. 152–154. (In Russian)
10. Gurko, T. A. New family forms: Distribution trends and concepts. *Sociological research*, 2017, no. 11, pp. 99–110. <https://doi.org/10.7868/S0132162517110113> (In Russian)
11. Yanak, A. L. Conceptualization of non-modal parenting. *Sociological research*, 2022, no. 4, pp. 56–67. <https://doi.org/10.31857/S013216250016486-7> (In Russian)
12. Baranova, G. V. Paradoxes and contradictions of family relations. *Bulletin of the Russian State University. Ser. Philosophy. Sociology. Art criticism*, 2022, no. 1, pp. 86–96. <https://doi.org/10.28995/2073-6401-2022-1-86-96> (In Russian)
13. Bezrukova, O. N. On the transformation of the role and meanings of fatherhood in modern Russia. *Sociological research*, 2021, no. 1, pp. 150–155. <https://doi.org/10.31857/S013216250010504-7> (In Russian)
14. Chizhova, E. A., Romanova, O. N. Interrelation of gender role identity and adaptation mechanisms in adolescents from single-parent families. *Vestnik of St. Petersburg University. Sociology. Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogy*, 2008, no. 3, pp. 172–177. (In Russian)
15. Golovey, L. A., Danilova, Yu. Yu. Family factors of trust formation and life satisfaction in adolescence. *Vestnik of St. Petersburg State University. Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogy*, 2015, no. 1, pp. 28–37. (In Russian)
16. Mayorova-Shcheglova, S. N., Mitrofanova, S. Yu. Early adulthood or infantilization: The paradox of the eventfulness of modern childhood. *Vestnik of St. Petersburg State University. Sociology*, 2020, no. 1, pp. 25–39. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2020.102> (In Russian)
17. Galimzyanova, M. V., Romanova, E. V. Emotional experiences associated with childhood events and partnerships. *Bulletin of St. Petersburg State University. Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogy*, 2011, no. 1, pp. 209–216. (In Russian)
18. Fallesen, P., Gähler, M. Post-divorce dual-household living arrangements and adolescent well-being. In: Mortelmans, D. (ed.). *Divorce in Europe. New Insights in Trends, Causes and Consequences of Relation Break-ups* (pp. 337–354). Cham, 2020. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-25838-2>
19. Jarvis, J. A., Gibby, A. L., Dufur, M. J., Pribesh, Sh. Family structure and child well-being in a non-Western context: The role of parent — child relations and parental conflict in South Korea. *Population Research and Policy Review*, 2020, no. 39, pp. 439–464. <https://doi.org/10.1007/s11113-020-09586-8>
20. Zhang, Ch. Are children from divorced single-parent families disadvantaged? New evidence from the China family panel studies. *Chinese Sociological Review*, 2019, vol. 15, no. 1, pp. 84–114. <https://doi.org/10.1080/21620555.2019.1654366>
21. Karzhaubaev, S. S., Tursynova, T. T. Problems of the development of the family institute in the Republic of Kazakhstan. *Bulletin of the Volga Region Academy of Public Administration*, 2015, no. 1 (46), pp. 48–52. (In Russian)
22. Klimova, T. V. Modern Kazakh family. *Bulletin of Novosibirsk State University. Ser. Socio-economic sciences*, 2006, vol. 6, iss. 2, pp. 109–118. (In Russian)
23. Rakhmetova, R. U., Zhakenova, K. A., Andekina, R. E., Irgebayeva, N. M. Sociological analysis of the current situation of the family institute in Kazakhstan. *Eurasian Union of Scientists*, 2019, no. 12 (69), pp. 30–32. <https://doi.org/10.31618/ESU.2413-9335.2019.6.69.506> (In Russian)
24. Kirillova, M. N., Seliverstova, O. F. Analysis of social support measures for large, poor and single-parent families with children. *Financial journal*, 2017, no. 7, pp. 98–109. (In Russian)

25. *Households of the Republic of Kazakhstan. Results of the national population census of 2021*. Astana, Bureau of National Population Statistics of the Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan Publ., 2023. (In Russian)

26. Kostyuchenko, E. Yu. Alimony obligation of parents in relation to minor children on the example of regulation in the legislations of individual CIS member countries: Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Moldova, Russia, Ukraine. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2013, no. 9, pp. 56–58. (In Russian)

Received: February 29, 2024

Accepted: July 4, 2024

Authors' information:

Tamara K. Rostovskaya — Dr. Sci. in Sociology, Professor; <https://orcid.org/0000-0002-1629-7780>, rostovskaya, tamara@mail.ru

Organa D. Natsak — PhD in Philosophy; <https://orcid.org/0000-0003-1833-4810>, nod695596@gmail.com

Ainur S. Yelamanova — Postgraduate Student; yelamanova.ainur@gmail.com

Молодые мигранты из Узбекистана в Московском регионе в перспективе расширения ЕАЭС

Е. Ю. Киреев¹, М. А. Рахимова², В. С. Новикова¹

¹ Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Российская Федерация, 119333, Москва, ул. Фотиевой, 6

² Ташкентский государственный юридический университет, Республика Узбекистан, 100047, Ташкент, ул. Сайилгох, 35

Для цитирования: Киреев Е. Ю., Рахимова М. А., Новикова В. С. Молодые мигранты из Узбекистана в Московском регионе в перспективе расширения ЕАЭС // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2024. Т. 17. Вып. 3. С. 332–347.

<https://doi.org/10.21638/spbu12.2024.305>

Одним из существенных достижений десятилетнего функционирования ЕАЭС стало снятие барьеров для трудовой мобильности в пространстве границ стран — членов Союза. Одной из стран, которая получила статус страны-наблюдателя в формате ЕАЭС, стал Узбекистан. Мигранты из Узбекистана занимают доминирующее положение на рынке труда России и Московского региона. Перспектива упрощения доступа к миграционным возможностям для осуществления трудовой деятельности в России для граждан этой страны по-новому актуализирует вопрос об изучении данной этнической группы, особенно в условиях несоразмерности имеющихся эмпирических данных и относительно небольшого числа публикаций в научных изданиях. В рамках данной статьи на основе проведенного социологического исследования авторы предпринимают попытку дать характеристику межпоколенческих различий внутри молодежной группы мигрантов из Узбекистана, которые осуществляют свою трудовую деятельность в Москве и Московской области. Кроме того, авторы оценивают интеграционные процессы в формате ЕАЭС с точки зрения узбекских мигрантов. Авторы отмечают сложность проведения социологических опросов данной группы по причине языкового барьера и ее закрытости. Результаты опроса указывают на наличие выраженных межпоколенческих различий внутри молодежной группы мигрантов из Узбекистана в контексте причин миграции, сферы приложения профессиональных усилий, ценности и идентичности, досуговых практик, оценки миграционной политики. Также авторы делают вывод об общем одобрении молодыми мигрантами из Узбекистана интеграции их страны в пространство ЕАЭС и о связанных с этим ожиданиях улучшения их жизни. Однако отмечается также, что для молодых мигрантов высока привлекательность альтернативных форматов интеграции в Еврозону.

Ключевые слова: мигранты, молодежь, трудовая миграция, межпоколенческие различия, ЕАЭС.

Введение

Договор о формировании Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС) был подписан в Астане в 2014 г.¹, таким образом 2024 г. подводит итог десятилетию функционирования этого интеграционного объединения. За это время состав участников евразийской интеграции расширился, на сегодняшний день ЕАЭС образуют пять стран-членов и три страны-наблюдателя. Одним из главных достижений функционирования Союза стало существенное упрощение мобильности и трудовой деятельности на его пространстве, возможностей для пересечения границ, трудоустройства и получения образования для граждан стран — участниц интеграции. При этом Россия выступала основной страной притяжения трудовых и образовательных мигрантов из этих стран. Авторский коллектив на протяжении последних пяти лет проводил социологические исследования молодежи, прибывающей в Россию из стран Центральной Азии, Армении и Беларуси.

Как уже было отмечено, одним из видимых преимуществ интеграции в формате ЕАЭС стало упрощение барьеров для трудовой мобильности в пространстве Союза, что является привлекательным аргументом для государств, желающих к нему присоединиться. Одной из таких стран является Узбекистан, который получил статус страны — наблюдателя ЕАЭС в 2020 г.

В Российской Федерации узбекские трудовые мигранты составляют одну из крупнейших диаспор. Согласно данным, предоставленным Министерством внутренних дел РФ, за период с начала января до конца сентября 2021 г. было зарегистрировано 3 374 758 случаев внесения узбекистанцев в миграционный учет. Это число превышает на 1 436 623 количество регистраций мигрантов из государств — участников ЕАЭС, которые имеют преимущества для перемещения в рамках этого регионального блока².

По оценкам Министерства занятости и трудовых отношений Узбекистана, 2 млн, или почти 20 %, из свыше чем 36 млн чел. населения Узбекистана являются постоянными рабочими мигрантами, причем 80 % работают в России³. Между Россией и Узбекистаном действует Соглашение об организованном наборе и привлечении граждан Республики Узбекистан для осуществления временной трудовой деятельности на территории Российской Федерации. Также 11 декабря 2020 г. на заседании Высшего Евразийского экономического совета было принято решение о статусе Узбекистана как страны — наблюдателя ЕАЭС. Несмотря на действующие соглашения, стоит отметить, что, по данным Агентства по внешней трудовой миграции Узбекистана, в первой половине 2022 г. поток мигрантов, отправляющихся на заработки в Россию, на фоне осложненной геополитической ситуации и санкций в отношении России со стороны мирового сообщества снизился в 5,6 раз. В то же время значительно выросли показатели трудоустройства в Республику Корея

¹ Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014; ред. от 24.03.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.04.2023) // СПС “КонсультантПлюс”. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 31.05.2024).

² Отдельные показатели миграционной ситуации в РФ за январь — сентябрь 2021 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации: [сайт]. URL: <https://мвд.рф/deyatelnost/statistics/migracionnaya/item/26510325/> (дата обращения: 31.05.2024).

³ Ташкент выступил за внедрение механизмов организованного набора трудовых мигрантов в СНГ // ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/13130225> (дата обращения: 31.05.2024).

(2687 человек). Также новыми направлениями для официальной трудовой миграции из Узбекистана стала Сербия — 410 человек, и Германия — 31 человек⁴.

Следует подчеркнуть, что, согласно постановлению Правительства РФ, принятому 10 ноября 2022 г. (№ 2035), началась реализация пилотного проекта. Этот проект направлен на привлечение узбекистанских граждан для временной работы в российских компаниях, действующих в области строительства, агропромышленного комплекса и текстильной промышленности⁵. В результате этого постановления были сняты ограничения на число узбекистанских трудовых мигрантов, привлекаемых через организованный набор для работы в указанных отраслях, а также отменено условие обязательной вакцинации.

Если раньше число мигрантов из Узбекистана в рамках проекта организованного набора не должно было превышать 11 тыс. чел. (1100 — в агропромышленном комплексе и 10 тысяч — в строительстве), то изменения, внесенные названным выше постановлением, снимают ограничения на число мигрантов, изменились медицинские требования к нанимаемым работникам из Узбекистана, российские работодатели теперь должны будут в течение пяти дней сообщить через единую цифровую платформу «Работа в России» о въезде и выезде мигрантов из страны, получении ими патента и заключении трудового договора.

Но при этом граждане Узбекистана чаще покидают Россию⁶. Например, для сравнения возьмем один и тот же период — с января по август — в 2021 г. в Россию въехало 35,7 тыс. человек, а выехало 19,9 тыс., то есть миграционный прирост составил почти 16 тыс. чел., а в 2022 г. за тот же самый период в Россию въехали 33,9 тыс. чел., а покинули ее 47,6 тыс. узбекистанцев, что дало отрицательное saldo в 13,6 тыс. чел.

Надо отметить, что за последние пять лет в Республике Узбекистан принимаются меры различного характера по улучшению этой сферы, например Постановлением Кенгаша Сената Олий Мажлиса Республики Узбекистан от 20 ноября 2023 г. № ПК-622-IV «О вопросах совершенствования механизмов регулирования процессов внешней трудовой миграции» была принята Дорожная карта, где предусмотрены и инвентаризация действующих законодательных актов в этой области, и изучение опыта работы частных агентств по трудовой миграции, зачастую связанных с незаконной миграцией, и анализ процесса получения виз в зарубежные страны, и создание в республике моноцентров «Ишга мархамат» с участием KOICA, JICA и др., и изучение зарубежного опыта, и многое другое, направленное на совершенствование многих процессов в этой сфере.

То есть в результате этой деятельности на работу за рубеж по адресному и набору при содействии Агентства по внешней трудовой миграции⁷ за 2023 г. уехали

⁴ Оргнабор мигрантов из Узбекистана в Россию уменьшился в 5,6 раза // Gazeta.uz. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2022/07/14/agency/> (дата обращения: 31.05.2024).

⁵ Постановление Правительства Российской Федерации от 10.11.2022 № 2035 «О внесении изменений в Постановление Правительства Российской Федерации от 6 октября 2021 г. № 1694» // Официальное опубликование правовых актов: [сайт]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211120003> (дата обращения: 31.05.2024).

⁶ Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 31.05.2024).

⁷ Агентство по внешней трудовой миграции: [сайт]. URL: www.mehnat.uz (дата обращения: 31.05.2024).

38,4 тыс. узбекистанцев. В первом случае сотрудники Агентства помогают с трудоустройством трудовых мигрантов как уже за границей, так и в республике, во втором — отбор осуществляют представители работодателей в Узбекистане.

Вопросы адаптации, интеграции, социальных установок и социального самочувствия мигрантов из Узбекистана, занимающих лидирующее место на российском рынке труда, требуют особенного внимания. Наше исследование сообществ мигрантов из Центральной Азии выявило, что эта группа испытывает наибольшие трудности с адаптацией в России. Мигранты из Центральной Азии сталкиваются с проблемами в области поиска жилья, занятости, переквалификации и карьеры, регистрации детей в детских учреждениях и доступа к образовательным и медицинским услугам, а также с низким уровнем доверия к социальным институтам и дискриминацией.

Более того, возрастные особенности молодежной группы трудовых мигрантов из Узбекистана также представляют определенный интерес в контексте межпоколенческих различий.

Обзор литературы

Относительно небольшой корпус исследований мигрантов из Узбекистана, который находит свое отражение в научной литературе, не в полной мере соответствует представленности мигрантов из Узбекистана на рынке труда России в целом и столичного региона в частности. Нельзя с полной уверенностью утверждать, что вопросы адаптации, интеграции, социальных установок и социального самочувствия данной группы широко изучены в научной литературе, особенно в межпоколенческом измерении, внутри молодежной группы узбекских мигрантов. Тем не менее стоит отметить ряд работ, содержащих результаты отдельных социологических исследований узбекских мигрантов в России. Так, например, А. С. Ващук и Г. Г. Ермак рассматривают миграцию из Узбекистана в Приморье [1]; А. В. Винокурова также на примере Приморья анализирует жизненные стратегии и повседневные практики семей узбекских трудовых мигрантов [2]; В. М. Пешкова на примере мигрантов из Узбекистана и Кыргызстана описывает инфраструктуру трудовых мигрантов в Москве [3]; А. Л. Рочева фокусируется на проблемах проживания мигрантов из Узбекистана в принимающем обществе [4]; И. В. Довгалёва уделяет внимание социальным проблемам и практикам адаптации трудовых мигрантов из Узбекистана [5]; В. И. Мукомель обращается к особенностям занятости высококвалифицированных трудовых мигрантов из Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана на российском рынке труда [6]; А. А. Авдашкин рассматривает сообщество узбекских мигрантов на Южном Урале [7]; А. Резаев, А. Степанов, П. Лисицын анализируют особенности повседневной жизни женщин-мигранток из Таджикистана и Узбекистана в Санкт-Петербурге на основе изучения степени их интеграции в принимающее сообщество [8]; Е. М. Арутюнова, И. М. Кузнецов также рассматривают взаимоотношения мигрантов из Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана и принимающего сообщества на примере Республики Саха (Якутии) [9].

Заслуживает отдельного внимания и ряд публикаций, выполненных в рамках качественной стратегии социологических исследований. Так, С. Н. Абашин на основе проведенных интервью анализирует некоторые аспекты возвратной мигра-

ции в Узбекистан [10]; Р. Уринбоев уделяет внимание цифровому измерению жизни узбекских мигрантов в России и формируемым ими посредством цифровых информационно-коммуникационных технологий транснациональным связям [11]; О. Е. Бредникова на основе проведенных качественных исследований трудовых траекторий мигрантов из Средней Азии, в том числе из Узбекистана, выделяет «мобильного субъекта», способного интегрироваться в одни сферы жизни и игнорировать другие [12].

Результаты этнографических исследований трудовых мигрантов в России и их семей в Узбекистане, содержащих важные выводы, в том числе о миграции как норме для молодых мужчин в Узбекистане, представлены и в ряде работ на английском языке, например [13].

Эти и другие публикации не только позволяют получить некоторое представление о миграции из Узбекистана в Россию, но и создают задел для последующих сравнительных исследований и публикаций, позволяющих сопоставить выводы, полученные разными авторами.

При разделении поколений внутри молодежных групп мы использовали методологию исследования Pew Research Center [14], согласно которой современная молодежь состоит из двух поколений — миллениалов, рожденных с 1981 по 1996 г. (поколение Y), и постмиллениалов, рожденных с 1997 по 2012 г. (поколение Z).

Важно отметить, что методология выделения молодежных групп, основанная на работах Н. Штрауса (N. Strauss) и У. Хая (W. Howe) [15], имеет относительную применимость в рамках социологических исследований и не претендует на всеобщее распространение, но она способствует формированию значимых выводов. Поколенческие характеристики находят отражение в материалах СМИ⁸ и публикациях за рубежом [16]. В России к поколенческому анализу молодежи прибегал, например, В. Радаев [17]. Помимо этого, в процессе изучения армянской молодежи были выявлены определенные межпоколенческие различия среди представителей армянской общины [18].

Методика

Опрос граждан Узбекистана проведен в декабре 2021 — январе 2022 г. в Москве и Московской области с использованием метода анкетного опроса. Опрос проводился непосредственно с помощью анкетеров в местах доступности респондентов — по месту осуществления ими трудовой деятельности либо прохождения обучения. В дополнение у респондентов также была возможность самостоятельного опосредованного заполнения анкеты онлайн по предложенной анкетером ссылке. Для увеличения охвата целевой группы ссылка на самостоятельное опосредованное прохождение опроса также размещалась в мигрантских, молодежных и студенческих сообществах в социальных сетях, а также чатах в мессенджерах. Выборка носила вероятностный характер, использовался метод целевого отбора, учитывались такие критерии, как наличие узбекского гражданства, прибытие в Россию после 2015 г., а также проживание в Москве или Московской области. Таким образом, исследованием были охвачены 222 респондента в диапазоне возрастов от 18 до

⁸ Martz Paulina. The Nostalgia Generation // The Observer. URL: <https://observer.case.edu/martz-the-nostalgia-generation/> (дата обращения: 31.05.2024).

40 лет [19]. Все ответы респондентов заносились в Google Forms либо с помощью анкетеров, либо самостоятельно респондентами, что способствовало формированию базы данных в реальном времени. Полученные данные впоследствии были обработаны с использованием программы IBM SPSS Statistics.

В данном контексте понятие «молодежь» применяется в более широком смысле — до 40 лет, хотя конкретные возрастные границы могут варьировать в зависимости от страны, организации и целей исследования.

Нижняя возрастная граница обычно устанавливается на уровне 14–16 лет, верхняя — между 24 и 35 годами⁹. Но возможны отклонения. К примеру, ООН прямо признает, что «универсального понятия нет» и предлагает считать молодежью людей в возрасте от 15 до 24 лет, отмечая, что иные возрастные рамки могут использоваться рядом ее собственных подразделений, а также в государствах — членах организации. В социологии молодежи существует несколько подходов к определению возрастных рамок объекта исследования. Помимо стратификационного подхода, представляющего молодежь хронологически ограниченной возрастом социально-демографической группой и используемого государством в нормативных документах, выделяются также интеграционный, субкультурный и социально-психологический подходы, которые не предполагают четких возрастных границ этого понятия. Молодежь как социальный конструкт в современных обществах предполагает подвижность ее возрастных границ с учетом социальных условий и характеристик социальной реальности. Но люди какого возраста считаются молодежью в Узбекистане? Законодательство Республики Узбекистан определяет молодёжь как лиц в возрастной категории от 14 до 30 лет.¹⁰ Каждый год примерно 650 тыс. выпускников покидают учебные заведения страны, включая общее и специализированное среднее образование, из которых 160–165 тыс. продолжают обучение на бакалавриате в высших учебных заведениях. С учетом того, что экономика страны ежегодно генерирует свыше 300 тыс. новых рабочих мест, приблизительно 200 тыс. молодых специалистов начинают самостоятельный поиск работы, в том числе за пределами страны.

На начало апреля 2022 г.¹¹ общее число узбекистанских трудовых мигрантов за рубежом достигло приблизительно 2,4 млн чел., среди которых мужчины составляют 76 %, а женщины — 24%. Преимущественно из Узбекистана уезжают рабочие с низкой квалификацией и те, кто имеет среднее специальное образование.

Современные тенденции трудовой миграции из Узбекистана частично контролируются государственными органами, в то время как другие направления остаются менее организованными. По данным Международной организации по миграции, большая часть узбекистанских мигрантов прибывает в Россию, их число

⁹ Это определение, которое появилось в контексте подготовки к Международному году молодежи (1985 г.) (см. A/36/215), было одобрено Генеральной Ассамблеей в ее резолюции 36/28 (1981 г.). United Nations. Official Document System. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n81/165/85/pdf/n8116585.pdf?token=D81AG9qxtApKMm44A6&fe=true> (дата обращения: 31.05.2024).

¹⁰ Статья 3 Закона Республики Узбекистан от 15.09.2016 № ЗРУ-406 «О государственной молодежной политике» // Lex.uz. URL: <https://lex.uz/docs/3026250> (дата обращения: 31.05.2024).

¹¹ Миграционные процессы, проблемы и возможности регулирования трудовой миграции. Информация Центра «Стратегия развития» от 09.10.2023 // Центр «Стратегия развития»: [сайт]. URL: <https://strategy.uz/index.php?news=1813&lang=ru> (дата обращения: 31.05.2024).

оценивается в 2 млн чел.¹² Однако в последние годы отмечается снижение миграционного потока в Россию, что связано с экономическими факторами, такими как введение экономических санкций со стороны западных стран и США, требование получения патента для работы от ФМС России, а также усложнение процедур регистрации.

В рамках нашего исследования для определения молодежных групп мы использовали методологию, основанную на теории поколений Н. Штрауса и У. Хау.

Трудности в проведении опроса были сопряжены с общим недоверием респондентов и нежеланием отвечать на вопросы, неполными ответами при прохождении онлайн-анкеты, помехами в коммуникации между анкетером и респондентам по причине языкового барьера.

Основные результаты

В анализе демографических данных молодежи-мигрантов из Узбекистана можно выделить, что большинство имеют профессионально-техническое (34,2 %) и полное среднее (27,9 %) образование. Высшее образование на уровне бакалавра имеется у 19,4 % опрошенных. Специалитет или степень магистра получили 8,6 %. Более того, почти половина (49,1 %) прибыла в Россию без посредников, в то время как только 2,3 % были привезены через организованный набор. Знание русского языка среди мигрантов в основном оценивается как достаточное (51,4 %) и удовлетворительное (25,7 %).

Причины миграции / сфера приложения профессиональных усилий. Возрастные различия внутри молодежной группы начинают прослеживаться уже на уровне выявления причин, побудивших к миграции (рис. 1).

Для молодых мигрантов отсутствие возможностей для работы (23,7 %) и перспектив на родине (22,6 %) является ключевым стимулом для переезда в Россию.

Рис. 1. Распределение ответов на задание: «Назовите основные причины приезда в Россию» (в % от опрошенных по возрастам)

¹² Миграционные процессы, проблемы и возможности регулирования трудовой миграции. Информация Центра «Стратегия развития» от 09.10.2023 // Центр «Стратегия развития»: [сайт]. URL: <https://strategy.uz/index.php?news=1813&lang=ru> (дата обращения: 31.05.2024).

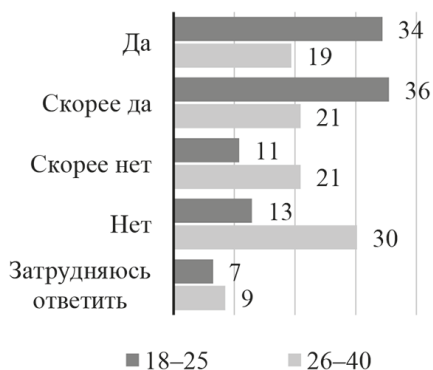

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Рассматриваете ли Вы для себя возможность вступления в межнациональный брак?» (в % от опрошенных по возрастам)

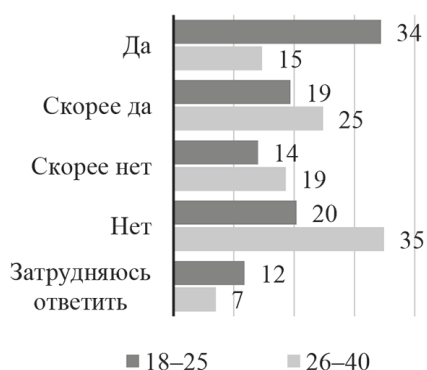

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «Можете ли Вы представить ситуацию, что назовете своего ребенка русским именем?» (в % от опрошенных по возрастам)

В то же время для людей в возрасте от 18 до 25 лет критичной является проблема доступа к качественному образованию в Узбекистане (14 %). Среди более взрослой категории мигрантов основными мотивами для переезда становятся низкий уровень доходов (45,7 %) и отсутствие рабочих мест на родине (30,2 %). Таким образом, младшее поколение стремится найти решение проблемы отсутствия перспектив, в то время как старшее — решить экономические трудности, такие как низкие зарплаты и безработица, уже на территории России. В возрастной категории от 18 до 25 лет больший процент постмиллениалов занят в секторе услуг и торговли, составляя 38,7 и 21,5 % соответственно, в то время как в возрастной группе от 26 до 40 лет эти показатели ниже — 27,9 и 17,8 %. В то же время среди миллениалов более старшая возрастная группа чаще работает в строительстве и на транспорте, с долями в 20,2 и 13,2 % против 8,6 и 6,5 % у молодежи соответственно.

Ценности и идентичность. Обычно различия между поколениями становятся заметными через призму ценностей и общественных предпочтений. В частности, отношение к межкультурным бракам и выбору традиционных имен для детей отражает эти различия в контексте социальной интеграции (рис. 2, 3).

Вероятно, в московском регионе мигранты из Узбекистана нового поколения, следующего за миллениалами, более склонны к мультикультурализму и менее придерживаются консервативных взглядов на поддержание национальной идентичности по сравнению со своими предшественниками. Большинство опрошенных молодых людей в возрасте от 18 до 25 лет (69,9 %, ответы «да» и «скорее да») открыты к идее межнационального брака, в то время как среди участников от 26 до 40 лет таких всего 40,3 %. Более того, более половины молодежи (53,8 %, ответы «да» и «скорее да») готовы дать своему ребенку русское имя, в сравнении с 39,5 % среди более взрослых респондентов. Постмиллениалы также чаще считают себя гражданами мира (18,3 %), в отличие от 10,1 % среди возрастной группы 26–40 лет, и менее склонны ассоциировать себя с национальной принадлежностью (20,4 против 27,1 % соответственно) (рис. 4).

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос: «Кем Вы себя ощущаете в первую очередь?» (в % от опрошенных по возрастам)

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос: «Что из нижеперечисленного важно для Вас лично?» (в % от опрошенных по возрастам)

Исходя из всего сказанного, представляется вероятным, что такие взгляды будут характерны для нового поколения узбекских мигрантов, которые, переезжая в другие страны и вступая в контакт с новым обществом, проявят повышенную открытость и мультикультурные тенденции.

В контексте ценностей миллениалы чаще стремятся к построению стабильной семьи и воспитанию детей (31 %), к уверенности в будущем (17,1 %), а также к получению признания от окружающих (8,5 %). В то же время более молодое поколение узбекских мигрантов предпочитает фокусироваться на накоплении богатства (25,8 %), поиске увлекательной работы (17,2 %) и ведении жизни в соответствии с принципами честности и справедливости (9,7 %) (рис. 5).

Досуг и погруженность в информационный контекст. Еще одним пространством межпоколенческих различий в сообществе молодых мигрантов из Узбеки-

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос: «Чем Вы занимаетесь в свободное от основной работы время?» (в % от опрошенных по возрастам)

стана в московской агломерации является пространство досуговых практик. Среди основных занятий узбекских мигрантов в возрастной категории от 18 до 25 лет наиболее популярными являются использование интернета (76,3 %), прогулки на свежем воздухе (52,7 %), посещение кинотеатров (47,3 %), временная работа для дополнительного заработка (41,9 %), самостоятельное обучение (37,6 %), игра в компьютерные игры (28 %) и хождение на театральные спектакли и концерты (18,3 %). Миллениалы, в отличие от постмиллениалов, больше склонны к использованию традиционных видов медиа, таких как телевидение (40,3 %), радио (14,7 %) и газет (11,6 %). Однако, несмотря на некоторые выраженные различия, в целом структура досуга у обоих поколений остается схожей (рис. 6).

Молодые узбекские трудовые мигранты в Москве менее склонны к посещению популярных среди соотечественников мест встреч; так, 41,3 % лиц в возрасте 18–25 лет не посещают их, в отличие от 24,2 % в возрастной группе 26–40 лет. Кроме того, молодежь 18–25 лет значительно реже смотрит телевидение, как узбекское, так и российское, при этом 57 и 33,3 % соответственно из этой возрастной группы не смотрят его, в сравнении с 38,8 и 15,5 % в группе 26–40 лет.

Оценка миграционной политики. Миллениалы чаще выражают желание вернуться на родину и подчеркивают важность создания благоприятных условий для этого со стороны узбекского правительства (45 %). В отличие от них, постмиллениалы в большей мере склонны придавать значение помощи трудовым мигрантам, проживающим в России (50,5 % считают это приоритетом). В целом можно предположить, что более молодые мигранты в большей степени мобильны и удовлетворены своим пребыванием в России, что находит выражение в более позитивных

Рис. 7. Распределение ответов на вопрос: «Какие настроения и чувства вызывает у Вас миграционная политика России и Москвы?» (в % от опрошенных по возрастам)

оценках миграционной политики России и Москвы по отношению к трудовым мигрантам из Узбекистана (рис. 7).

Можно сказать, что младшее поколение мигрантов чаще всего чувствует себя комфортно, проживая в России, что отражается в их положительном восприятии миграционных усилий России и ее столицы в отношении рабочих мигрантов из Узбекистана.

Обсуждение

Рассуждая о перспективах расширения ЕАЭС, уместным будет обратить внимание на ряд моментов, сопряженных с молодыми мигрантами из Узбекистана и их оценками интеграции. В целом молодые мигранты из Узбекистана одобряют создание ЕАЭС (75,2%) на пространстве бывшего СССР. При этом 18,5% затруднились с ответом, что может быть объяснено недостаточной информированностью об интеграционных процессах.

При этом респонденты рассматривают получение Узбекистаном статуса страны-наблюдателя в рамках ЕАЭС скорее как позитивное (43,7%). Что подобный формат интеграции отвечает интересам народа и страны, считают 27,9% узбекских мигрантов, декларируя таким образом однозначное одобрение интеграции. В то же время 16,2% затруднились с ответом, что указывает на существующую долю неинформированных либо индифферентных к этим процессам.

Более половины респондентов ожидают позитивных изменений в своей жизни от вступления Узбекистана в ЕАЭС (63,5%). Опять же, достаточно высока доля респондентов (23%), которые затруднились с ответом на данный вопрос.

Известно, что на пространстве Евразии одновременно разворачивается несколько интеграционных проектов и процесс интеграции в формате ЕАЭС может представляться неочевидным или менее привлекательным в сравнении с другими

опциями. Мы можем отметить, что ЕАЭС кажется перспективным и интеграционным направлением для 30,6 % мигрантов из Узбекистана, в то же время 16,7 % находят привлекательной интеграцию в формате Организации тюркских государств. Здесь важно оговориться, что это мнение мигрантов, выбравших Россию в качестве места приложения своих трудовых и профессиональных усилий, поэтому привлекательность ЕАЭС может оцениваться по умолчанию выше в силу сделанного выбора. Тем не менее оба интеграционных объединения одновременно кажутся перспективными 29,7 % наших респондентов при 16,7 % затруднившихся с ответом.

Миграционный опыт может стать частью образа жизни, что позволяет рассматривать миграцию как его неотъемлемую часть. Так, например, 47,3 % наших респондентов считают первостепенным оказание психологической, социальной и экономической поддержки мигрантам со стороны руководства Узбекистана. На необходимость создания благоприятных условий для возвращения мигрантов на родину указали 41,9 % наших респондентов. При этом, оценивая миграционную политику России, молодые мигранты давали ей удовлетворительные (34,2 %) либо индифферентные оценки (35,6 %).

Таким образом, во взаимодействии и координации между соответствующими субъектами миграционной политики России и Узбекистана в части создания благоприятных условий для мигрантов может быть обнаружен дополнительный потенциал повышения привлекательности интеграционного объединения в формате ЕАЭС.

Выводы

Наше исследование, проведенное в 2021–2022 гг., не просто описывает общее положение молодых мигрантов из Узбекистана в Москве и Московской области, а старается сконцентрироваться на поколенческих различиях в рамках одной молодежной группы в контексте ее жизни в этих регионах, а именно в разрезе поколений миллениалов и постмиллениалов. Известно, что различия между этими поколениями лежат в плоскости социально-политических и технологических факторов, хотя и отмечается их общее сходство, и что различия между ними не так очевидны, особенно в ценностных измерениях.

Наше исследование позволяет утверждать, что в группе молодых мигрантов из Узбекистана есть поколенческие различия, которые заметны не только в их отношении к жизни в московском регионе, но и в их оценке своего положения там. Поколение 18–25 лет чувствует себя лучше (у них больше возможностей для учебы, развлечений, занятий спортом, создания семьи, они реже испытывают страх). Постмиллениалы также легче справились с последствиями пандемии COVID-19, потому что для них главный вопрос — образование, а не доходы и поездки на родину (как для миллениалов).

Здесь будет уместным отметить, что, например, наше исследование армянской молодежи не обнаружило ярких межпоколенческих различий внутри молодых представителей армянской диаспоры в России [20]. Можно утверждать, что внутригрупповые различия среди молодых узбеков, проживающих в Московском регионе, обусловлены скоростью изменения социальных взглядов и ценностей среди молодежи, которая активно использует новейшие технологии. В отличие от них,

возрастная категория 26–40 лет до сих пор сохраняет некоторые традиционные взгляды, сформированные до эры распространения мобильного интернета и информационных технологий. Кроме того, для мигрантов в возрасте 26–40 лет, имеющих семьи за рубежом, обязательства по их содержанию играют значительную роль в определении миграционных целей и смысла пребывания в России. В то же время молодые люди в возрасте 18–25 лет стремятся получить образование и работу в России, и у них меньше желания возвращаться на родину.

В московской агломерации сообщество молодых трудовых мигрантов из стран — участниц евразийской интеграции неоднородно и имеет заметные различия в зависимости от поколения — миллениалов и постмиллениалов. Миллениалы имеют более традиционные и консервативные установки, а поколение 18–25 лет — более мобильная группа мигрантов, которая видит в миграции в Москву и Московскую область шанс получить новые возможности и образование, готовая вливаться в принимающее общество, отличающаяся мультикультурностью и более сильной связью с интернет-технологиями, что является одним из позитивных итогов интеграции в формате ЕАЭС. Миллениалы, наоборот, более консервативны, нацелены на возвращение на родину и видят в миграции прежде всего необходимость возможность заработка и поддержки семьи.

Литература

1. Ващук А. С., Ермак Г. Г. Трудовые мигранты из Узбекистана в Приморье: власть — мигранты — принимающее сообщество (начало XXI в.) // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2020. № 27. С. 194–210.
2. Винокурова А. В. Жизненные стратегии и повседневные практики семей узбекских трудовых мигрантов (на примере Приморского края) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2017. № 4 (43). С. 95–104.
3. Пешикова В. М. Инфраструктура трудовых мигрантов в городах современной России (на примере мигрантов из Узбекистана и Киргизии в Москве) // Мир России. Социология. Этнология. 2015. № 2. С. 129–151.
4. Рочева А. Л. Исследование позиций «Карьеры квартиросъемщика» и моделей проживания в Москве мигрантов из Киргизии и Узбекистана // Социологический журнал. 2015. № 2. С. 31–50.
5. Довгалёва И. В. Социальная адаптация трудовых мигрантов из Узбекистана: результаты включенного наблюдения // Инновационная наука. 2015. № 10–2. С. 250–253.
6. Мукомель В. И. Высококвалифицированные мигранты из государств Средней Азии на российском рынке труда // Социологическая наука и социальная практика. 2021. № 4 (36). С. 186–204.
7. Авдашкин А. А. Узбекские мигранты на Южном Урале: между локальным сообществом и транснациональными практиками (2002–2019 гг.) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2021. № 3. С. 6–12.
8. Резаев А., Степанов А., Лисицын П. Транснациональные мигранты в пространстве современного города // Социологическое обозрение. 2020. № 2. С. 254–275.
9. Арутюнова Е. М., Кузнецов И. М. Мигранты и принимающее сообщество: сходства и различия интеграционного потенциала (на примере Республики Саха (Якутия)) // Вестник Института социологии. 2021. № 2. С. 83–100.
10. Абашиин С. Н. Возвращение домой: семейные и миграционные стратегии в Узбекистане // Ab Imperio. 2015. № 3. С. 125–165.
11. Уринбоев Р. Создание «узбекского махалля» посредством смартфонов и социальных медиа: повседневная транснациональная жизнь узбекских мигрантов в России // Жить в двух мирах: переосмысляя транснационализм и транслокальность / под ред. С. Н. Абашина, О. Е. Бредниковой. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 442–481.
12. Бредникова О. Е. Мобильная занятость мобильного субъекта // Журнал исследований социальной политики. 2020. Т. 18, № 4. С. 705–720.

13. Eraliev S., Urinboyev R. "What have you done, brother Putin?": Everyday geopolitics and Central Asian labour migration to Russia // *Central Asian Survey*. 2023. No. 43 (34). P. 1–20. <https://doi.org/10.1080/002634937.2023.2266519>
14. Dimock M. Defining generations: Where Millennials end and Generation Z begins // Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2019/01/17/where-millennials-end-and-generation-z-begins/> (дата обращения: 31.05.2024).
15. Strauss N., Howe W. *Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069*. New York: William Morrow & Co, 1991.
16. Petersen A.H. *Can't Even: How Millennials Became the Burnout Generation*. Boston: Mariner Books, 2020.
17. Радаев В. Миллениалы. Как меняется российское общество. М.: Издательский дом ВШЭ, 2019.
18. Киреев Е. Ю. Армянская молодежь в России в период пандемии COVID-19 и политической нестабильности в Армении // *Социальная политика и социология*. 2021. Т. 20, № 3 (140). С. 87–98. <https://doi.org/10.17922/2071-3665-2021-20-3-87-98>
19. Киреев Е. Ю. Молодые мигранты из Узбекистана в московском регионе: поколенческие различия // IV Всероссийский демографический форум с международным участием: сб. тез. форума, Москва, 2–3 декабря 2022 года / отв. ред. Т. К. Ростовская. М.: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, 2022. С. 71–72.
20. Интеграция vs репатриация: социально-экономический потенциал армянской диаспоры России / под ред. Г. А. Погосяна. Ереван: Гитутюн, 2022.

Статья поступила в редакцию 28 февраля 2024 г.;
рекомендована к печати 4 июля 2024 г.

Контактная информация:

Киреев Егор Юрьевич — канд. социол. наук, вед. науч. сотр.; <https://orcid.org/0000-0002-5441-0430>, yegorkireev@gmail.com

Рахимова Муаттара Абдусаттаровна — д-р юрид. наук, проф.;
<https://orcid.org/0000-0003-1542-1425>, muattara161@mail.ru

Новикова Виктория Сергеевна — мл. науч. сотр.; <https://orcid.org/0009-0003-2845-0070>,
v1ctorr1a@mail.ru

Young immigrants from Uzbekistan in the Moscow region in the EAEU expansion perspective

E. Yu. Kireev¹, M. A. Rakhimova², V. S. Novikova¹

¹ Institute for Demographic Research — Branch of the Federal Center
of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,
6, ul. Fotieva, Moscow, 119333, Russian Federation

² Tashkent State Law University,
35, ul. Sayilgoh, Tashkent, 100047, Republic of Uzbekistan

For citation: Kireev E. Yu., Rakhimova M. A., Novikova V. S. Young immigrants from Uzbekistan in the Moscow region in the EAEU expansion perspective. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2024, vol. 17, iss. 3, pp. 332–347. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2024.305> (In Russian)

One of the significant achievements of the ten-year functioning of the EAEU was the removal of barriers to labor mobility within the borders of the Union member countries. One of the countries that received the status of an observer country in the EAEU format was Uzbekistan. Migrants from Uzbekistan occupy a dominant position in the labor market of Russia and the Moscow region. The prospect of simplifying migration opportunities for working in Russia for citizens of this country raises the issue of studying this ethnic group in a new way, especially

in the context of the disproportion of available empirical data and the relatively small number of publications in scientific journals. In this article, based on a sociological study, the authors attempt to characterize intergenerational differences within the youth group of migrants from Uzbekistan who work in Moscow and the Moscow region. In addition, the authors assess the characteristics of integration processes in the EAEU format on the part of Uzbek migrants. The authors note the difficulty of conducting sociological surveys of this group due to the language barrier and the group's closeness to outsiders. The survey results indicate the presence of pronounced intergenerational differences within the youth group of migrants from Uzbekistan in the context of the reasons for migration, the scope of professional efforts, values and identity, leisure practices, and assessment of migration policy. The authors also conclude that young migrants from Uzbekistan generally approve of the integration of their country into the EAEU space, and the associated expectations for improving their lives. However, it is also noted that alternative formats of integration in Eurasia are highly attractive for young migrants.

Keywords: immigrants, youth, labor migration, intergenerational differences, EAEU.

References

1. Vashchuk, A. S., Ermak, G. G. Labor migrants from Uzbekistan to Primorye: Authority — migrants — host community (early 21st century). *Proceedings of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Far-Eastern branch of the Russian Academy of Sciences*, 2020, no. 27, pp. 194–210. (In Russian)
2. Vinokurova, A. V. Life strategies and everyday practices of families of Uzbek labor migrants (on the example of Primorsky Krai). *Oikumena. Regional studies*, 2017, no. 4 (43), pp. 95–104. (In Russian)
3. Peshkova, V. M. Infrastructure of labor migrants in the cities of modern Russia (on the example of migrants from Uzbekistan and Kyrgyzstan in Moscow). *World of Russia. Sociology. Ethnology*, 2015, no. 2, pp. 129–151. (In Russian)
4. Rocheva, A. L. Study of the positions of “Tenant Career” and models of living in Moscow for migrants from Kyrgyzstan and Uzbekistan. *Sociological Journal*, 2015, no. 2, pp. 31–50. (In Russian)
5. Dovgaleva, I. V. Social adaptation of labor migrants from Uzbekistan: Results of participant observation. *Innovative science*, 2015, no. 10-2, pp. 250–253. (In Russian)
6. Mukomel, V. I. Highly qualified migrants from Central Asian states on the Russian labor market. *Sociologicheskaja Nauka i Social'naja Praktika*, 2021, no. 4 (36), pp. 186–204. (In Russian)
7. Avdashkin, A. A. Uzbek migrants in the South Ural: Between the local community and transnational practices (2002–2019). *Bulletin of the South Ural State University. Ser.: Social Sciences and Humanities*, 2021, no. 3, pp. 6–12. (In Russian)
8. Rezaev, A., Stepanov, A., Lisitsyn, P. Transnational migrants in the space of a modern city. *Sociological Review*, 2020, no. 2, pp. 254–275. (In Russian)
9. Arutyunova, E. M., Kuznetsov, I. M. Migrants and the host community: Similarities and differences in integration potential (based on the example of the Republic of Sakha (Yakutia)). *Bulletin of the Institute of Sociology*, 2021, no. 2, pp. 83–100. (In Russian)
10. Abashin, S. N. Returning home: Family and migration strategies in Uzbekistan. *Ab Imperio*, 2015, no. 3, pp. 125–165. (In Russian)
11. Urinboev, R. Creating an “Uzbek mahalla” through smartphones and social media: Everyday transnational life of Uzbek migrants in Russia. *Living in two worlds: Rethinking transnationalism and translocality* (pp. 442–481). Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2021. (In Russian)
12. Brednikova, O. E. Mobile employment. *Journal of Social Policy Research*, 2020, vol. 18, no. 4, pp. 705–720. (In Russian)
13. Eraliev, S., Urinboyev, R. “What have you done, brother Putin?": Everyday geopolitics and Central Asian labour migration to Russia. *Central Asian Survey*, 2023, no. 43 (34), pp. 1–20. <https://doi.org/10.1080/02634937.2023.2266519>
14. Dimock, M. Defining generations: Where Millennials end and Generation Z begins. Pew Research Center. Available at: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2019/01/17/where-millennials-end-and-generation-z-begins/> (accessed: 31.05.2024).

15. Strauss, N., Howe, W. *Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069*. New York, William Morrow & Co, 1991.
16. Petersen, A.H. *Can't Even: How Millennials Became the Burnout Generation*. Boston, Mariner Books, 2020.
17. Radaev, V. *Millennials. How Russian society is changing*. Moscow, HSE Press, 2019. (In Russian)
18. Kireev, E.Yu. Armenian youth in Russia during the COVID-19 pandemic and political instability in Armenia. *Sotsial'naiia politika i sotsiologiia*, 2021, vol. 20, no. 3 (140), pp. 87–98. <https://doi.org/10.17922/2071-3665-2021-20-3-87-98> (In Russian)
19. Kireev, E.Yu. Young migrants from Uzbekistan in the Moscow region: Generational differences. In: *4th All-Russian Demographic Forum with international participation: Collection of abstracts of the forum, Moscow, December 2–3, 2022* (pp. 71–72). Moscow, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences Press, 2022. (In Russian)
20. *Integration vs repatriation: Socio-economic potential of the Armenian diaspora in Russia*, G. A. Pogosyan (ed.). Yerevan, Gitutyun Publ., 2022. (In Russian)

Received: February 28, 2024

Accepted: July 4, 2024

Authors' information:

Egor Yu. Kireev — PhD in Sociology, Leading Researcher;

<https://orcid.org/0000-0002-5441-0430>, yegorkireev@gmail.com

Muattara A. Rakhimova — Dr. Sci. in Law, Professor; <https://orcid.org/0000-0003-1542-1425>,
muattara161@mail.ru

Viktoriia S. Novikova — Junior Researcher; <https://orcid.org/0009-0003-2845-0070>, v1ctorr1a@mail.ru

Система показателей демографической безопасности Евразийского экономического союза: социологический подход

О. А. Волкова¹, М. Л. Вартанова¹, Е. М. Бобкова², М. В. Рославцева¹

¹ Институт демографических исследований

Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,
Российская Федерация, 119333, Москва, ул. Фотиевой, 6

² Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко,

Молдова, Приднестровская Молдавская Республика, 3300, Тирасполь, ул. 25 октября, 128

Для цитирования: Волкова О. А., Вартанова М. Л., Бобкова Е. М., Рославцева М. В. Система показателей демографической безопасности Евразийского экономического союза: социологический подход // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2024. Т. 17. Вып. 3. С. 348–365. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2024.306>

В статье ставится проблема противоречия между необходимостью определить стратегические пути обеспечения демографической безопасности Евразийского экономического союза и неразработанностью соответствующей системы показателей, которая дает достоверную статистическую и эмпирическую информацию для разработки комплекса мероприятий на уровне наднационального интеграционного образования. Актуальность применения социологического подхода к разработке системы показателей демографической безопасности ЕАЭС состоит в необходимости развития интеграции стран-участниц в условиях углубления глобальных рисков. В исследовании проведен анализ статистических данных ЕАЭС за 2014–2023 гг. по разделу демографических характеристик населения; приведены данные социологического опроса в исследовании «Этнокультурные факторы социально-демографического благополучия России и интеграционных процессов на постсоветском пространстве», 2023–2024 гг. Опрошены граждане России (204 чел.), Казахстана (201 чел.), Кыргызстана (175 чел.), Таджикистана (199 чел.) и Узбекистана (191 чел.), которые временно или постоянно проживают в Москве и Московской области. В результате работы предложена система индикативных показателей демографической безопасности ЕАЭС, состоящей из шести блоков (численность и структура населения, воспроизводство населения, миграция, общественное здоровье, уровень жизни, социальное самочувствие граждан). Каждый из блоков предполагает изучение, во-первых, в статике (на конкретный временной период), во-вторых, в динамике (изменения в течение десяти лет — за период существования ЕАЭС). В ходе работы обосновано, что показатели, традиционно используемые в демографических оценках стран и регионов (численность, структура, естественное воспроизводство, миграция), целесообразно обогатить показателями, которые позволят оптимизировать разработку мер по обеспечению демографической безопасности ЕАЭС (здоровье, уровень жизни, социальное самочувствие).

Ключевые слова: демографическая безопасность, Евразийский экономический союз (ЕАЭС), население, показатели демографической безопасности, социально-экономическое развитие.

Введение

В условиях масштабных социально-политических трансформаций видится недостаточным применение только экономических подходов и методов, которые направлены на измерение финансовых результатов, рисков и возможностей разных стран. Развитие стран Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС) зависит не только от экономической стабильности и роста, которые измеряются при помощи соответствующих параметров, но и от демографической безопасности как отдельных стран, так и международного объединения в целом. Исследователи отмечают, что современные инициативы западных стран и их объединений в отношении ЕАЭС направлены на достижение разобщенности и профилактику дальнейшей интеграции стран в Евразии [1, с. 13]. В сложившихся условиях сохранение населения и обеспечение демографической безопасности рассматриваются как меры первоочередного значения и высокой актуальности. Население, как отмечают А. Малнар (A. Malnar) и Д. Малнар (D. Malnar), «наряду с территорией и суверенной властью, является составным элементом государства как постоянного и организованного сообщества» [2, р. 57]. Именно население и его качественный состав служат основой успешного экономического развития в промышленности, сельском хозяйстве, сфере услуг. Для развития ЕАЭС важно изучать демографические явления и процессы в союзном образовании, так как население представляет собой базу для «территориальных, региональных, экономических, социальных и других видов планирования» [3, р. 693].

В настоящее время появилась статистическая сводка по ЕАЭС в целом, до этого статистический учет велся преимущественно по отдельным странам. Демографические показатели, приводимые в этих расчетах с 2018 г., позволяют судить о фактическом состоянии демографической безопасности стран Союза. Так, естественный прирост населения за 2019 г. составил 69,1 тыс. чел., что на 58,3 % меньше, чем в 2018 г. При этом число родившихся за 2019 г. составило 2 180,5 тыс. чел. Этот показатель снизился на 5,4 % по сравнению с 2018 г. [4, с. 10]. Несмотря на это, в постковидный период численность населения Союза остается относительно стабильной. Численность постоянного населения на 1 января 2021 г. составила 184 000,3 тыс. чел., что на 0,1 % меньше, чем было зафиксировано 1 января 2020 г. [4, с. 10]. За 2022 г. наблюдается небольшой рост, и уже на 1 января 2023 г. численность населения составила 185 429,5 тыс. чел., что также на 0,1 % меньше по сравнению с тем же периодом 2022 г. [5, с. 10]. Таким образом, мы имеем, с одной стороны, естественную убыль населения, а с другой — стабилизацию его численности. Полноценный анализ этой ситуации осложнен неполнотой данных и их бессистемностью. Однако появление с 2018 г. статистической сводки по ЕАЭС в целом позволяет говорить о том, что становится возможным производить анализ демографической безопасности ЕАЭС, но для этого следует определить, какие именно данные следует рассматривать.

Целью исследования является разработка системы показателей демографической безопасности ЕАЭС, включающей анализ данных статистики и эмпирических социологических исследований. Задачи исследования:

- проанализировать существующие в науке и практике системы показателей демографической безопасности стран и регионов;

- предложить систему индикативных показателей демографической безопасности ЕАЭС как международного объединения;
- выделить индикативные блоки, включающие отдельные показатели демографической безопасности ЕАЭС.

Обзор научной литературы по теме исследования

В контексте социального знания безопасность ассоциируется с отсутствием разрушений в социальной системе, с «уровнем ее равновесия и способности к жизни и устойчивому воспроизводству основных системных элементов, обеспечивающих ее функционирование» [6, с. 55]. И наоборот, опасность возникает в результате «изменения состояния системы, приводящего к ее авитальности, что может произойти не только в результате вмешательства человека, его деятельности, а также при воздействии на систему внешних сил, способных нарушить равновесное состояние системы» [7, с. 74]. В данном исследовании речь ведется непосредственно о демографической безопасности.

Анализ научных источников по теме исследования целесообразно проводить по двум группам трудов: во-первых, исследований в области демографической безопасности; во-вторых, разработок по измерению показателей демографической безопасности.

Итак, обратимся к трудам первой группы.

Исследования демографической безопасности начинаются со статического подхода, представляющего демографическую безопасность в контексте того, как большая численность и соразмерная плотность расселения людей в страны позитивно влияет на место государства на международной арене и на потенциал разностороннего, в том числе властного воздействия на другие страны (П. Д. Уильямс (P. D. Williams), М. Макдональд (M. McDonald)) [8]. Такой подход к рассмотрению демографической безопасности учитывает лишь статические демографические параметры (к примеру, Б. Ничипорук (B. Nichiporuk) здесь имеет в виду совокупную численность и расселенческую плотность) [9, p. 5].

Основы динамического подхода к исследованию демографической безопасности состоят в том, что акцент ставится на взаимосвязи между демографическими процессами и истощением природных ресурсов, состоянием социальной среды, масштабными международными и межрегиональными миграциями населения, усиливающейся урбанизацией, гипернационализмом (Б. Бьюзен (B. Buzan), О. Вавер (O. Waever), Дж. Уайльд (J. Wilde)) [10].

Комплексная концепция демографической безопасности заключается в фокусе на имеющемся у страны потенциале по удовлетворению потребностей граждан, на государственной «деятельности, которая обеспечивает выполнение основных функций общества (социально-экономических, социально-политических, социально-психологических, культурных, экологических)» [11, p. 32]. Важным компонентом становится мнение граждан об ощущениях в отношении собственной безопасности, о социальном самочувствии, о личных ценностях (Д. Дж. Ван де Каа (D. J. Van de Kaa)) [12]. Такой подход целесообразно учитывать при анализе демографической безопасности ЕАЭС, включив в систему показателей данные опросов населения стран, входящих в интеграционное объединение.

Одно из самых удачных определений демографической безопасности у Л. Л. Рыбаковского: «...функционирование и развитие популяции как таковой в ее возрастнo-половых и этнических параметрах, соотнесение ее с национальными интересами государства, состоящими в обеспечении его целостности, независимости, суверенитета и сохранении существующего геополитического статуса» [13, с. 9].

В различных ракурсах понятие демографической безопасности разрабатывали А. В. Верещагина, С. И. Самыгин [14], В. Г. Глушкова, О. Б. Хорева [15], А. В. Попов, О. Н. Калачикова [16]. Однако в этих работах не затрагивается тема демографической безопасности международных интеграционных объединений, в частности ЕАЭС.

Проведение глубокого и всестороннего анализа существующих теоретических трудов и методических разработок позволило Г. И. Осадчей сформулировать следующее определение. Демографическая безопасность ЕАЭС — это «состояние защищенности его социально-экономического развития, обеспечивающего сохранение геополитического, экономического, этнического статуса каждого государства-члена и Союза, их целостности, независимости, суверенитета при сохранении существующего геополитического статуса» [17, с. 109].

В последнее время появились научные исследования, в которых представлены различные аспекты анализа демографической безопасности ЕАЭС: налаживание системности в проведении тематических научных мероприятий (Р. В. Маньшин) [18]; количественного состава и качества населения, проживающего на территории государств ЕАЭС (Н. А. Кондакова, В. Г. Доброхлеб) [19]; гендерного компонента в обеспечении демографической безопасности международного союза (В. Г. Доброхлеб, Н. А. Кондакова) [20]; роли мигрантов и миграционных процессов в развитии ЕАЭС и его демографической безопасности (Г. И. Осадчая, М. Л. Вартанова) [21]; места человеческого потенциала в экономическом развитии и обеспечении демографической безопасности ЕАЭС (Г. И. Осадчая, М. Л. Вартанова) [22].

Суть этих исследований состоит в определении места демографической безопасности в ряду приоритетов как всего ЕАЭС, так и каждой из стран-участниц. Сложившаяся ситуация требует научно-методического обеспечения, которое закладывается в основу мер по оптимизации интеграционного процесса, в том числе по разработке системы индикативных показателей демографической безопасности ЕАЭС. Это позволит производить объективную оценку и предлагать эффективные меры.

Далее, рассмотрим источники, в которых предлагаются показатели, направленные на измерение демографической безопасности.

Теоретико-методологический подход к оценке демографической безопасности ЕАЭС был заложен в трудах О. Л. Рыбаковского и О. А. Таюновой, которые стали использовать в качестве методологического принципа системность. Ученые считают, что при осуществлении расчетов демографических показателей следует учитывать временной (темпоральный) компонент, поскольку конкретный показатель «может являться либо достигнутым на данный момент уровнем демографического развития, либо теми возможностями, которые могут быть реализованы в перспективе» [23, с. 22].

Научный подход, который предполагает разработку и внедрение специальных методов ретроспективных оценок и расчетов, предложен в трудах таких ученых, как Е. М. Андреев, Л. Е. Дарский, Т. Л. Харьков, А. Ю. Кардаш, К. Ю. Шабуров [24; 25]. Ретроспективный подход позволяет учитывать исторический компонент и рассматривать демографические процессы в динамике.

Демографическая, в том числе миграционная ситуация, особенности ее изменения в странах ЕАЭС, возможные перспективы ее развития, рассматривались в работах С. В. Рязанцева, А. А. Тер-Акопова, Е. Е. Письменной, М. Н. Храмовой [26], В. В. Кирпичева, А. Г. Лучкина [27], Г. И. Осадчей [28; 29], Е. П. Сигаревой, С. Ю. Сивоплясовой, С. В. Рязанцева [30]. В этих работах учтены ключевые элементы для оценки демографической безопасности, миграционных процессов и характеристики миграционной политики.

В последние годы появляются работы, в которых различные аспекты здоровья населения включается в перечень демографических показателей. М. Н. Храмова и Д. П. Зорин доказывают, что состояние здоровья жителей является компонентом демографической безопасности страны или региона [31]. О целесообразности включения показателей общественного здоровья в анализ демографической ситуации пишут Т. В. Соловьева, Е. Г. Панькова, Д. А. Бистаякина [32], В. П. Невзоров, Т. М. Буланова, В. В. Пырву [33]. Исследователи включают здоровье представителей отдельных социально-демографических групп в общую систему демографических показателей (И. В. Журавлева [34], Л. Ю. Иванова, Г. А. Ивахненко).

Субъективные характеристики социального самочувствия населения представлены в работах, характеризующих методологию исследования данного явления. При этом социальное самочувствие представляет собой «отражение включенности людей в общественные отношения» (П. П. Дерюгин, Е. А. Камышина, Л. А. Лебединцева, И. Ши, О. В. Ярмач) [35, с. 63]. Результаты измерения социального самочувствия представляют мнения людей о том, что «отражает общую тональность общественных настроений» [36, с. 120], индивидуальную эмоциональную самооценку собственного социального положения, сложившихся внешних условий жизни, удовлетворенности комплекса личных потребностей, возможностей реализации интересов населения (А. В. Кученкова).

Анализ литературы приводит к выводу, что объективная оценка ситуации путем осуществления измерений при помощи системы показателей будет способствовать научному обоснованию комплекса международных мероприятий, направленных на обеспечение демографической безопасности ЕАЭС.

Результаты исследования

В результате работы предложена система индикативных показателей демографической безопасности ЕАЭС. Каждый из блоков предполагает изучение, во-первых, в статике (на конкретный временной период), во-вторых, в динамике (демографические изменения, произошедшие в течение десяти последних лет, то есть за период существования ЕАЭС).

1. Численность и структура населения — первый блок системы индикативных показателей демографической безопасности ЕАЭС.

В индикативный блок численности и структуры населения включены показатели:

- абсолютная численность населения;
- расселение, урбанизация, плотность населения;
- половозрастная структура;
- брачность и разводимость.

Сравнительный анализ статистических данных (цифры приведены на начало года) позволяет говорить об устойчивости постоянной численности населения в целом по странам ЕАЭС, что является позитивным явлением. Однако государства сильно различаются. Статистические материалы демонстрируют, что в Казахстане и Кыргызстане количество жителей сохраняется и приумножается, а в Беларуси и России — наоборот (табл. 1).

Таблица 1. Численность населения в ЕАЭС и странах-участницах, количество чел.

Год	ЕАЭС	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия
2015	182 069 531	3 010 598	9 480 868	17 415 715	5 895 062	146 267 288
2016	182 731 027	2 998 577	9 498 364	17 669 896	6 019 480	146 544 710
2017	183 353 641	2 986 151	9 504 704	17 918 214	6 140 200	146 804 372
2018	183 715 543	2 972 732	9 448 312	18 157 337	6 256 730	146 880 432
2019	185 147 619	2 965 269	9 429 257	18 395 567	6 516 830	147 840 696
2020	185 624 608	2 959 694	9 410 259	18 631 779	6 663 592	147 959 284
2021	185 437 792	2 963 251	9 349 645	18 879 552	6 789 599	147 455 745
2022	185 612 960	2 961 367	9 255 524	19 503 159	6 912 849	146 980 061
2023	185 429 568	2 977 130	9 200 617	19 766 807	7 037 590	146 447 424

Составлено по: Данные статистических сборников ЕАЭС [37, с. 42; 38, с. 70].

Выделим риски демографической безопасности ЕАЭС, характерные для каждого показателя: для абсолютной численности населения — депопуляция, перенаселение; для расселения, урбанизации, плотности населения — диспропорциональность территориального размещения населения; дисбаланс долей городских и сельских жителей; сверхнизкая или сверхвысокая плотность населения; для половозрастной структуры — сверхвысокая доля населения молодого и старшего возрастов; гендерная асимметрия; для брачности и разводимости — низкий уровень брачности; высокий уровень разводимости жителей.

Относительно блока численности и структуры населения демографической безопасности препятствуют:

- низкая общая численность населения;
- дисбаланс в составе населения разных возрастов;
- гендерная асимметрия в структуре населения (преобладание женщин над мужчинами или наоборот);
- гендерная разница в фактической или ожидаемой продолжительности жизни;
- свехурбанизация;
- депопуляция сельских территорий;
- низкая брачность;
- высокая разводимость и др.

2. Воспроизводство населения — второй блок системы индикативных показателей демографической безопасности ЕАЭС.

Индикативный блок воспроизводства населения включает показатели:

- рождаемость;

- смертность;
- ожидаемая продолжительность жизни.

Для примера приведем данные по ожидаемой продолжительности жизни населения и по материалам статистических сборников ЕАЭС составим единую таблицу (табл. 2). Отметим, что в целом по ЕАЭС показатель ожидаемой продолжительности жизни является невысоким, в особенности с учетом периода пандемии.

Таблица 2. Ожидаемая продолжительность жизни в ЕАЭС и странах-участниках, число лет

Год	ЕАЭС	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия
2015	72,8	73,5	73,9	73,5	71,7	71,5
2016	72,8	75,0	74,1	72,4	70,9	71,9
2017	73,3	75,4	74,4	72,9	71,1	72,7
2018	73,6	75,9	74,5	73,2	71,3	72,9
2019	73,8	76,5	74,5	73,2	71,5	73,3
2020	–	73,5	–	71,4	71,7	71,5
2021	–	72,4	–	70,2	71,8	70,1
2022	–	75,1	–	74,4	71,9	72,7
2023	–	–	–	–	–	–

Примечание: данные по некоторым годам отсутствуют в статистической базе.

Составлено по: [39, с. 38; 40, с. 39; 41, с. 31; 42, с. 32; 43, с. 31; 44, с. 32; 45, с. 32; 46, с. 48–50].

Определим риски демографической безопасности ЕАЭС, характерные для разных показателей: для рождаемости — сверхнизкая или сверхвысокая рождаемость; для смертности — высокая смертность населения; для ожидаемой продолжительности жизни — низкая ожидаемая продолжительность жизни и проч.

В блоке воспроизводства населения демографической безопасности препятствуют следующие явления:

- депопуляция;
- старение;
- низкая брачность в репродуктивном возрасте;
- повышенная разводимость в репродуктивном возрасте;
- высокая общая смертность;
- высокая материнская и младенческая смертность;
- сверхсмертность в трудоспособном возрасте;
- низкая ожидаемая и фактическая продолжительность жизни;
- сверхнизкая или сверхвысокая рождаемость и др.

3. Миграция — третий блок системы индикативных показателей демографической безопасности ЕАЭС.

В индикативный блок миграции включены показатели:

- иммиграция;
- эмиграция;
- внутренняя миграция.

Для примера приведем данные по одной из основных миграционных характеристик — коэффициенту эффективности миграции, и составим сравнительную таблицу (табл. 3) на основе имеющихся статистических материалов.

Таблица 3. Коэффициент эффективности миграции в ЕАЭС

Год	ЕАЭС	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия
2015	–1,8	–16,9	48,4	–28,9	–37,3	25,8
2016	5,1	52,8	23,3	–43,5	–36,6	29,5
2017	–0,9	53,5	11,4	–41,5	–49,9	21,9
2018	–5,9	49,5	23,5	–53,3	–61,6	12,4
2019	–4,2	54,9	24,8	–57,4	–68,8	25,5
2020	–	39,5	–	–43,8	–71,7	9,8
2021	–	33,1	–	–49	–4,5	47,5
2022	–	41	–	–16,2	31,2	4,4
2023	–	–	–	–	–	–

Составлено по: [47, с. 38–42; 48, с. 51–55; 49, с. 51–55].

В соответствии с показателями выделим риски демографической безопасности ЕАЭС:

- для иммиграции — чрезмерный приток жителей в другие страны;
- для эмиграции — чрезмерный отток мигрантов;
- для внутренней миграции — перемещения граждан между регионами одной страны, препятствующие развитию государства и общества.

Негативная ситуация проявляется в основном при отрицательном коэффициенте эффективности миграции. Данный коэффициент представляет «удельный вес миграционного прироста (оттока) в миграционном обороте населения» [50], для его расчета применяется специальная формула:

$$K_{\text{э}} = \frac{C(\text{сальдо миграции})}{\text{ОМ}(\text{оборот миграции})} \times 100.$$

В рамках блока миграции демографической безопасности препятствуют следующие явления:

- высокая миграционная убыль;
- сверхвысокая или сверхнизкая общая численность иммигрантов на принимающей территории;
- высокий уровень безработицы и избыток рабочей силы в государствах-донорах;
- высокий уровень бедности жителей в государствах-донорах;
- отток интеллектуальных ресурсов, высококвалифицированных специалистов;
- отток молодежи и др.

4. Общественное здоровье — четвертый блок системы индикативных показателей демографической безопасности ЕАЭС.

Индикативный блок общественного здоровья включает показатели:

- преждевременная смертность по причине инфекционных и основных видов неинфекционных заболеваний;

- распространенность заболеваний репродуктивной системы в фертильном возрасте.

В первом случае речь идет о смертности, а во втором — о трудности или невозможности рожать детей.

Охарактеризуем риски демографической безопасности ЕАЭС по показателям:

- для преждевременной смертности по причине инфекционных и основных видов неинфекционных заболеваний — фактическая продолжительность жизни меньше ожидаемой продолжительности жизни;
- для распространенности заболеваний репродуктивной системы в фертильном возрасте — низкая эффективность системы здравоохранения (система перестает справляться).

По блоку общественного здоровья демографической безопасности препятствуют явления:

- повышенная распространенность основных видов неинфекционных заболеваний (сердечно-сосудистой системы, онкология, диабет, заболевания новорожденных);
- высокая и сверхвысокая инфекционная заболеваемость населения (пандемии, эпидемии и проч.);
- высокая доля инвалидов;
- высокая преждевременная смертность;
- нарушения репродуктивного здоровья;
- низкая распространенность здоровьесберегающего поведения;
- неэффективность работы организаций системы здравоохранения и др.

5. Уровень жизни — пятый блок системы индикативных показателей демографической безопасности ЕАЭС.

Индикативный блок уровня жизни включает показатели:

- уровень денежных доходов населения;
- обеспеченность населения материальными благами.

Выделим риски демографической безопасности ЕАЭС, характерные для показателей:

- для уровня денежных доходов населения — низкий уровень доходов;
- для обеспеченности населения материальными благами — низкий уровень соответствующего показателя.

В блоке уровня жизни демографической безопасности препятствуют следующие значимые явления:

- неудовлетворительные бытовые условия жизни;
- низкий уровень денежных доходов;
- низкая обеспеченность материальными благами (жильем, имуществом и проч.);
- недостаточность субсидий, льгот или выплат;
- низкая профессиональная занятость пожилых;
- низкая экономическая активность женщин;
- высокая экономическая нагрузка на члена семьи по причине наличия несовершеннолетних детей и др.

6. Социальное самочувствие граждан представляет собой шестой блок системы индикативных показателей демографической безопасности ЕАЭС.

В данном исследовании в перечень параметров демографической безопасности ЕАЭС на национальном и надгосударственном уровнях предложено включить

социально-психологический компонент, заключающийся в субъективной оценке, которая может быть получена при помощи проведения социологических опросов. Тематические анкеты могут включать вопросы о социальном самочувствии, о личных и интеграционных ценностях. В измерении демографической безопасности могут быть использованы данные как национальных центров изучения общественного мнения населения стран (Всемирный индекс счастья, Индекс удовлетворенности жизнью, данные ВЦИОМ, ФОМ) [51–54], так и результаты эмпирических исследований, проведенных отдельными социологами и научными группами.

Предлагается опираться на социологический исследовательский инструментарий, разработанный Н. И. Лапиным и Л. А. Беляевой и апробированный на российской выборке. Общий индекс социального самочувствия представляет собой среднее арифметическое значение нескольких компонентов, которые включены в данный индекс. Итак, индикативный блок социального самочувствия включает следующие несколько показателей:

- защищенность от социальных угроз;
- степень социального оптимизма;
- удовлетворенность своей жизнью [55].

Для примера приведем данные эмпирического социологического исследования по нескольким компонентам удовлетворенности жизнью граждан России, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана, которые временно или постоянно проживают в Москве и Московской области (исследование «Этнокультурные факторы социально-демографического благополучия России и интеграционных процессов на постсоветском пространстве», 2023–2024 гг.). Как видно из результатов (см. рисунок), в самооценках преобладают высокие и средние показатели. Вероятно, в результатах опроса сказались особенности тех респондентов, которые являются мигрантами Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана, а не коренных жителей Московской области, и они обусловлены тем, что в целом удовлетворенность жизнью у мигрантов в Московской области выше, чем в стране исхода.

Определим риски демографической безопасности ЕАЭС, характерные для индикативных показателей по блоку социального самочувствия:

- для степени защищенности от социальных угроз — усиливающиеся протестные настроения;
- для степени социального оптимизма — снижение социально-экономической активности;
- для уровня удовлетворенности жизнью — уменьшение доверия органам государственной власти и международному интеграционному образованию.

В результате в блоке социального самочувствия барьерами демографической безопасности служат:

- экологические, пандемические, военно-политические опасности;
- преступность;
- дискриминация по возрасту, полу, этнической принадлежности, религиозным предпочтениям;
- коррупция;
- бедность и нищета.

Итак, в целом работа по устранению, сокращению или предупреждению рисков демографической безопасности ЕАЭС должна вестись не только на уровне органов

Самооценка респондентов некоторых компонентов удовлетворенности жизнью, %

ЕАЭС, но и на уровне государств (правительствами), также общественных организаций [56], имеющих национальный или наднациональный статус.

Однако предложенная система индикативных показателей демографической безопасности ЕАЭС имеет ограничения: во-первых, она не позволяет выявить комплекс факторов, которые воздействуют на позитивное или негативное изменение демографической ситуации в ЕАЭС и странах-членах; во-вторых, не дает возможности определить положительные и отрицательные результаты внедрения соответствующих управленческих решений в практику регулирования вопросов демографической безопасности ЕАЭС.

Выводы

В данном исследовании проанализированы научные подходы, во-первых, к исследованию демографической безопасности, во-вторых, к разработкам по измерению показателей демографической безопасности. Комплексный анализ существующих теорий и методик, а также применение социологического подхода к оценке демографической ситуации в ЕАЭС позволили разработать систему индикативных показателей демографической безопасности ЕАЭС.

Продemonстрировано, что показатели, традиционно используемые в демографических оценках стран и регионов (численность, структура, естественное воспроизводство, миграция), целесообразно обогатить показателями (здоровье, уровень жизни), которые позволяют выявить данные для разработки мер по обеспечению демографической безопасности ЕАЭС и по оптимизации интеграционных процессов в рамках объединения. Кроме того, в перечень параметров демографической безопасности предложено включить социально-психологический компонент, заключающийся в субъективной оценке, которая может быть получена при помощи проведения социологических опросов.

Научно-практическая значимость разработки системы индикативных показателей демографической безопасности ЕАЭС (как интегративного объединения в целом, так и стран-участниц) состоит:

- в обогащении научно-методического инструментария, который позволяет как измерять отдельные компоненты демографической безопасности, так и проводить их синтез (на уровне отдельных стран и ЕАЭС в целом);
- научном обеспечении количественными данными и качественной информацией, которые учитываются при разработке и реализации научно обоснованных и эффективных мер, направленных на оптимизацию интеграционного процесса в ЕАЭС;
- возможности анализа устойчивости, а также темпов и интенсивности изменения конкретных индикативных показателей демографической безопасности ЕАЭС, что позволяет выявлять основные тенденции и осуществлять прогнозирование ситуации и заложить основы для разработки профилактических программ и проектов, нацеленных на обеспечение демографической безопасности ЕАЭС в целом и стран-участниц.

Осуществленный анализ указывает на не вполне благоприятную ситуацию, характеризующую демографическую безопасность ЕАЭС на сегодняшний день. Несбалансированный состав населения в странах и регионах ЕАЭС, а также отсутствие положительной демографической динамики ведут к актуализации задач обеспечения демографической безопасности в будущем как в интеграционном образовании в целом, так и в странах-участницах.

Дальнейшие перспективы разработки данной темы могут быть связаны с целесообразностью определения и описания специальных интегральных коэффициентов (к примеру, естественного прироста, гендерного разрыва и др.), а также интегральных индексов (например, старения, активного долголетия и др.), которые будут способствовать более точному количественному подсчету и улучшению качественных характеристик демографической безопасности ЕАЭС.

Литература

1. Белоус Ю. А., Бордачев Т. В., Глазатова М. К., Данильцев А. В., Жиенбаев М. Б., Зуев В. Н., Изотов В. С., Королев А. С., Крашенникова Л. С., Курбатова Т. А., Ладиков-Роев Д. Ю., Лихачева А. Б., Малахова А. В., Малютина Д. И., Медведков М. Ю., Мешкова Т. А., Перебоев В. С., Портанский А. П., Пятачкова А. С., Сабельникова Е. С. В поисках новой архитектуры многополярности: международное сотрудничество ЕАЭС: доклад к XXI Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества / под науч. ред. Т. А. Мешковой. М.: Изд. дом ВШЭ, 2020.
2. Malnar D., Malnar A. Demographic security trends in Southeastern Europe // *Croatian International Relations Review*. 2015. Vol. 21. P. 57–87.
3. Sterc S., Komusanac M. Croatia's uncertain demographic future — population extinction and substitution or population revitalization? // *Social research: Journal of general social issues*. 2011. Vol. 21 (3), iss. 117. P. 693–713.
4. Оросбаев А. Т., Игнатова Н. В., Ничипорович С. П., Редина М. А. Демография в цифрах. Статистика Евразийского экономического союза. М.: Евразийская экономическая комиссия, 2021.
5. Игнатова Н. В., Ничипорович С. П., Редина М. А., Дементьева И. Б., Жалкубаева К. Г., Талалаева П. С. Демография в цифрах. Статистика Евразийского экономического союза. М.: Евразийская экономическая комиссия, 2023.
6. Самыгин С. И., Степанов О. В. Социальная безопасность в системе социально-гуманитарного знания о безопасности // *Социально-гуманитарные знания*. 2014. № 11. С. 54–59.
7. Якупов А. М. Понятия «опасность» и «безопасность» как философские категории // Актуальные проблемы формирования культуры безопасности жизнедеятельности населения: Материалы XIII Международной научно-практической конференции по проблемам защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций. 14–15 мая 2008 года. Москва, Россия; МЧС России. М.: Куна, 2008.
8. Williams P. D., McDonald M. *Security Studies. An Introduction*. Milton Park: Routledge, 2023.
9. Nichiporuk B. *The Security Dynamics of Demographic Factors*. Santa Monica: Rand, 2000.
10. Buzan B., Waever O., Wilde J. (eds). *Security: A New Framework for Analysis*. Boulder: Lynne Rienner, 1998.
11. Grizold A. *International Security: Theoretical and Institutional Framework*. Zagreb: University of Zagreb, 1998.
12. Van de Kaa D. J. Europe's Second Demographic Transition // *Population Bulletin*. 1987. Vol. 42. P. 81–126.
13. Рыбаковский Л. Л. Демографическая безопасность: геополитические аспекты. М.: Экон-Информ, 2003.
14. Верещагина А. В., Самыгин С. И. Демографическая безопасность российского общества: критерии и оценка // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2013. № 2. С. 39–45.
15. Глушкова В. Г., Хорева О. Б. Демографическая безопасность России и ее регионов: проблемы и пути их решения // *Вестник финансового университета*. 2014. № 3. С. 4–25.
16. Попов А. В., Калачикова О. Н. Интегральные индексы в оценке демографической безопасности территорий // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2015. № 46. С. 56–66.
17. Осадчая Г. И. Евразийский экономический союз: потенциал развития, формат сотрудничества. М.: Экон-Информ, 2021.
18. Маньшин Р. В. Социально-демографические процессы в ЕАЭС: заметки о научных мероприятиях в Кыргызстане // *Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Социология*. 2022. Т. 22, № 4. С. 990–994. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2022-22-4-990-994>
19. Кондакова Н. А., Доброхлеб В. Г. Качество населения стран ЕАЭС: гендерный аспект // *Равноправие мужчин и женщин в России и в мире: научный потенциал молодежных исследований: сборник материалов международной молодежной научной конференции*. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2022. С. 8–17.
20. Доброхлеб В. Г., Кондакова Н. А. Гендерная составляющая демографической безопасности стран ЕАЭС // *Женщина в российском обществе*. 2022. № S1. С. 4–18. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2022.0.1>
21. Осадчая Г. И., Вартанова М. Л. Демографическая безопасность и тенденции развития миграционных процессов в Евразийском экономическом союзе в условиях пандемии (COVID-19) // *Вопросы управления*. 2021. № 1 (68). С. 62–74. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2021-1-62-74>
22. Осадчая Г. И., Вартанова М. Л. Человеческий потенциал устойчивого развития стран Евразийского экономического союза: динамика изменения и демографическая безопасность // *Вопросы управления*. 2022. № 3 (76). С. 46–59. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2022-3-46-59>

23. Рыбаковский О.Л., Таюнова О.А. Демографический потенциал: из истории понятия // *Народонаселение*. 2019. № 2. С. 17–25. <https://doi.org/10.19181/1561-7785-2019-00012>
24. Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Демографическая история России 1927–1959. М.: Информатика, 1998.
25. Андреев Е.М., Кардаш А.Ю., Шабуров К.Ю. Алгоритм построения демографических таблиц ФП АСГС «Статистика населения» (на примере таблиц смертности) // *Статистика и электронно-вычислительная техника в экономике*. Вып. IX. М.: Статистика, 1975. С. 194–210.
26. Рязанцев С.В., Тер-Акопов А.А., Письменная Е.Е., Храмова М.Н. Сценарии развития миграционной ситуации в ЕАЭС в условиях усиления экономической интеграции // *Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации*. 2017. № 19 (676): Процессы в миграционной сфере и перспективы евразийской интеграции: опыт регионов. С. 8–18.
27. Кирпичев В.В., Лучкин А.Г. Современные демографические тренды ЕАЭС // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2020. № 6 (96). Часть 4. С. 84–87.
28. Осадчая Г.И. Социально-демографические аспекты интеграционных процессов в Евразийском экономическом союзе // Осадчая Г.И. Становление Евразийского экономического союза: идеи, реальность, потенциал: монография. М.: Экон-Информ, 2019. С. 79–105.
29. Осадчая Г.И., Киреев Е.Ю. Мигранты из государств членов ЕАЭС: вклад в демографическое развитие Москвы // *Национальные демографические приоритеты: новые подходы, тенденции* / отв. ред. С.В. Рязанцев, Т.К. Ростовская. М.: Экон-Информ, 2019. С. 464–467.
30. Сигарева Е.П., Сивоплясова С.Ю., Рязанцев С.В. Демографическая ситуация на Северном Кавказе: состояние и перспективы // *Центральная Азия и Кавказ*. 2019. Т. 22, № 2. С. 136–159.
31. Храмова М.Н., Зорин Д.П. Здоровье населения Дальнего Востока России как фактор демографической безопасности макрорегиона // *Научное обозрение*. Сер. 1: Экономика и право. 2022. № 4. С. 65–81. <https://doi.org/10.26653/2076-4650-2022-4-06>
32. Соловьева Т.В., Панькова Е.Г., Бистяйкина Д.А. Анализ состояния показателей общественного здоровья населения РФ // *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2021. № 1 (1). С. 78–83.
33. Невзоров В.П., Буланова Т.М., Пырву В.В. Математическая модель изменения состояния здоровья населения и демографии в едином территориально-временном пространстве // *Медико-биологические проблемы жизнедеятельности*. 2021. № 2 (26). С. 53–62.
34. Журавлева И.В. Демографические показатели здоровья детей и подростков // *Здоровье подростков и окружающая среда: изменения за 20 лет* / отв. ред. И.В. Журавлева. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. С. 23–34.
35. Дерюгин П.П., Лебединцева Л.А., Ярмак О.В., Ши И., Камышина Е.А. Социальное самочувствие населения мегаполиса как интегральный показатель // *Дискурс*. 2020. Т. 6, № 2. С. 61–79.
36. Кученкова А.В. Социальное самочувствие и субъективное благополучие: соотношение понятий и способов измерения // *Вестник РГГУ*. Сер. Философия. Социология. Искусствоведение. 2016. № 2. С. 118–127.
37. Демография в цифрах. Статистика Евразийского экономического союза. Евразийская экономическая комиссия. М., 2019.
38. Демография в цифрах. Статистика Евразийского экономического союза. Евразийская экономическая комиссия. М., 2023.
39. Евразийский экономический союз в цифрах: статистический ежегодник. Евразийская экономическая комиссия. М., 2016.
40. Статистический ежегодник Евразийского экономического союза. Евразийская экономическая комиссия. М., 2017.
41. Статистический ежегодник Евразийского экономического союза. Евразийская экономическая комиссия. М., 2018.
42. Статистический ежегодник Евразийского экономического союза. Евразийская экономическая комиссия. М., 2020.
43. Статистический ежегодник Евразийского экономического союза. Евразийская экономическая комиссия. М., 2021.
44. Статистический ежегодник Евразийского экономического союза. Евразийская экономическая комиссия. М., 2022.
45. Статистический ежегодник Евразийского экономического союза. Евразийская экономическая комиссия. М., 2023.
46. Демография в цифрах. Статистика Евразийского экономического союза. Евразийская экономическая комиссия. М., 2023.

47. Демография в цифрах. Статистика Евразийского экономического союза. Евразийская экономическая комиссия. М., 2019.
48. Демография в цифрах. Статистика Евразийского экономического союза. Евразийская экономическая комиссия. М., 2021.
49. Демография в цифрах. Статистика Евразийского экономического союза. Евразийская экономическая комиссия. М., 2023.
50. Happy Planet Index. URL: <https://happyplanetindex.org> (дата обращения: 10.05.2024).
51. Формирование официальной статистической информации Евразийского экономического союза о показателях внешней миграции // Евразийская экономическая комиссия: [сайт]. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_stat/methodology/methodologies.php (дата обращения: 10.05.2024).
52. Индексы социального самочувствия // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/ratings/indeksy-socialnogo-samochuvstviya> (дата обращения: 10.05.2024).
53. Фонд «Общественное мнение». URL: <https://fom.ru> (дата обращения: 10.05.2024).
54. Satisfaction with Life Index. URL: <https://www.oecdbetterlifeindex.org/topics/life-satisfaction> (дата обращения: 10.05.2024).
55. Лапин Н. И., Беляева Л. А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация-2010). М.: ИФРАН, 2020.
56. Волкова О. А. Деятельность некоммерческих организаций, оказывающих медико-социальную помощь мигрантам в условиях COVID-19 // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2022. Т. 30, № 4. С. 537–542.

Статья поступила в редакцию 28 февраля 2024 г.;
рекомендована к печати 4 июля 2024 г.

Контактная информация:

Волкова Ольга Александровна — д-р социол. наук, проф.; <https://orcid.org/0000-0001-5325-0730>,
volkova_oa@rambler.ru

Вартанова Марина Львовна — д-р экон. наук, доц., гл. науч. сотр.;
<https://orcid.org/0000-0002-9853-5817>, m.l.vartanova@mail.ru

Бобкова Елена Михайловна — д-р социол. наук, доц.; icnew-age@ya.ru

Рославцева Мария Васильевна — мл. науч. сотр.; <https://orcid.org/0000-0003-3947-1793>,
maria.roslavtseva@yandex.ru

The system of indicators of demographic security of the Eurasian Economic Union: A sociological approach

O. A. Volkova¹, M. L. Vartanova¹, E. M. Bobkova², M. V. Roslavtseva¹

¹ Institute for Demographic Research — Branch of the Federal Center
of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,
6, ul. Fotieva, Moscow, 119333, Russian Federation

² Pridnestrovian State University,
128, ul. 25 Octyabrya, Tiraspol, 3300, Pridnestrovian Moldavian Republic, Moldova

For citation: Volkova O. A., Vartanova M. L., Bobkova E. M., Roslavtseva M. V. The system of indicators of demographic security of the Eurasian Economic Union: A sociological approach. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2024, vol. 17, iss. 3, pp. 348–365.
<https://doi.org/10.21638/spbu12.2024.306> (In Russian)

The article raises the problem of the contradiction between the need to identify strategic ways to ensure the demographic security of the Eurasian Economic Union (EAEU) and the lack of development of an appropriate system of indicators that provides reliable statistical and empirical information for the development of a set of measures for implementation at the level of supranational integration education. The relevance of applying a sociological approach to the development of a system of indicators of demographic security of the EAEU lies in the

need to develop the integration of the participating countries in the context of deepening global risks. The study analyzes the statistical data of the EAEU for 2014–2023 in the section of demographic characteristics of the population; provides data from a sociological survey in the study “Ethnocultural factors of socio-demographic well-being of Russia and integration processes in the post-Soviet space”, 2023–2024. Citizens of Russia (204), Kazakhstan (201), Kyrgyzstan (175), Tajikistan (199) and Uzbekistan (191) who temporarily or permanently reside in Moscow and the Moscow region were interviewed. As a result of the work, a system of indicators of the demographic security of the EAEU is proposed, consisting of six blocks (population size and structure, population reproduction, migration, public health, standard of living, social well-being of citizens). Each of the blocks involves studying, firstly, in statics (for a specific period), and secondly, in dynamics (changes over the course of ten years, during the period of the EAEU’s existence). It is proved that the indicators traditionally used in demographic assessments of countries and regions (number, structure, natural reproduction, migration) should be enriched with indicators, which will optimize the development of measures to ensure the demographic security of the EAEU (health, standard of living, social well-being).

Keywords: demographic security, the Eurasian Economic Union (EAEU), population, demographic security indicators, socio-economic development.

References

1. Belous, Yu. A., Bordachev, T. V., Glazatova, M. K., Danil'tsev, A. V., Zhienbaev, M. B., Zuev, V. N., Izotov, V. S., Korolev, A. S., Krashennnikova, L. S., Kurbatova, T. A., Ladikov-Roev, D. Iu., Likhacheva, A. B., Malakhova, A. V., Maliutina, D. I., Medvedkov, M. Iu., Meshkova, T. A., Pereboev, V. S., Portanskii, A. P., Piatachkova, A. S., Sabel'nikova, E. S. *In search of a new architecture of multipolarity: International cooperation of the EAEU: report to the 21st April International scientific conference on problems of economic and social development*. Moscow, HSE Press, 2020. (In Russian)
2. Malnar, D., Malnar, A. Demographic security trends in Southeastern Europe. *Croatian International Relations Review*, 2015, vol. 21, pp. 57–87.
3. Sterc, S., Komusanac, M. Croatia's uncertain demographic future — population extinction and substitution or population revitalization? *Social Research: Journal of general social issues*, 2011, vol. 21 (3), iss. 117, pp. 693–713.
4. Orosbaev, A. T., Ignatova, N. V., Nichiporovich, S. S., Redina, M. A. *Demography in numbers. Statistics of the Eurasian Economic Union*. Moscow, Eurasian Economic Commission Press, 2021. (In Russian)
5. Ignatova, N. V., Nichiporovich, S. S., Redina, M. A., Dementieva, I. B., Zhalkubaeva, K. G., Talalaeva, S. S. *Demography in numbers. Statistics of the Eurasian Economic Union*. Moscow, Eurasian Economic Commission Press, 2023. (In Russian)
6. Samygin, S. I., Stepanov, O. V. Social security in the system of socio-humanitarian knowledge of security. *Socio-humanitarian knowledge*, 2014, no. 11, pp. 54–59. (In Russian)
7. Yakupov, A. M. Concepts of “danger” and “safety” as philosophical categories. *Actual problems of formation of culture of safety of vital activity of the population. Materials of the 13th International Scientific and Practical Conference on the problems of protecting the population and territories from emergency situations. May 14–15, 2008. Moscow, Russia; Ministry of Emergency Situations of Russia*. Moscow, Kuna Publ., 2008. (In Russian)
8. Williams, P. D., McDonald, M. *Security Studies. An Introduction*. Milton Park, Routledge, 2023.
9. Nichiporuk, B. *The Security Dynamics of Demographic Factors*. Santa Monica, Rand, 2000.
10. Buzan, B., Waever, O., Wilde, J. (eds). *Security: A New Framework for Analysis*. Boulder, Lynne Rienner, 1998.
11. Grizold, A. *International Security: Theoretical and Institutional Framework*. Zagreb, University of Zagreb, 1998.
12. Van de Kaa, D. J. Europe's Second Demographic Transition. *Population Bulletin*, 1987, vol. 42, pp. 81–126.
13. Rybakovsky, L. L. *Demographic security: Geopolitical aspects*. Moscow, Ekon-Inform Publ., 2003. (In Russian)

14. Vereshchagina, A. V., Samygin, S. I. Demographic security of the Russian society: Criteria and assessment. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, 2013, no. 2, pp. 39–45. (In Russian)
15. Glushkova, V. G., Khoreva, O. B. Demographic security of Russia and its regions: Problems and ways to solve them. *Vestnik finansovogo universiteta*, 2014, no. 3, pp. 4–25. (In Russian)
16. Popov, A. V., Kalachikova, O. N. Integral indices in assessing the demographic security of territories. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'*, 2015, no. 46, pp. 56–66. (In Russian)
17. Osadchaya, G. I. *The Eurasian Economic Union: The potential for development, the format of cooperation*. Moscow, Ekon-Inform Publ., 2021. (In Russian)
18. Manshin, R. V. Socio-demographic processes in the EAEU: Notes on scientific events in Kyrgyzstan. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Ser.: Sotsiologiya*, 2022, vol. 22, no. 4, pp. 990–994. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2022-22-4-990-994> (In Russian)
19. Kondakova, N. A., Dobrokhleb, V. G. The quality of the population of the EAEU countries: A gender aspect. In: *Ravnopravie mužchin i zhenshchin v Rossii i v mire: nauchnyi potentsial molodezhnykh issledovaniy: sbornik materialov mezhdunarodnoi molodezhnoi nauchnoi konferentsii* (pp. 8–17). Ivanovo, Ivanovo State University Press, 2022. (In Russian)
20. Dobrokhleb, V. G., Kondakova, N. A. The gender component of the demographic security of the EAEU countries. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, 2022, no. S1, pp. 4–18. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2022.0.1> (In Russian)
21. Osadchaya, G. I., Vartanova, M. L. Demographic security and trends in the development of migration processes in the Eurasian Economic Union in the context of the pandemic (COVID-19). *Voprosy upravleniia*, 2021, no. 1 (68), pp. 62–74. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2021-1-62-74> (In Russian)
22. Osadchaya, G. I., Vartanova, M. L. Human potential of sustainable development of the countries of the Eurasian Economic Union: Dynamics of change and demographic security. *Voprosy upravleniia*, 2022, no. 3 (76), pp. 46–59. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2022-3-46-59> (In Russian)
23. Rybakovsky, O. L., Tayunova, O. A. Demographic potential: From the history of the concept. *Narodonaselenie*, 2019, no. 2, pp. 17–25. <https://doi.org/10.19181/1561-7785-2019-00012> (In Russian)
24. Andreev, E. M., Darsky, L. E., Kharkova, T. L. *Demographic history of Russia 1927–1959*. Moscow, Informatika Publ., 1998. (In Russian)
25. Andreev, E. M., Kardash, A. Yu., Shaburov, K. Yu. Algorithm for constructing demographic tables of the AF ASGS “Population statistics” (on the example of mortality tables). In: *Statistika i elektronno-vychislitel'naia tekhnika v ekonomike*, iss. IX (pp. 194–210). Moscow, Statistika Publ., 1975. (In Russian)
26. Ryazantsev, S. V., Ter-Akopov, A. A., Pisennaya, E. E., Khramova, M. N. Scenarios for the development of the migration situation in the EAEU in the context of increased economic integration. *Analiticheskii vestnik Soveta Federatsii Federal'nogo Sobraniia Rossiiskoi Federatsii*, 2017, no. 19 (676): Protsessy v migratsionnoi sfere i perspektivy evraziiskoi integratsii: opyt regionov, pp. 8–18. (In Russian)
27. Kirpichev, V. V., Luchkin, A. G. Modern demographic trends of the EAEU. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal*, 2020, no. 6 (96), part 4, pp. 84–87. (In Russian)
28. Osadchaya, G. I. Socio-demographic aspects of integration processes in the Eurasian Economic Union: monograph. In: Osadchaya G. I. *Stanovlenie Evraziiskogo ekonomicheskogo soiuz: idei, real'nost', potentsial* (pp. 79–105). Moscow, Ekon-Inform Publ., 2019. (In Russian)
29. Osadchaya, G. I., Kireev, E. Yu. Migrants from the EAEU member states: Contribution to the demographic development of Moscow. In: *Natsional'nye demograficheskie priority: novye podkhody, tendentsii* (pp. 464–467). Moscow, Ekon-Inform Publ., 2019. (In Russian)
30. Sigareva, E. S., Sivoplyasova, S. Yu., Ryazantsev, S. V. Demographic situation in the North Caucasus: State and prospects. *Tsentral'naia Aziia i Kavkaz*, 2019, vol. 22, no. 2, pp. 136–159. (In Russian)
31. Khramova, M. N., Zorin, D. S. Health of the population of the Russian Far East as a factor of demographic security of the macroregion. *Nauchnoe obozrenie. Ser. 1: Ekonomika i pravo*, 2022, no. 4, pp. 65–81. <https://doi.org/10.26653/2076-4650-2022-4-06> (In Russian)
32. Solovyova, T. V., Pankova, E. G., Bistyakina, D. A. Analysis of the state of indicators of public health of the population of the Russian Federation. *Kazanskii sotsial'no-gumanitarnyi vestnik*, 2021, no. 1 (1), pp. 78–83. (In Russian)
33. Nevzorov, V. S., Bulanova, T. M., Pyrvu, V. V. Mathematical model of changes in the state of public health and demography in a single territorial-temporal space. *Mediko-biologicheskie problemy zhiznedeiatel'nosti*, 2021, no. 2 (26), pp. 53–62. (In Russian)
34. Zhuravleva, I. V. Demographic indicators of the health of children and adolescents. In: Zhuravleva, I. V. (ed.). *Adolescent health and the environment: Changes in 20 years* (pp. 23–34). Moscow, Institute for Demographic Research — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences Press, 2021. (In Russian)

35. Deryugin, P.P., Lebedintseva, L.A., Yarmak, O.V., Shi, I., Kamyshina, E.A. Social well-being of the megalopolis population as an integral indicator. *Discourse*, 2020, vol. 6, no. 2, pp. 61–79. (In Russian)
36. Kuchenkova, A.V. Social well-being and subjective well-being: Correlation of concepts and measurement methods. *Bulletin of the Russian State University. Ser. Philosophy. Sociology. Art criticism*, 2016, no. 2, pp. 118–127. (In Russian)
37. *Demographics in numbers. Statistics of the Eurasian Economic Union*. The Eurasian Economic Commission. Moscow, 2019. (In Russian)
38. *Demographics in numbers. Statistics of the Eurasian Economic Union*. The Eurasian Economic Commission. Moscow, 2023. (In Russian)
39. *The Eurasian Economic Union in numbers: Statistical yearbook*. The Eurasian Economic Commission. Moscow, 2016. (In Russian)
40. *Statistical yearbook of the Eurasian Economic Union*. Eurasian Economic Commission. Moscow, 2017. (In Russian)
41. *Statistical yearbook of the Eurasian Economic Union*. Eurasian Economic Commission. Moscow, 2018. (In Russian)
42. *Statistical yearbook of the Eurasian Economic Union*. Eurasian Economic Commission. Moscow, 2020. (In Russian)
43. *Statistical yearbook of the Eurasian Economic Union*. Eurasian Economic Commission. Moscow, 2021. (In Russian)
44. *Statistical yearbook of the Eurasian Economic Union*. Eurasian Economic Commission. Moscow, 2022. (In Russian)
45. *Statistical yearbook of the Eurasian Economic Union*. Eurasian Economic Commission. Moscow, 2023. (In Russian)
46. *Demographics in numbers. Statistics of the Eurasian Economic Union*. The Eurasian Economic Commission. Moscow, 2023. (In Russian)
47. *Demographics in numbers. Statistics of the Eurasian Economic Union*. The Eurasian Economic Commission. Moscow, 2019. (In Russian)
48. *Demographics in numbers. Statistics of the Eurasian Economic Union*. The Eurasian Economic Commission. Moscow, 2021. (In Russian)
49. *Demographics in numbers. Statistics of the Eurasian Economic Union*. The Eurasian Economic Commission. Moscow, 2023. (In Russian)
50. The formation of official statistical information of the Eurasian Economic Union on the indicators of external migration. *Eurasian Economic Commission*. Available at: https://eec.eaeunion.org/comission/departments/dep_stat/methodology/methodologies.php (accessed: 05.10.2024). (In Russian)
51. Indices of social well-being. *VCIOM*. Available at: <https://wciom.ru/ratings/indeksy-socialnogo-samochuvstviya> (accessed: 05.10.2024). (In Russian)
52. *The Public Opinion Foundation*. Available at: <https://fom.ru> (accessed: 05.10.2024). (In Russian)
53. *Happy Planet Index*. Available at: <https://happyplanetindex.org> (accessed: 10.05.2024).
54. *Satisfaction with Life Index*. Available at: <https://www.oecdbetterlifeindex.org/topics/life-satisfaction> (accessed: 05.10.2024).
55. Lapin, N.I., Belyaeva, L.A. *Program and standard tools “Socio-cultural portrait of the Russian region” (Modification — 2010)*. Moscow, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences Press, 2020.
56. Volkova, O.A. Activities of non-profit organizations providing medical and social assistance to migrants in conditions of COVID-19. *Problemy sotsial'noi gigieny, zdravookhraneniia i istorii meditsiny*, 2022, vol. 30, no. 4, pp. 537–542. <https://doi.org/10.32687/0869-866X-2022-30-4-537-542> (In Russian)

Received: February 28, 2024

Accepted: July 4, 2024

Authors' information

Olga A. Volkova — Dr. Sci. in Sociology, Professor; <https://orcid.org/0000-0001-5325-0730>, volkovaoa@rambler.ru

Marina L. Vartanova — Dr. Sci. in Economics, Associate Professor, Leading Researcher; <https://orcid.org/0000-0002-9853-5817>, m.l.vartanova@mail.ru

Elena M. Bobkova — Dr. Sci. in Sociology, Associate Professor; icnew-age@ya.ru

Maria V. Roslavtseva — Junior Researcher; <https://orcid.org/0000-0003-3947-1793>, maria.roslavtseva@yandex.ru

НАУЧНЫЕ СОБЫТИЯ

УДК 316.77

III Международная летняя школа «Евразийские общества в фокусе молодых социологов» Института демографических исследований ФНИСЦ РАН

Г. И. Осадчая, Т. Н. Юдина, О. А. Волкова, Е. Ю. Киреев

Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Российская Федерация, 119333, Москва, ул. Фотиевой, 6

Для цитирования: Осадчая Г. И., Юдина Т. Н., Волкова О. А., Киреев Е. Ю. III Международная летняя школа «Евразийские общества в фокусе молодых социологов» Института демографических исследований ФНИСЦ РАН // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2024. Т. 17, вып. 3. С. 366–372. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2024.307>

III Международная летняя школа «Евразийские общества в фокусе молодых социологов», организованная Институтом демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (ИДИ ФНИСЦ РАН) и Научным советом «Социально-политические и демографические проблемы формирования Евразийского экономического союза (ЕАЭС)» при ООН РАН при поддержке Российского общества социологов, прошла 19–21 июня 2024 г. в ИДИ ФНИСЦ РАН.

В течение трех дней в работе Школы принимали участие 117 человек, 44 очно и 73 заочно, из девяти стран (Россия, Беларусь, Таджикистан, Кыргызстан, Куба, Молдова, Казахстан, Узбекистан, Китай). Широко была представлена и география России. Кроме представителей московских вузов (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Высшая школа экономики, Российский университет дружбы народов, Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Российский государственный социальный университет, Российский университет спорта «ГЦОЛИФК», Московский педагогический государственный университет, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова и др.), участниками Школы стали слушатели из вузов Петербурга, Казани, Белгорода,

Краснодара, Новосибирска, Нижнего Новгорода, Саратова, Барнаула, Ставрополя, Перми, Кирова и других городов.

Программа была рассчитана на три дня. Первый день: лекции и мастер-классы ведущих социологов и исследовательского сообщества, второй — Международная студенческая конференция «Евразийские общества глазами молодых социологов», третий день — подведение итогов Международного конкурса исследовательских проектов «Миграция в истории моей семьи».

С приветственными словами к слушателям Школы на открытии обратились президент Российского общества социологов, д-р философ. наук, профессор Валерий Андреевич Мансуров; научный руководитель Института философии, социологии и права Национальной академии наук Республики Армения (НАН РА), президент Армянской социологической ассоциации, академик НАН РА, иностранный член РАН, д-р социол. наук Геворк Арамович Погосян; заведующий Центром социальных исследований Института философии, права и социально-политических исследований НАН Кыргызской Республики, президент Социологической ассоциации Кыргызстана, д-р социол. наук, профессор Нурбек Ашимканович Омуралиев; председатель Исполкома «Ассоциации “Аналитика”», председатель Координационного совета Евразийского информационно-аналитического консорциума Николай Николаевич Бордюжа; директор международного аналитического клуба «Иссык-Куль — Большая Евразия» (МАК «ИКБЕ»), д-р экон. наук, профессор Айнура Анатольевна Кочербаева; директор ГУ НИИ труда, миграции и занятости населения Министерства труда, миграции и занятости населения Республики Таджикистан, канд. полит. наук Моённо Шодмон Махмадбекова.

Открыл лекционный день Школы президент Российского общества социологов В. А. Мансуров. Он предложил обсудить тему «Социология и общество: семья глазами студентов». Во вступительной части лекции он напомнил слушателям Школы, что по результатам обсуждения на 8-й Международной Грушинской конференции были определены виды кризисов в современном обществе: функциональный, гносеологический, репутационный, профессиональный, технологический и кризис дискурса. Слушателям был задан вопрос: что может и должна делать социология для их разрешения? По итогам дискуссии был сформулирован ответ: в социологии надо расширять междисциплинарный подход к исследованию социальных процессов; необходимо научиться определять потенциальные последствия своих исследований и открывать для общества окно возможностей для достижения значимых результатов; важно, чтобы социологи не только информировали общество о ключевых социальных и политических проблемах, но и предлагали пути их решения, используя новые технологии и методы социального прогнозирования, которые в текущих условиях могли бы значительно повысить качество разрабатываемых прогнозов; необходимо также исследовать поставленную задачу комплексно, с учетом анализа факторов, повлиявших на ту или иную социальную реальность. Далее В. А. Мансуров остановился на результатах исследования семьи различными социологическими центрами. Он отметил, что, по данным ВЦИОМ (апрель 2024 г.), семья как ценность находится среди пяти ключевых ценностей россиян. В. А. Мансуров обсудил со слушателями критерии создания семьи и факторы, влияющие на ее прочность. Участники Школы смогли также подробно познакомиться с результатами исследования взглядов современных студентов на семью, проведенного Российским обществом социологов.

С лекцией на тему «10 лет ЕАЭС: демографические и социально-гуманитарные аспекты интеграции» выступила руководитель отдела исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, председатель Научного совета «Социально-политические и демографические проблемы формирования Евразийского экономического союза (ЕАЭС)» при отделении общественных наук РАН, д-р социол. наук, профессор Г. И. Осадчая.

Предваряя рассмотрение основных вопросов лекции, она рассказала, когда был создан Евразийский экономический союз как международная организация региональной экономической интеграции и какова главная цель его деятельности, на конкретных данных проиллюстрировала основные социально-экономические результаты его развития за десятилетний период.

В качестве первого предложенного в структуре лекции тезиса она дала теоретическое определение категории «демографическая безопасность Союза», проанализировала ее состояние. Было предложено рассматривать демографическую безопасность как состояние защищенности количества и этнического состава населения каждой страны-члена и ЕАЭС в целом от внешних и внутренних угроз. Важнейшей составляющей демографической безопасности и условием ее обеспечения было названо качество населения государств — членов ЕАЭС, характеризующееся численностью, половозрастной структурой, продолжительностью жизни, образованием и квалификацией рабочей силы. Далее была дана характеристика состава населения ЕАЭС и его динамики.

Г. И. Осадчая также дала анализ социально-гуманитарных аспектов взаимодействия стран-членов и показала, как за годы, прошедшие с начала создания ЕАЭС, постепенно росло понимание значимости формирования наряду с единым экономическим пространством единого социально-гуманитарного пространства народов Евразийского союза, консолидации усилий стран-членов, укрепления позиции Союза за счет использования всего комплекса имеющихся научных, экономических, политических и социальных ресурсов.

Доклад включал сообщение о том, что сделано за этот период для консолидации и аккумулирования научно-образовательного потенциала развивающегося регионального объединения. Так, в мае 2023 г. ведущими вузами стран ЕАЭС был создан консорциум, основной целью которого стала подготовка специалистов, продвигающих евразийскую интеграцию во всех сферах. Действует Евразийская ассоциация университетов, которая объединяет 142 университета постсоветских стран. Свой вклад в социальное и технологическое развитие ЕАЭС и его стран-членов вносят славянские университеты в странах ЕАЭС. Символом евразийской интеграции стал Евразийский сетевой университет (СУ ЕАЭС), созданный 26 мая 2022 г. для объединения ведущих университетов стран-партнеров. Отмечено, что сотрудничество стран-членов ведется также в сфере науки, медицины, культуры, литературы, искусства, спорта — как правило, в рамках двусторонних договоров и соглашений.

Условием достижения интеграции, указала Г. И. Осадчая, может стать добавление к четырем известным свободам (передвижению товаров и услуг, финансов и человеческого капитала в рамках ЕАЭС) пятой — свободы знаний, которая реализовывалась бы на основе общих принципов и стандартов образования, здраво-

охранения и государственного управления. Эта инициатива поддержана подавляющим большинством населения стран-членов.

Далее Г.И.Осадчая представила результаты социологического исследования проблемы ценностных установок, проведенного отделом исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС Института демографических исследований ФНИСЦ РАН в 2024 г., по итогам которого обосновано ценностное ядро консолидации народов стран — участниц ЕАЭС в условиях новых рисков и вызовов.

Во второй части первого дня Школы ее слушатели участвовали в мастер-классах, организаторами которых выступили ведущие исследовательские центры. Первый мастер-класс провела исполнительный директор «М-Холдинг РОМИР» И. А. Караева по теме «Метрики в социальной сфере на базе лонгитюдной системы РОМИР». Она рассказала слушателям историю вопроса. В 1970-е гг. правительства всех стран мира стремились повысить эффективность и результативность государственных расходов, уделяя особое внимание измерению отношения между результатами (например, числом пациентов, получивших лечение) и входными параметрами (например, расходами на здравоохранение и количеством медицинского персонала). С появлением новой парадигмы государственного управления фокус внимания начал смещаться с организации внутренних процессов к ожиданиям граждан/пользователей, и эти преобразования в 1980-е и 1990-е гг. привели к появлению опросов населения и созданию механизмов подачи жалоб, созданию механизмов обратной связи, установлению стандартов для организаций, оказывающих государственные услуги. И. А. Караева продемонстрировала эти процессы на примере конкретных стран. Слушатели были активно включены в обсуждение лонгитюдных исследований и особенностей лонгитюдной системы; познакомились с Таганрогским экспериментом как уникальным исследованием в типичном городе, где впервые взяли семью как единицу измерения в социологии и смогли разобраться с современными каналами трекинга.

Второй мастер-класс по теме «Апробация методики мотивационной сегментации Censydiam на туристической аудитории» провела старший директор по работе с клиентами Ipsos в России О. А. Горелова. Она познакомила слушателей с понятием «сегментация», с ее типами и видами, продемонстрировала, от чего зависит ее результат, дала определения восьми базовых мотиваций, используемых при использовании приема сегментации для изучения той или иной группы респондентов, показала взаимосвязь конкретной базовой мотивации с восприятием цветовой гаммы, показала, в чем сущность подхода к сегментации Censydiam. В заключение слушатели с помощью О. А. Гореловой смогли выстроить сегменты туристической аудитории и определить для нее ключевые потребности в категории и подходы к приоритизации сегментов.

Второй день Школы включал Международную молодежную конференцию «Евразийские общества глазами молодых социологов». Заседание открыла директор Института демографических исследований ФНИСЦ РАН Марина Николаевна Храмова с приветственным словом молодежному составу участников мероприятия и с познавательной обзорной лекцией «Миграция и безопасность на Евразийском пространстве».

Модераторами конференции выступили руководитель Отдела исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС ИДИ ФНИСЦ РАН, д-р социол.

наук профессор Галина Ивановна Осадчая и главный научный сотрудник Отдела исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС ИДИ ФНИСЦ РАН д-р социол. наук, профессор Ольга Александровна Волкова.

Молодые ученые представили доклады, содержащие результаты их научных исследований. Выступили 16 участников. Особенно большой интерес вызвали выступления старшего преподавателя кафедры социологии и социальных технологий из Приднестровского государственного университета им. Т. Г. Шевченко А. И. Димитрюк (г. Тирасполь, Республика Молдова); докторанта кафедры Ассамблеи народа Казахстана Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева А. К. Ишановой (г. Астана, Казахстан); преподавателя кафедры евразийских исследований из Белорусского государственного университета, магистра экономики В. Д. Зайцевой (г. Минск, Беларусь); эксперта Международного аналитического клуба «Иссык-Куль — Большая Евразия» канд. экон. наук Ч. М. Кошоева (г. Бишкек, Кыргызстан); лаборанта кафедры политического анализа и социально-психологических процессов Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова А. Р. Макаева (г. Москва, Россия); докторанта факультета международных отношений Казахского национального университета им. Аль-Фараби Д. М. Рахматулиной (г. Алматы, Казахстан); аспиранта кафедры менеджмента Кыргызско-Российского славянского университета им. Б. Н. Ельцина Б. А. Сыдыгалиевой (г. Бишкек, Кыргызстан); научного сотрудника Сектора изучения миграционных и интеграционных процессов Института социологии ФНИСЦ РАН, канд. социол. наук А. А. Эндрюшко (г. Москва, Россия) и др. Лучшие молодые докладчики и их именитые научные руководители получили грамоты и благодарности за активное участие в работе конференции.

Участники мероприятия задавали интересующие их вопросы и принимали активное участие в дискуссиях. Особенный интерес вызвала тема результатов 10-летнего сотрудничества стран в рамках ЕАЭС. Молодежь высказывалась о важности развития интеграции, причем не только экономической, но и образовательной, исследовательской, проектной. В конференции приняли участие молодые ученые с ученой степенью, аспиранты и магистранты. Но мероприятие привлекло и более юных исследователей. Среди докладчиков был школьник МАОУ СОШ № 9 им. П. А. Столыпина Роман Кулаков с перспективной аналитической темой «Народы Евразии: взгляд из окон российской школы» (г. Балашов, Россия).

В подготовке и работе конференции были задействованы члены Молодежной секции Научного совета «Социально-политические и демографические проблемы формирования Евразийского экономического союза (ЕАЭС)» при Отделении общественных наук РАН (ООН РАН), в состав которой вошли молодые исследователи из Армении, Беларуси, Казахстана, Китая, Колумбии, Кубы, Кыргызстана, Молдовы, России.

По итогам проведения конференции ее участники приняли решение подготовить доклады и выступить 9–14 сентября 2024 г. на II Международном молодежном аналитическом конгрессе «Молодежь в Большой Евразии: потенциал, риски, безопасность, сотрудничество», посвященном 10-летию ЕАЭС (Кыргызско-Российский славянский университет им. Б. Н. Ельцина и ЦО «Радуга», г. Бишкек; с. Сары-Ой, Кыргызстан). Соорганизаторами конгресса являются Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН и Научный совет «Социально-политические и де-

мографические проблемы формирования Евразийского экономического союза (ЕАЭС)».

Третий день работы школы был посвящен подведению итогов конкурса эссе «Миграция в истории моей семьи» под руководством главного научного сотрудника ИДИ ФНИСЦ РАН, д-ра социол. наук, профессора Татьяны Николаевны Юдиной, ведущего научного сотрудника ИДИ ФНИСЦ РАН Егора Юрьевича Киреева, младшего научного сотрудника ИДИ ФНИСЦ РАН Виктории Сергеевны Новиковой.

Организаторами школы был определен состав жюри, в который вошли исследователи, занимающиеся изучением миграции, — руководитель Отдела исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС, д-р социол. наук, профессор Г. И. Осадчая, главный научный сотрудник Отдела исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС, д-р социол. наук профессор Т. Н. Юдина, главный научный сотрудник Отдела исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС, д-р социол. наук, профессор О. А. Волкова, д-р социол. наук, профессор Российского государственного социального университета Т. М. Бормотова, научный сотрудник Приднестровского государственного университета им. Т. Г. Шевченко А. Н. Оставная, ведущий научный сотрудник, канд. социол. наук Е. Ю. Киреев, младший научный сотрудник В. С. Новикова.

Победителем конкурса стала Елизавета Дягилева (Кубанский государственный технологический университет, г. Краснодар, Россия), которая подготовила работу о потере дома в Украине, переживании опыта беженства и пребывания в российском фильтрационном лагере, первом времени нахождения в России. Второе и третье места заняли Муссо Хушвахтов (Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь, Россия), который рассмотрел историю миграции своей семьи в поколенческом и межстрановом измерении в контексте России и Таджикистана, и София Дулатова (Московский международный университет, г. Москва, Россия), подготовившая эссе о вынужденном переселении своего деда и его семьи во времена СССР в период коллективизации. В числе лауреатов конкурса были отмечены Анастасия Морозова, Алина Тутушкина и Карина Хустнутдинова (Российский государственный социальный университет, г. Москва, Россия).

Победители и призеры конкурса были награждены соответствующими сертификатами, а также получили от организаторов в подарок книги ученых ИДИ ФНИСЦ РАН по миграционной и демографической проблематике.

Информация о Школе размещена на сайте ИДИ ФНИСЦ РАН и Российского общества социологов.

Статья поступила в редакцию 13 августа 2024 г.;
рекомендована к печати 22 августа 2024 г.

Контактная информация:

Осадчая Галина Ивановна (1951–2025)

Юдина Татьяна Николаевна — д-р социол. наук, проф.; <https://orcid.org/0000-0001-7785-8601>,
ioudinatn@mail.ru

Волкова Ольга Александровна — д-р социол. наук, проф.; volkovaoa@rambler.ru

Киреев Егор Юрьевич — канд. социол. наук; yegorkireev@gmail.com

The 3rd International Summer School “Eurasian Societies in the focus of Young Sociologists” of the Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

G. I. Osadchaya[†], T. N. Yudina, O. A. Volkova, E. Yu. Kireev

Institute for Demographic Research — Branch of the Federal Center
of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,
6, ul. Fotieva, Moscow, 119333, Russian Federation

For citation: Osadchaya G. I., Yudina T. N., Volkova O. A., Kireev E. Yu. The 3rd International Summer School “Eurasian Societies in the focus of Young Sociologists” of the Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2024, vol. 17, issue 3, pp. 366–372. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2024.307> (In Russian)

Received: August 13, 2024

Accepted: August 22, 2024

Authors' information:

Galina I. Osadchaya[†] (1951–2025)

Tatyana N. Yudina — Dr. Sci. in Sociology, Professor; <https://orcid.org/0000-0001-7785-8601>,
ioudinatn@mail.ru

Olga A. Volkova — Dr. Sci. in Sociology, Professor; <https://orcid.org/0000-0001-5325-0730>,
volkovaoa@rambler.ru

Egor Yu. Kireev — PhD in Sociology; <https://orcid.org/0000-0002-5441-0430>, yegorkireev@gmail.com